

АКИЛДЖАН
ХУСАНОВ

ЖИЛ МАЛЬЧИК В ГОРАХ

Приключенческая повесть

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
1984

Перевод с узбекского Н. Гацунаева

4802010000—133
X 356 (04)—84

131—84

© Издательство «Еш гвардия», 1984 г.

www.ziyouz.com kutubxonasi

*И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.*

Сергей ЕСЕНИН

Часть первая

ТРУДОВОЙ ОТПУСК

Разные есть люди на свете. Главным образом — хорошие: добрые, чистосердечные, отзывчивые. Но есть и такие, от которых лучше держаться подальше: один дурной человек столько зла натворить может, что и сто хороших едва ли исправят. Из-за одного такого злыдня сколько несчастий на семью дяди Касыма обрушилось! А сколько людей в те дни по горам в поисках маялось!

Непонятно, что к чему, да? Давайте, я вам все по порядку расскажу. Но сначала познакомимся. Меня Хакимджаном зовут. Халматов моя фамилия. Спросите, кто я по профессии? Пока журналист. Почему пока? Потому что я эту профессию еще толком не освоил и не знаю, освою ли вообще когда-нибудь. В школе я по многим предметам хорошо учился. Но особенно мне география нравилась. Мечтал геологом стать, залежи полезных ископаемых открывать, чтобы страна наша богаче становилась. Ну, а пока что в районной газете литсотрудником работаю. Честно говоря, попал я в редакцию случайно. Вот как это случилось.

После восьмого класса во время каникул собирал я однажды урюк в нашем саду. Слышу, отец меня зовет. Подхватил я ведро с урюком и бегом во двор. Смотрю,

отец с нашим соседом дядей Алавиддином на сури¹ сидят под виноградной шпалерой, беседуют о чем-то. Поставил я ведро на землю.

— Звали?— спрашиваю.

— Посиди с нами,— говорит отец.— Разговор к тебе есть.

Поздоровался я с дядей Алавиддином, присел на сури.

— Как дела?— спрашивает сосед.— Как отдыхается?

Отвечаю, а сам диву даюсь: с чего это вдруг сосед моими делами заинтересовался? Никогда не спрашивал, а тут...

— Послушай, сынок,— говорит отец.— Мы тут с Алавиддином о тебе говорили. Я своими мыслями поделился, он своими.

В общем, ты у нас уже не маленький, вон какой вымахал. Довольно баловством заниматься, пора и о профессии подумать. Как вы считаете, Алавиддин?

— Все верно,— кивает сосед.— Профессия дело хорошее.

— Выхожу я сегодня утром из дома,— продолжает отец, обращаясь к соседу, а сам на меня поглядывает.— А навстречу мне Маматкарим, сын Исмаила. «Куда в такую рань собрался?»— спрашивает. «На работу»,— отвечает.— «Ты разве работаешь?»— «Конечно».— «Где?»— «В ремстройконторе».— «И кем же?»— «Плотником».— «Как плотником?»— спрашиваю.— «А очень просто. У меня уже и разряд есть. Не верите? Дайте мне доски и рубанок, я вам все что хотите сделаю». Честно говоря, позавидовал я Исмаилу: сын его немного моего сына старше, а уже профессию имеет.— «А у вас там случайно ученики не требуются?»— спрашиваю.— «Требуются»,— отвечает Маматкарим.— «Кого устроить хотите?»— «Да хотя бы сына».— «Ну и отлично. Пусть приходит, вместе работать будем».

¹ Сури — деревянный толчан.

Отец помолчал, взял из ведра пригоршню урюка, высыпал на тарелку. Я тотчас подхватил ее, вымыл урюк под водопроводным краном, слил воду и поставил тарелку на дастархан.

— А ты что на это скажешь? — спросил отец, пододвигая тарелку к соседу.— Угощайтесь, Алавиддин.— И опять мне: — Пойдешь с Маматкаримом работать?

Я не сразу нашелся, что ответить. Знал: что я ни скажу,— отец со мной согласится. Дело в том, что у них с мамой долго детей не было. А потом, наконец, я родился. Первенец. После меня две сестренки — Рано и Доно. Только меня отец все равно больше любит и считается со мной. Но ведь злоупотреблять-то этим нельзя. Вот я и стараюсь ничего не говорить, не подумаю.

— Что же ты молчишь?— спрашивает дядя Алавиддин, разламывая урючину.— Или не нравится, что отец говорит?

— Ладно,— говорю я наконец.— Пока каникулы идут, буду плотницкому делу учиться.

— А потом?

— А потом опять в школе учеба начнется.

— Учиться и в вечерней школе можно,— говорит отец.— Вон Атамурат и Кузыбай днем на тракторе работают, а вечером в школе учатся. Если ты согласен, конечно.

Я подумал и решил не перечить отцу.

— Ладно,— говорю.— Раз такое дело, согласен.

— Вот это я понимаю разговор!— одобрил дядя Алавиддин.— Мужской разговор. Теперь покупайте парню велосипед, Халмат-ака, на работу ездить. Глядишь, года не пройдет, станет Хакимджан заправским плотником.

Так вот и попал я учеником к плотнику ремстройконтормы Маматкариму. И только много времени спустя узнал, откуда это пошло. Оказывается, встретил как раз в те дни моего отца учитель математики Нишанов и пожаловался, что я по его предмету плохо учусь. Вот отец и решил, на-

верное, что раз я математикой не интересуюсь, значит, хочу профессией какой-нибудь овладеть.

С математикой у меня действительно неладно было, зато по другим предметам — одни пятерки и четверки.

Ну, да ладно, дело было уже сделано, и я стал обучаться профессии плотника в мастерской межколхозной ремонтно-строительной конторы — так полностью называлась организация, где работал Маматкарим. Вот где мнегодились навыки, полученные на уроках труда! Скоро я уже умел самостоятельно делать дверные и оконные рамы, а через полгода плотничал, как заправский мастер. Со дня на день мне должны были присвоить разряд, и тут в моей жизни произошли крутые изменения.

Отец выписывал районную газету, и я часто читал в ней заметки, написанные людьми, которых я знал. А что если и мне попробовать написать в газету, подумал я однажды. Написал о нашей бригаде, отправил заметку в редакцию, ни на что особенно не надеясь, и вдруг неожиданно-негаданно увидел в газете свою фамилию под опубликованным материалом. Странное ощущение испытываешь, видя впервые свою фамилию, набранную типографским шрифтом: радость, волнение, гордость и еще какое-то тревожное чувство, которое и словами-то передать невозможно. Я написал еще заметку, ее опубликовали. Потом последовала еще публикация, и в один прекрасный день меня пригласили прийти в редакцию. Я шел и волновался: а вдруг я что-то не то написал? Готовился к разговору, а вышло наоборот. Редактор газеты Арсланов побеседовал со мной о том, о сем, поинтересовался, кто я и откуда, сказал, что знаком с моим отцом.

— Вот ты, оказывается, чей сын. Как ты смотришь на то, чтоб перейти к нам работать?

Я растерялся от неожиданности.

— Не знаю. Надо с отцом поговорить.

— Ну что ж, — согласился Адыл Арсланович. — Надо, значит надо. И я с ним поговорю, если не возражаешь.

...Отец возражать не стал, и я перешел работать в редакцию газеты. Работал корректором и одновременно писал короткие заметки, информации, репортажи. Два очерка мои в газете напечатали. Работать было интересно, и я даже не заметил, как пролетел год. Сдал выпускные экзамены в вечерней школе, получил аттестат. Перевели меня на должность литературного сотрудника. Многие из моих одноклассников послали документы в институты, а я решил не торопиться: поработаю, а там видно будет.

И вот вызывает меня однажды к себе редактор и говорит:

— Ты почему трудовое законодательство нарушаешь, Халматов?

— Как нарушаю?— удивился я.

— А очень просто,— смеется Адыл Арсланович.— В отпуск пора идти, а ты заявление не подаешь. Бери бумагу и пиши. С пятнадцатого июля отдыхать пойдешь.

Так начался для меня мой первый трудовой отпуск.

ЗНАКОМСТВО В АВТОБУСЕ

Дома, когда я сообщил, что хочу во время отпуска поехать в город, отец с матерью удивленно переглянулись.

— И когда вернешься?— спросил отец.

— Дня через три-четыре,— ответил я.— Побываю в редакции областной газеты, с коллегами познакомлюсь.

Из дома я уезжал впервые, и мама, конечно, ударила в панику:

— Да как же ты там будешь столько времени, сыночек? Один в чужом городе!

— Мне уже восемнадцать исполнилось, — возразил я.— Скоро в армию служить пойду. Так что привыкайте, мама.

Она не нашлась что сказать и растерянно забормотала:

— В армию... Но ведь там ты с товарищами будешь. А сейчас один едешь.

— Ну и что же, что один? — неожиданно вступился за меня отец. — Думаешь, его там волки съедят, в городе? Пусть едет. Отдохнет, город посмотрит, друзьями новыми обзаведется. Поезжай, сынок. Только долго не задерживайся, не заставляй нас за тебя тревожиться.

Маме ничего другого не оставалось, как согласиться.

На следующий день сразу после завтрака я с чемоданчиком в руке отправился на автостанцию. Шел и мысленно представлял себе, как приеду в областной центр, в котором никогда прежде не бывал, город с широкими, красивыми улицами, как пойду сначала в областной музей, потом осмотрю архитектурные памятники, а ближе к вечеру загляну в редакцию, познакомлюсь с ее сотрудниками, отправлюсь с ними в городской парк, где наверняка есть и чайхана, и кафе, в которых можно поесть и отдохнуть за дружеской беседой.

Становилось жарко, но, увлеченный своими мыслями, я не замечал жары. На автостанцию я поспел к самому отправлению автобуса. Быстренько взял в кассе билет и поднялся в салон автобуса. Все окна были открыты, но все равно стояла такая духота, что пассажиры обмахивались кто чем мог, то и дело вытирали потные лица и почти не переговаривались между собой.

Я сел на свое место и покосился на соседа. Это был коренастый круглолицый мужчина лет тридцати пяти с торчащими кверху усами и давно нестриженной шевелюрой, на которой чудом держалась новенькая тубетейка. Тубетейка была ему явно мала. Почему-то я с первого взгляда решил, что мой попутчик — чабан. На коленях у чабана лежал небольшой узелок. Попутчик смотрел в окно и не обращал на меня внимания. Усаживаясь, я достаточно громко с ним поздоровался, но он, по-моему, меня не слышал.

Автобус тронулся и, набирая скорость, покатился по асфальтированной дороге. Стало прохладнее, и пассажиры немного оживились. Я обернулся к соседу и спросил

— Извините, вы случайно не чабан?

— Чабан,— ответил он, удивленно глядя на меня.— А вы откуда знаете?

— Не знаю. Просто предположил и, видите,— не ошибся. Я журналист, а у нас, газетчиков, глаз наметанный. Это было, конечно, несусветное хвастовство, но надо же было с чего-то начать разговор!

— Вот оно в чем дело...— произнес попутчик и опять отвернулся к окну. Но от меня не так-то легко отделаться. Я решил во что бы то ни стало разговорить соседа, а вдруг он окажется знатным чабаном, о котором еще никто ничего не писал?

— А как вас зовут, если не секрет?— спросил я.

— Бегали Эрбутаев, а что?

— Хаким Халматов,— представился я.— Будем знакомы.

Чабан без особой охоты пожал мою руку, но это меня ничуть не смутило. Журналист всегда на службе,— учил нас редактор.— Где бы он ни находился, он должен изучать жизнь, собирать и систематизировать материал.

— В каком районе вы работаете, Бегали-ака?— продолжал я.

— В Кокрабатском. В совхозе «Чарвадор» отару пасу.

К категории словоохотливых людей он явно не относился, но я не терял надежды.

— И каким же вас занесло ветром в наши края?

— Каким ветром, говорите?— попутчик вздохнул.— Если бы ветром... Необходимость меня сюда привела. А, лучше не спрашивайте. Зря только время потерял.

— Так уж и зря?— не унимался я.— Расскажите, может я чем-то помочь смогу.

Он взглянул на меня, словно говоря: «Это ты-то, воробышек, мне поможешь?», и опять вздохнул.

— Человека я искать приезжал. Да вот не нашел.

Я так и загорелся: не обмануло меня журналистское чутье! Тут была какая-то тайна.

- Кого же вы искали?
- Племянника. Потерялся мальчишка.
- Давно потерялся?
- Давно. Длинная это история, братишка.

Водитель то и дело переключал скорость. Мотор рычал и стонал, скрежетало сцепление и, чтобы расслышать друг друга, приходилось почти кричать. Меня так и распирало любопытство, но приставать с расспросами в таких условиях было неудобно, и я решил отложить разговор до города. Там можно будет пригласить чабана в какую-нибудь чайхану и поговорить всласть.

Некоторое время мы ехали молча. Попутчик мой, видимо, устал и начал потихоньку клевать носом. Вдруг что-то громко зашипело, автобус вильнул в сторону, испуганно взвизгнули женщины. Водитель резко затормозил, выключил двигатель и хлопнул дверцей.

— Успокойтесь!— крикнул он уже снаружи.— Ничего страшного. Задний баллон спустил. Поставлю запаску — и дальше поедем.

Пассажиры вышли из автобуса. Одни принялись помогать шоферу, другие прохаживались, разминая ноги. Мы с попутчиком тоже выбрались из душного салона и пристроились в тени автобуса. По обе стороны дороги тянулись поля. Ни кустика, ни дерева.

— Так что же за история приключилась с вашим племянником?— вернулся я к прерванному разговору.— Расскажите, все равно делать нечего.

— Любопытный вы человек!— невесело усмехнулся Эрбутаев.— Зачем она вам, эта история? Да и что толку, что я вам ее расскажу?

— Как знать! Может быть, я помогу вам в поиске. Буду людей расспрашивать. Мне по долгу службы много приходится разъезжать.

Чабан с сомнением посмотрел на меня и покачал головой.

— Нашей беде, наверное, уже никто не сможет по-

мочь. А было так: пропал пятилетний мальчонка. Где мы его только ни разыскивали! И в газете объявление давали, и по радио, и по телевидению — все напрасно. Как сквозь землю провалился.

Нашли людей, которые его в тот день верхом на ишаке видели. Другие утверждали, будто его волк утащил. Родители убивались — страшно вспомнить.

Да-а... Идет время... Старший его брат уже йнгитом стал. Младшие подросли. А только отец с матерью все равно забыть его не могут, кровавыми слезами плачут.

Недавно слух до нас дошел, будто в здешних Арчалинских горах одичавший мальчик объявился. Не знаю, уж кто этот слух пустил, а только прибежала ко мне сестра со слезами, умоляет, чтобы я съездил, поточнее узнал что и как. Ну, деваться некуда, как тут откажешь? Вот я и поехал. Все кишлаки в горах обошел, кого только не спрашивал, никто ничего толком не знает. Вот и возвращаюсь теперь ни с чем.

— Как же он в Арчалинские горы мог попасть, если в Кокрабате потерялся? — спросил я. — Даль-то какая. Где Кокрабат, где Арчали.

— Так-то оно так, — согласился чабан. — Да ведь массив-то один. Вот я и подумал, что мог мальчишка за это время по горам сюда дойти, хотя трудно такое представить.

— Печальная история, — посочувствовал я.

— Да уж куда печальнее...

Водитель сменил колесо и пригласил пассажиров занять свои места. Рассказ чабана не шел у меня из головы. Неужто и в самом деле жив его племянник? Скитается где-то в горах, одинокий и одичавший? Вот бы здорово было его найти! Представляю, как его родители обрадуются! А что? Может, и правда попробовать? Я теперь в отпуске, времени сколько угодно свободного. А город подойдет, успею еще на него налюбоваться. Итак, решено!

Чем больше я думал об этом мальчишке, тем больше я

его жалел, так, словно он приходился мне родным братишкой. А ведь я даже не знал, как его зовут. Хотел было спросить у Бегали-ака, но раздумал: успеется, это сейчас не главное.

Автобус наш въехал в город и остановился на автостанции. Интересно, я до сих пор считал, что город расположен на равнине. Оказалось, не так. К востоку от автостанции подымался высокий холм, к западу местность резко понижалась, и весь город — улицы, тенистые скверы, переулки — просматривались отсюда, как на ладони.

Было на автостанции многолюдно, то и дело подъезжали и отправлялись автобусы. Пахло раскаленным асфальтом, бензином, гарью. Нещадно пекло солнце.

— До свидания, братишка! — Бегали-ака поднялся с сиденья и ждал, когда я его пропущу. Я тоже вскочил и торопливо подхватил чемоданчик.

— Подождите, куда же вы? — упустил чабана значило поставить крест на всех моих планах.

— Домой, — он пожал плечами и улыбнулся.

— Может пообедаем вместе? — предложил я. — Или хотя бы чаю попьем?

— С удовольствием бы, да некогда. Мне еще ехать и ехать. А вон и автобус мой стоит.

И тогда я решил окончательно.

— Можно, я с вами поеду? К вам, вернее. Понимаете, тронул меня ваш рассказ. Хочу поподробнее все узнать. Возьмите меня с собой.

— Ну что же, — Эрбутаев как-то странно посмотрел на меня и кивнул. — Едем, раз решили.

НОЧЬ В КОКРАБАТЕ

Мы пересели в другой автобус и через несколько минут опять были за городом. Теперь наш путь пролегал вдоль горной гряды. Дорога извивалась у подножий каменных великанов, то ныряя в зеленые долины, то снова возвра-

щаяся на равнину. Солнце, которое до сих пор светило в окна справа, мало-помалу перебралось на левую сторону. Мне даже показалось, что мы едем в обратном направлении. Я сказал об этом Эрбутаеву.

— А вы наблюдательный, — усмехнулся он. — Так оно и есть в общем. Если по прямой, то от города до Кокрабата — рукой подать: полчаса езды не больше. Так и будет, когда дорогу через горы проложат. А пока приходится в объезд добираться.

Справа от нас цепью тянулись горы, слева — каменистое плато, тоже упирающееся в горы. Дорога то поднималась, то опускалась и горы за окном тоже словно колыхались величественно и волнообразно. Это было так красиво, что я искренне порадовался тому, что не остался в городе и увязался за чабаном Эрбутаевым.

Когда мы подъехали к Кокрабату, солнце зашло за вершины гор, но было по-прежнему светло. Весь райцентр состоял практически из одной длинной улицы. Выбравшись из автобуса, мы некоторое время шли по ней, потом свернули вправо и остановились у ответвлявшейся от шоссе проселочной дороги.

— Теперь будем ждать совхозную машину, — сказал Бегали-ака.

Ждать пришлось недолго. Грузовая автомашинка вскоре свернула с шоссе на проселок и остановилась возле нас. Мы вскарабкались в кузов. Здесь, на доске, заменявшей сиденье, пристроился мужчина одних лет с Эрбутаевым.

— А, Бегали! — приветствовал он моего попутчика. — Как дела?

— Привет, Эшмурза. В город по делам ездил, вот возвращаюсь.

У Эшмурзы было болезненно бледное лицо. Не знаю почему, но у меня создалось впечатление, что он когда-то был гораздо полнее, чем теперь, а потом похудел. Может быть, так казалось оттого, что глаза у него глубоко запали в глазницы и взгляд их был тосклив и беспокоеен. Не-

смотря на жару, он был в толстой вязаной фуфайке. Эшмурза оглядел меня с ног до головы и спросил:

— Кто это с тобой, Бегали?

— Знакомый из города, — ответил Эрбутаев, почему-то умолчав о том, зачем ездил в наш район.

Мы устроились рядышком на доске и машина покатила дальше. Немного погодя я обернулся к чабану, хотел о чем-то спросить, но слова замерли у меня на языке, так поразило меня изменившееся выражение лица моего спутника. Бегали-ака сидел нахмурившись, угрюмо глядя прямо перед собой. Хотите верить, хотите нет, но мне стало не по себе. Машина карабкалась на подъем, скатывалась под уклон, тряслась на каменистых переправах через реки, а мы сидели молча, будто воды в рот набрали.

В совхозный поселок мы въехали, когда уже совсем стемнело. Уютно светились окна домов. Грузовик остановился, и мы с Эрбутаевым прыгнули на землю. Эшмурза, ехал куда-то дальше и остался сидеть в кузове. Поселок жил своей ночной жизнью. Слышались человеческие голоса, мычали коровы во дворах, блеяли овцы, время от времени лаяли собаки. Я обратил внимание на необычно низкие дувалы¹ и распахнутые настежь ворота. В одни из таких ворот мы вошли и оказались в небольшом дворике. На айване,² освещенном электрическими лампочками, вокруг дастархана сидели женщина и несколько ребятишек разного возраста. В дальнем углу двора лежал, положив голову на передние лапы, огромный волкодав. При нашем появлении он лениво поднял голову, басовито тявкнул пару раз и опять успокоился. Детвора бросилась нам навстречу, радостно крича:

— Дядя приехал! Дядя приехал!

Я сообразил, что мы пришли не к Бегали-ака, а к его

¹ Дувал — глинобитная или сложенная из камня стена, отгораживающая один участок или сад от другого.

² Айван — веранда.

сестре. На шум из дома вышел мужчина, видимо, глава семейства.

— Познакомьтесь,— представил меня Эрбутаев.

Я назвал себя и поздоровался за руку с женщиной, которого, как выяснилось, звали Касым-ака. Мы все вместе поднялись на айван, поужинали и стали пить чай. Ребяtinю отправили спать, остался только старший: пошел на кухню заваривать свежий чай.

— Это я о нем говорил, — напомнил Бегали-ака. — Он на два года старше пропавшего братишки. Анваром зовут. Двенадцать лет парню.

— Зулайха! — позвал Касым-ака. — Иди с нами посиди. Анвар один там управится.

— Иду! — откликнулась Зулайха-апа, принесла два заварных чайника, поставила на дастархан и опустилась на курпачу.

— Как поживаете, сестра? — спросил Бегали-ака.

— Живем, — вздохнула она. — Как у вас дела? Какие новости привезли?

Бегали-ака стал рассказывать, где был, с кем разговаривал, что удалось узнать. Мы молча слушали. Только Зулайха-апа вздыхала время от времени и украдкой вытирала слезы концом головного платка. Если присмотреться, они с братом были очень похожи: одинаковые черты лица, длинные ресницы, даже загар одинаковый.

Я дождался, когда Бегали-ака закончит рассказывать и, улучив момент, пока он говорил о чем-то с сестрой, спросил Касыма-ака:

— Как же получилось, что у вас сынишка потерялся?

Наверное, это было бестактно с моей стороны, но мне не терпелось скорее узнать все об этом трагическом случае. Касым-ака правильно истолковал мое нетерпение.

— Я в тот день был на работе, — начал он негромким, печальным голосом. — Зулайха в гости пошла. Сыновья вдвоем дома остались. Старшего дружки-приятели на улицу позвали, а когда вернулся, младшего уже не было...

Где мы его только ни искали, у кого только ни спрашивали. Никто ничего не знает. Один старик видел, вроде бы, как Эшмурза с нашим сынишкой на ишаке ехал, да и то не уверен...

— Эшмурза это тот, что с нами в машине ехал,— пояснил мне Бегали-ака.

— Вместе ехали?— переспросил Касым-ака.

— Да,— неохотно подтвердил Бегали-ака.— Начил было спрашивать, да я ему сказал, что из города возвращаюсь и разговаривать не стал.

— На ишаке этого негодяя и видел моего сына старый Кулмат. Ишак через пару дней нашелся, а сын как в воду канул. Ни живого, ни мертвого не нашли.

— Жив мой сынок!— всхлипнула Зулайха-апа и оясть вытерла глаза.— Сердце мне подсказывает, жив он.

Касым-ака посмотрел на нее долгим, сочувствующим взглядом и покачал головой.

— Если б так... Сколько времени прошло. Вот и Бегали-ака ездил опять — и все зря.

Зулайха-апа промолчала. Я подождал немного, потом осторожно предложил:

— Будь у меня напарник, я бы тоже на поиски отправился.

— Куда?— горько спросил Касым-ака.— Где его искать?

— Там, куда Бегали-ака ездил. Говорят же, что видели там мальчика. Дыма без огня не бывает. Арчалинские горы в нашем районе. У меня даже знакомые есть в тех краях, хотя сам я там не бывал.

— Хакимджан редактором газеты работает,— вмешался в разговор Бегали-ака. Мне стало смешно, и я поспешил исправить его ошибку:

— Не редактором — литсотрудником.

— А вы бы не могли все на месте проверить и нам написать?— спросил Касым-ака. Жена взглянула на него с укором.

Мне стало их жаль и я сказал:

— Согласен, попробую навести справки. И если удастся узнать что-нибудь, сообщу немедленно.

Лучше бы я ничего не говорил. Зулайха-апа поднялась и, ни слова не говоря, ушла в дом. Некоторое время мы молчали. Наконец Касым-ака не выдержал:

— Ладно. Может, она и права. Я еду с вами.

Посоветовавшись, мы решили не откладывать дела в долгий ящик и отправиться в обратный путь на следующий же день. До города Бегали-ака довезет нас на своем мотоцикле, оттуда до Багистана доберемся автобусом, а от Багистана до кишлака Атлас, что в Арчалинских горах, не так уж далеко.

Бегали-ака поехал к себе домой. Мы проводили его и вернулись на айван, где все уже было убрано. Касым-ака провел меня в комнату, где стояли две кровати — для меня и для него. Мы молча разделись и потушили свет. Не спалось. Я ворочался с боку на бок, тщетно пытаюсь заставить себя уснуть. По тому, как вздыхал Касым-ака, я понял, что он тоже не спит и спросил:

— Скажите, Касым-ака, что за человек этот ваш Эшмурза?

— Почему вы о нем спрашиваете? — удивился Касым-ака.

— Бегали-ака, когда увидел его, даже в лице изменился. Да и вы, я смотрю, не очень-то его жалуете.

Некоторое время Касым-ака лежал молча, а когда, наконец, заговорил, голос у него был какой-то странный.

— Не спрашивай лучше, братишка. Не бреди мне душу.

КИШЛАК ПОСРЕДИ ГОР

На следующий день все у нас шло, в основном, по разработанному накануне плану. Утром Бегали-ака довез нас на мотоцикле с коляской до городской автостанции. Часа

в два мы уже были в Багистане. Отсюда в Атлас отправлялась автолавка, и мы быстро договорились с шофером. В самом кишлаке мне бывать не доводилось, но незадолго до отпуска я познакомился в районе с директором атласской школы и организовал за его подписью статью в нашу газету. Тогда Шербек-ака. (так звали директора) пригласил меня к себе в гости и теперь я решил воспользоваться его приглашением.

За всю дорогу мы с Касымом-ака перекинулись всего несколькими фразами. Он был молчалив и угрюм, а может быть, просто неразговорчив по натуре, я же старался не донимать его разговорами, понимая, хотя и смутно, что творится у него на душе.

До кишлака Атлас мы добрались часов в семь вечера. Шофер остановил машину у школы, попрощался и поехал дальше. Мы огляделись по сторонам. Кишлак был небольшой, со всех сторон его окружали высокие горы. Школьный сторож привел нас к дому директора и сам позвал хозяина. Шербек-ака оказался радушным хозяином, по обычаю тут же велел заколоть барана и пригласил на торжество по случаю нашего приезда своих соседей.

Засиделись мы допоздна, и только когда гости, наконец, разошлись, предварительно пригласив нас к себе на чашку чая, мы остались наедине с хозяином дома и изложили ему цель нашего приезда. Говорил, собственно, больше я, а Касым-ака кивал головой, не сводя глаз с хозяина дома.

Шербек-ака молча выслушал мой рассказ до конца и еще некоторое время молча глядел в окно, за которым сверкали яркие, неправдоподобно большие звезды.

— Да-а,— произнес он наконец.— Страшную вы мне историю поведали. Если старик сказал правду...

Он не договорил, но и без слов было ясно, что он имеет в виду. Касым-ака продолжал с надеждой смотреть на директора.

— Понимаете, какое дело, — продолжал Шербек-ака.—

Недавно в Кичиксае случай такой был: семиклассник у меня оттуда учится, ну так вот, перестал он на занятия приходиться. День отсутствует, другой, третий. Потом объявился. Спрашиваю, почему уроки пропустил — молчит. Ну я пригрозил родителей вызвать. И тогда он мне рассказал, что был в горах и случайно встретил там албасты — дикого человека. Напугался, дескать, и заболел. Я, понятно, не поверил, не первый раз такие побасенки слышу. Вызвал отца. Тот мне подтвердил, что мальчишка действительно ходил в горы и вернулся оттуда сам не свой, а потом три дня в горячке провалялся. Что уж он там видел на самом деле — не знаю; но что-то его действительно напугало. Так что побываем завтра в Кичиксае, попытаемся разобраться.

— А большой этот Кичиксай? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Кишлак, наверное.

— Нет такого кишлака. Кичиксай — это долина, вернее даже ущелье. Длинное, правда: из конца в конец за день не пройти. Чабаны там летом скот пасут. Дикое место, необжитое. Буреломы, чащи, осыпи. Что угодно помешаться может. И Дурбека с собой прихватим, пусть посмотрит. Он меня давно упрасивал в Кичиксай сводить.

— Дурбек — это кто?

— Сын мой старший. Седьмой класс окончил. Того мальчишку, что албасты напугался, хорошо знает. — И без всякой логики: — Зря я, видно, математику выбрал. Мне бы наукой о природе заняться: биологией, например.

Это было так неожиданно, что я улыбнулся.

— Кому что. Я вот, например, с математикой в школе не ладил.

— А чем у вас плохая профессия? Быть журналистом не всякому дано. Я вот не смог бы, наверное. Ну, да ладно, утро вечера мудренее. Давайте поспим хоть немного.

Мы улеглись, но несмотря на усталость я еще долго не мог уснуть, лежал с открытыми глазами, прислушиваясь

к шуму реки, перекличке петухов, лаю собак. Потом яркая звезда за окном стала стремительно увеличиваться в размерах, расплылась радужными кольцами, и я уснул.

Утром меня разбудил Касым-ака. Солнце еще не поднялось из-за гор, но было уже совсем светло. Кровать, на которой спал Шербек-ака, была аккуратно заправлена и, выйдя во двор, мы увидели его вытирающегося полотенцем.

— Ну, как выспались?— приветствовал он нас, улыбаясь во весь рот.

— Спасибо. Что же вы нас не разбудили?— ответили мы одновременно, взглянули друг на друга и рассмеялись.

Поодаль у очага хлопотала жена директора. Ей сновисто помогали двое парнишек: один ломал хворост, другой топил очаг. Шербек-ака вошел в дом, вернулся с двумя полотенцами и повел нас к реке. Когда мы вернулись, освеженные после умывания ледяной горной водой, на суфе¹ уже был разостлан дастархан и все готово для завтрака.

— Вы еще спали, а сюда двое соседей приходили,— улыбнулся хозяин дома.— Еле спровадил.

Мы с Касымом-ака недоуменно переглянулись.

— В гости приглашали,— пояснил директор.— Здесь так принято.

— А Дурбек где?— спросил я.

— В магазин побежал купить кое-что. Сейчас вернется.

Не успел он договорить, как в открытые ворота вошел подросток и протянул хозяину бумажный сверток.

— Принес, дада².

— Хорошо. Занеси в дом и подавай шурпу³.— Шербек-

¹ Суфа — глиняное возвышение во дворе для отдыха и сна.

² Дада — папа.

³ Шурпа — суп.

ака обернулся к нам.— Звал и его вчера с нами посидеть, не захотел, стесняется. Робкий он у меня, в кишлаке вырос.

Дурбек принес две миски с дымящейся шурпой. Отец принял их, поставил на дастархан перед нами. Мальчик пошел за очередной порцией шурпы. Был он худощавый, рослый для своих лет, на нем ладно сидели джинсовые брюки и синяя трикотажная рубашка. Только вот серая кепка с длинным козырьком, которую он надвинул на самые брови, никак не шла к его юному улыбочатому лицу.

— Я с вами не посоветовавшись шурпу велел приготовить,— извиняющимся тоном сообщил Шербек-ака.— Решил, что перед дорогой надо как следует заправиться.

— Все правильно. Что может лучше шурпы быть?— согласно кивнул Касым-ака.

Позавтракав, хозяин пошел в дом, чтобы собраться в дорогу, а я тут же на суфе черкнул домой письмецо, чтобы там не тревожились за меня:

«Здравствуйте, папа и мама!

Пишу вам из кишлака Атлас, что в нашем районе. Мы тут с товарищами решили отдохнуть несколько дней. Если немного задержусь, не волнуйтесь. Отпуск провожу лучше некуда. А пока до свидания. Ваш сын Хаким».

Конверта у меня с собой не было, я сложил листок треугольником и надписал адрес. Когда Шербек-ака вышел из дому, я спросил его, как лучше отправить письмо.

— Проще простого,— ответил он.— Будем проезжать мимо школы, отдадим сторожу. А он передаст с кем-нибудь, кто едет в райцентр. Сегодня же доставят адресату, не пользуясь услугами почты.

Он выкатил мотоцикл из сарая, вынес оттуда же двустволку и патронташ. Перехватив мой взгляд, улыбнулся, надевая патронташ:

— На всякий случай. Вдруг дичь какая подвернется. Ее там видимо-невидимо.

В багажник мотоциклетной коляски сложили узелок с провизией, ружье и котелок. Касым-ака пристроился на

заднем сиденье, мы с Дурбеком — в коляске и под восторженными криками ребятни выехали со двора.

Путешествие в Арчалинские горы вступило в заключительный этап.

ВИДЕЛ ИЛИ НЕ ВИДЕЛ?

Дорога извивалась вдоль реки вплотную к отвесному склону, то взбегая на кручи, то спускаясь к самой воде, разбитая каменная дорога в горах, скорее даже не дорога, а широкая тропа, по которой на машине наверняка не проехать. Местами она сужалась, и тогда по ее обочине со стороны реки тянулась сложенная из камней насыпь, предназначенная для того, чтобы удержать неосторожных путников от падения с обрыва.

Шербек-ака вел мотоцикл, соблюдая все меры предосторожности, но у меня все равно то и дело замирало сердце.

Какое-то время мы ехали молча. Потом Шербек-ака спросил Дурбека:

- Ты знаешь сына Турсунбая-ака?
- Которого?
- Того, что седьмой класс окончил.
- Знаю, — кивнул Дурбек.
- Как его зовут?
- Зарип.

— Он тебе говорил про албасты?

— Нет. Ребята расспрашивали, но он или отмалчивается, или все отрицает.

Мы с Касымом-ака переглянулись. Директор заметил это и поспешил нас успокоить.

— Наверняка видел. Это он чтобы от расспросов избавиться. Приедем, все расскажет.

По пути мы проехали несколько небольших селений. Долина заметно сузилась, впереди показались домики селения. За ним начиналось заросшее густым лесом ущелье.

— Это кишлак Саймард,— объяснил Шербек-ака.—
Дальше по Кичиксаю кишлаков больше нет.

Горы вплотную обступили кишлак, нависая над домами глыбами каменистых круч. За ними виднелись альпийские пастбища, а еще дальше в тумане угадывались далекие вершины.

— В котором же из этих домов Турсунбай-ака живет?— вслух подумал директор.

— Я не знаю,— сказал Дурбек.

Из ворот ближайшего двора, привлеченные шумом мотоцикла, выбежали двое ребятишек. Шербек-ака заглушил мотор и поманил их.

— Который дом Зариповский?

— Вон тот,— показал один из карапузов.

Мы спешились и пошли, разминая занемевшие ноги, к указанному дому. Ворота были приоткрыты, но Шербек-ака, не заходя во двор, громко постучал в створку.

— Кто там?— откликнулся со двора женский голос.

— Свои!— ответил директор.— Зарип дома?

— Нету его. На пастбище ушел вместо отца.

— А Турсунбай-ака?

— В район уехал. У вас к нему дело?

— Мы с Зарипом хотели поговорить. Я директор школы. Шербек Рахматович меня зовут.

— О чем хотите говорить?— женщина явно не собиралась выходить со двора.

— О том человеке, которого он в горах видел.

— Никого он не видел!— в голосе женщины зазвучало раздражение.— Враки все это!

Шербек-ака оглянулся на нас и беспомощно пожал плечами.

— Все?— донеслось из-за ворот.

— Нет, не все!— решительно повысил голос Шербек-ака.— Пусть завтра ваш сын явится в школу.

— Зачем?— насторожилась женщина.

— На собрание, понятно?

— Понятно.

Мы возвращались к мотоциклу в расстроенных чувствах: нить, которая должна была привести нас к разгадке, грозила вот-вот оборваться.

— Что будем делать?— спросил Шербек-ака.— Возвращаемся?— Он колебался.

— А может, Зарипа отыщет?— предложил я.

— Правильно,— кивнул Шербек-ака.— И я тоже так думаю. Надо с самим мальчишкой поговорить, не откладывая.

Словно сговорившись, мы повернули головы в сторону пастбищ. Оттуда к кишлаку спулся одинокий всадник.

— Кто бы это мог быть?— произнес Шербек-ака, из-под ладони вглядываясь в подъезжающего.

— Похож на табунщика Хайдара-ака,— сказал Дурбек.

— Молодец!— похвалил сына директор.— Глаза зорче моих.

Он сел в седло мотоцикла, поставил ногу на педаль стартера.

— Вы идите потихоньку, а я поеду с Хайдаром поговорю. Лучше него эти места никто не знает. Может, он что-нибудь слышал о мальчике.

Шербек-ака отправился вперед. Мы видели, как он поравнялся с всадником и остановил мотоцикл. Всадник слез с лошади. Когда мы подошли, наконец, к ним, они оживленно беседовали.

Хайдар-ака оказался высоким, стройным мужчиной средних лет. Не прерывая разговора, он поздоровался с нами за руку.

—...навверняка видел. Это его родители подучили молчать. Поговорите с Зарипом. Вам он, конечно, все расскажет.

— Он на самом деле болел?— спросил Шербек-ака.

— Болел,— подтвердил табунщик.— Испугался он,

это точно. Только не албасты его напугал, а мертвый волк.

— Мертвый волк?— не удержался я.

— Ну да. Вон то сухое дерево видите?— Хайдар-ака рукоятю плетки указал на какой-то странной формы предмет, темневший вдали на фоне сочной зелени высокогорного пастбища.— Зарип там овец пас. Там, видать, и увыдел этого дикого человека. А когда возвращался, волка увидел мертвого. У того действительно вид страшный был: глаза навывкате, пасть ощерена, шерсть дыбом. Взрослый и то испугался бы, а тут мальчишка. Перепугался и дай бог ноги. Хорошо хоть сторож ему встретился: остановил, успокоил немного. Расспрашивать стал. Ну Зарип ему все рассказал про волка.— Табунщик усмехнулся и покачал головой. — Кому беда, а кому удача. Сторож того волка отыскал, отвез в райцентр, да еще премию получил.

Э-э, в наших горах чего только не увидишь! Прошлой осенью кобыла у меня из табуна пропала. Два дня искал. Все кругом объездил. Через три долины отсюда, в Казансае нашел. Напиться, видать, хотела, подошла к роднику, да и свалилась, бедняга, с обрыва, застряла между камней ногами кверху. Я уж ее и так и эдак тянул, за хвост, за голову, за ноги. Еле выволок. А когда возвращался, на песке след босой человеческой ноги увидел свежихонький. Ну откуда ему было там взяться? Поздняя осень, заморозки, чабаны туда вообще не заглядывают, а уж в эту пору и подавно. А тут человек, да еще босой.

Ну, я покричал, на всякий случай. Одно только эхо откликнулось. До сих пор ума не приложу, кто это мог быть.

— Может, медведь?— предположил я.

— Что я, по-твоему, медвежьих следов не видел?— обиделся табунщик. Уж кого-кого, а медведей здесь хватает. Ну ладно, как говорится, бог вам в помощь.

Табунщик играючи вскинул в седло свое жилистое тело,

— В какой стороне отара Турсунбая пасется?— спросил Шербек-ака.

— Вон там,— показал табунщик.— За той грядой сразу и увидите.

Хайдар-ака направил своего коня вниз к реке, а мы стали подниматься в гору, помогая директору катить мотоцикл: подъем был слишком крут, чтобы ехать.

Кое-как взобрались, наконец, на гребень, усталые, взмокшие и сразу увидели далеко внизу отару. Овды широко разбрелись по пастбищу, неправдоподобно маленькие на таком расстоянии.

— Зари-и-п!— крикнул Дурбек, рупором сложив ладони вокруг рта.— Хо-о-ой, Зари-и-ип!

В ответ еле слышно залаяла собака. Мы ждали, глядя во все глаза. Дурбек уже хотел крикнуть еще раз, когда левее отары показалась человеческая фигурка, направлявшаяся в нашу сторону. Рядом с чабаном бежала собака.

Некоторое время спустя, когда приближающегося можно было разглядеть как следует, я спросил у Дурбека.

— Зарип?

— Да,— ответил Дурбек.

Подойдя поближе, Зарип попытался вернуть собаку к отаре. Но пес, видимо, был с характером: отбежал в сторону и лег на траву. А может быть, он просто не хотел оставлять хозяина одного? Зарип подошел к нам и поздоровался. Щекастый бледнолицый паренек в киргизской войлочной шапке и стеганом халате выглядел заправским чабаном. Даже сапоги у него были, как у настоящего чабана — легкие, из мягкой сыромятной кожи.

— Не мерзнешь в халате, Зарипбай?— пошутил Шербек-ака.

— Нет,— стеснительно потупился паренек.

— Приехал вот в школу тебя пригласить,— издали начал директор.

— Не могу я,— ответил Зарип, не поднимая глаз.— Видите, отара на мне.

— Собрание завтра.

— Завтра смогу. Отец из райцентра вернется.

— Послушай, Зарип, я тебя вот о чем хочу спросить,— обратился я к мальчику.— Правда, что ты весной где-то здесь дикого человека видел?

Вопрос явно не застал Зарипа врасплох, и все же он изменился в лице и побледнел.

— Нет,— ответил он тихо, по-прежнему не поднимая глаз.— Не видел... Ничего похожего не видел... Заболел и все.

— Не бойся, Зарип,— вступил в разговор Шербек-ака.— Здесь все свои. Смело говори все, как было.

Не помогло. Зарип замолчал вовсе. Я незаметно покосился на Касыма-ака. Он, не отрывая глаз, напряженно смотрел на Зарипа в немом ожидании.

— Ну что ж,— вздохнул директор.— Не хочешь говорить, не говори. Завтра в школе увидимся.

Все так же потупившись, Зарип повернулся и, не прощаясь, побрел к отаре.

— Можно, я с ним попробую поговорить?— неожиданно предложил молчавший до сих пор Дурбек.

— Попробуй,— кивнул директор.— Может, у тебя получится.

Дурбек окликнул Зарипа и бросился за ним вдогонку. Делая вид, что заняты разговором, мы следили за тем, как он догнал Зарипа и стал что-то ему доказывать. Через несколько минут ребята вернулись к нам повеселевшие, улыбающиеся.

— Видел он дикого человека!— с места в карьер заявил Дурбек.— Завтра все расскажет, поведет на то место. И сейчас бы показал, да боится, овцы разбредутся.

— Это правда, Зарипбай?— осторожно спросил директор.

— Да,— кивнул Зарип и улыбнулся. Удивительно, как

переменилось у него настроение за эти несколько минут.— Только матери с отцом ничего не говорите, учитель.

— Вообще-то от родителей не полагается ничего скрывать,— назидательно произнес Шербек-ака.— Но на этот раз случай особый, придется исключение сделать. Ты мальчик сообразительный, все правильно понимаешь. Покажешь нам — замечательное дело сделаешь.

Зарип опять улыбнулся и кивнул, соглашаясь.
— Раз такое дело,— продолжал директор.— В школу завтра можешь не приходить. Мы сами сюда приедем.

Зарип поморщил лоб, соображая что-то и вдруг предложил:

— А что если я вас завтра вон там буду ждать, возле сухого дерева? Дома скажу, что в школу уехал, а сам сюда, а?

— Можно,— согласился Шербек-ака.

Зарип попрощался с нами и вприпрыжку побежал к своим овцам. Собака, издали наблюдавшая за происходящим, опрорхотью кинулась за ним следом. А мы стали спускаться к кишлаку, изо всех сил удерживая мотоцикл, который так и норовил вырваться из рук и покатиться под уклон. Добравшись до ровного места, мы, прежде чем устроиться на мотоцикле, остановились, чтобы перевести дух.

— Как тебе удалось Зарипа уговорить?— спросил я Дурбека.

— Тактический маневр применил,— расхохотался он.— Психологическую атаку. Пообещал, что если он все расскажет, вы про него очерк в газете напечатаете. С портретом.

Он опять весело расхохотался, но мне было не до смеха.

— Зачем же ты так?— пожурил я его.— Такие вещи не от меня одного зависят.

— Э-э!— отмахнулся Дурбек.— Сейчас главное, чтобы разговорился, а там видно будет!

Ну что тут скажешь! Я усмехнулся и махнул рукой. В конце концов не я же ему обещал публикацию.

СЛЕДЫ

Утром следующего дня мы уже были в назначенном месте. Не такое уж оно было и сухое, это дерево. Когда-то в него, видимо, ударила молния, расщепила и обуглила ствол. Дерево засохло. Но из корней, касаясь высохшего ствола, тянулись ввысь молодые побеги и листья их трепетали на ветру, как живые. Сразу же за деревом начинался крутой обрыв, такой глубокий, что у глянувшего вниз тотчас начинала кружиться голова. Левее спуск был более пологим и по нему там и сям были разбросаны огромные серые валуны. Местами они лежали вплотную, громоздясь друг на друга, так что и здесь спуститься к поблескивающей далеко внизу реке мог только очень опытный человек.

Мы загнали мотоцикл в тень, подложили под колеса камни, чтобы он случайно не покатился под уклон, а когда закончили это дело, оказалось, что Зарип уже подходит к нам со стороны кишлака.

— Ну так где же ты видел своего дикаря?— спросил Шербек-ака после взаимных приветствий.— Под этим деревом?

— Не под деревом,— поправил Зарип.— Он на дереве сидел. А потом прыгнул вниз и убежал.

— Какой он из себя, сынок?— нетерпеливо поинтересовался Касым-ака.

— Невысокого роста... Даже маленький... Черный весь... Волосы длинные-длинные... Ходит согнувшись.

— Черный говоришь?— переспросил Касым-ака.— А ты не ошибся?

— Не так чтоб уж совсем черный,— поправился Зарип.— Скорее смуглый.

— Когда же это было?— спросил я.

— В тот день мы вон там овец пасли.— Зарип указал рукой на запад.— Собаки с нами не было. Ну мы отару сами стали к кишлаку заворачивать.

— Мы?

— Ну да. Я с двоюродным братом.

— В котором часу?

— А я откуда знаю? Вечерело уже. Солнце садилось. Я по этой стороне шел, а брат по противоположной, чтобы отара не разбрелась.

— И что же дальше?

— Овцы вдруг шарахнулись, словно их напугал кто. Смотрю по сторонам — никого. И тут на дереве шевельнулось что-то. Я рассмотреть толком не успел, как он на землю прыгнул.

— Кто он?

— Да мальчишка этот самый. Голый, волосы длинные, стоит согнувшись, почти на четвереньках. А потом как побежит! Вон те валуны обогнул и вниз по склону метнулся.

— Дальше, дальше рассказывай,— торопил Касым-ака.

— Я еще некоторое время ему вдогонку смотрел. А потом обернулся, чтобы идти, и на что-то мягкое наступил. Темновато уже было. Я нагнулся, чтобы получше рассмотреть. Гляжу, а это волк! Оскалился, глаза из орбит вылезли, кровью налились. Вот тут я по-настоящему испугался. Отскочил в сторону и бросился убежать.

— Волк что, живой был?— спросил Дурбек.

— Мертвый. Только я это потом уже узнал. А тогда он мне живым показался.

— Молодец, братишка!— Я похлопал Зарипа по плечу. — Давно бы так. А то — «не видел, не знаю». Скажи, а этот мальчишка молчал все время?

— Когда убегал, кричал что-то вроде «ау, ау». А когда я его раньше видел — молчал.

— Раньше?! — вытаращил глаза Шербек-ака. — Значит ты его и раньше встречал?!

— Видел,— кивнул Зарип.— Только не здесь. В Медвежьем логу.

— Где?— не понял я.

— В Медвежьем логу. Урочище такое есть вон за той горой.

— Что же ты там делал?— спросил Шербек-ака.

— Мы туда с двоюродным братом ходили кекликов ловить.

— Это далеко отсюда?— спросил Касым-ака.

— Не очень,— ответил директор.— Но это уже территория другого района. И дороги нет, одни тропинки. Ну так что же, много там кекликов?

— А мы туда не дошли,— признался Зарип.— Страшно стало.

— Ваше счастье, что не дошли. Вас бы там медведи в два счета задрали. Никто бы и не услышал.

— Мы к пещере Чапанберген пошли,— продолжал Зарип.— Там диких голубей видимо-невидимо, а к пещере не подобрешься — высоко. Побродили мы там, уже возвращаться собрались и тут внизу берлогу медвежью увидели. Сверху ее хорошо видно. А на лужайке перед берлогой медвежата резвились и среди них — мальчик. Тот самый. Он сначала с медвежатами играл, а когда надоело, встал с четверенек и, согнувшись, в кусты юркнул. Мы испугались, что он нас увидит, и драпака задали.

Я выразительно посмотрел на директора. Касым-ака тоже глядел на него с мольбой и надеждой. Но у директора в этот день были неотложные дела и он, поколебавшись, развел руками:

— Не могу я с вами сегодня отправиться. А ты,— он похлопал Зарипа по плечу,— отведи их к пещере Чапанберген. Понаблюдайте, присмотритесь, а я за вами вечером приеду. С удовольствием бы с вами пошел, да нельзя: доклад у меня на семинаре в районе сегодня. Зато завтра вдоль и поперек те места обшарим.

Нам не оставалось ничего другого, как согласиться.

Шербек-ака достал из коляски ружье, патронташ, дастархан с лепешками и вареным мясом, термос с чаем. Потом вынул сверток, тщательно упакованный в газету и сказал, обращаясь к Касым-ака:

— Возьмите, муллака¹. Развораживать не надо... разве что мальчика встретите. Тогда пригодится. И потом, может, довольно вам стесняться? Вы среди нас не чужой. К тому же не чьего-нибудь — вашего сына ищем. Ну так и чувствуйте себя среди своих!

Касым-ака растроганно улыбнулся и пожал руку директора.

— Спасибо вам большое, Шербек-ака! — сказал он дрогнувшим голосом.

— Не за что! — буркнул директор. — Будьте мужчиной. За старшего остаетесь. — И пошел, осторожно ведя перед собой мотоцикл. Уже снизу крикнул:

— Из ружья зря не палите. А ты, Зарип, будь с ними до моего возвращения.

Мы довольно долго шли по пологому, покрытому полувysохшей травой склону, обходя стороной колючие заросли и усыпанные продолговатыми ягодами кусты барбариса. Потом местность резко изменилась. Впереди открылось глубокое ущелье, изобиловавшее скалами. Казалось, кто-то специально расставил их в хаотическом беспорядке группами и поодиночке по всему ущелью. Там и тут среди скал высились вековые арчи² и туи, создавая фантастический, неправдоподобно красивый пейзаж. По дну ущелья, видимо, текла речка или по крайней мере ручей, — чем ниже, тем зеленее и гуще становилась трава. Начался спуск по узенькой, круто сбегавшей вниз тропинке, проложенной горными козлами, не иначе, потому что человеку идти по ней было очень трудно. Прежде, чем добраться до дна ущелья, мы несколько раз садились, а то

¹ Муллака — уважительное обращение к мужчине.

² Арча — вид хвойного дерева.

и ложились отдыхать. Закончив спуск, мы направились на северо-запад к одинокой и длинной скале, возвышавшейся над всеми другими.

— Вон пещера Чапанберген, — махнул рукой Зарип.

— Высоко, — определил Дурбек. Пещера и в самом деле была расположена на высоте семи, а то и восьми метров и добраться до нее без специальных приспособлений было, пожалуй, невозможно. Против пещеры, в каких-нибудь двух метрах от входа находилась вершина скалы, к которой мы шли.

Странная это была картина и даже немного зловещая. Скала казалась каким-то сказочным стражем, охраняющим вход в пещеру. Внезапно из пещеры вылетело несколько диких голубей.

— Видите! — воскликнул Зарип. — Их там сотни, а может быть и тысячи!

— Кроме голубей живет там кто-нибудь? — поинтересовался я.

— Не знаю, — пожал плечами Зарип.

— А Медвежий лог далеко отсюда?

— Не очень.

— Там ты видел мальчика?

— Да.

Касым-ака воззрился на меня, словно спрашивая: «Пойдем?»

Я отрицательно покачал головой.

— На сегодня хватит. Не знаю, как вы, а я от усталости еле передвигаю ноги. Завтра пойдем вместе с директором. А теперь неплохо бы перекусить.

Мы облюбовали ровную площадку в тени арчи неподалеку от пещеры и сделали привал. Отдохнув, достали свои припасы, термос. Касым-ака расстелил дастархан, выложил на лепешку мясо и нарезал его широким дехканским ножом. Где-то в листве пересвистывались иволги, отчаянно чирикали воробьи.

На аппетит никто из нас четверых не мог пожаловать.

ся. Хлеб и мясо умяли в два счета, а когда дело дошло до чая — произошла заминка. Пиал у нас не было и пришлось по очереди хлебать обжигающе горячий чай из крышки термоса. Было это неудобно и долго и Дурбек с Зарипом отправились на поиски родника.

Касым-ака допил свой чай, наполнил крышечку из термоса, подал мне, а сам растянулся на траве, глядя в ту сторону, куда ушли ребята.

— Сколько я вам беспокойства доставил со своим горем, — негромко произнес он, — сколько людей на ноги поднял... Неужели все зря?..

— Да бросьте вы отчаиваться! Найдем вашего сынишку, все мытарства забудутся.

Кстати, вы уверены, что узнаете его? Столько времени прошло все-таки.

— Узнаю. Как своего сына не узнать! И потом у него отметинка есть: бородавка за левым ухом. Только бы нашелся Артыкджан.

— Артыкджан? — переспросил я.

— Ну да. Его Артык зовут.

— А я и не знал. Мысленно племянником зову. Может, потому что Бегали-ака его так называет. А может быть, оттого, что у меня племянников нет. Когда найдем, можно я его племянником называть буду?

— Сначала найти надо, — горько усмехнулся Касым-ака. — А тогда хоть своим собственным сыном называйте.

Я хотел что-то сказать и застыл с открытым ртом: по почти отвесному склону к пещере карабкалось какое-то существо. Если бы в наших краях водились обезьяны, я бы решил, что это одна из них: только обезьяна могла с такой ловкостью взбираться по неровной отвесной стене, цепляясь за выступы камней.

Не произнося ни звука, я толкнул Касыма-ака и глазами указал на пещеру. Он оглянулся и тоже застыл в изумлении. Существо между тем добралось до входа в пещеру, выпрямилось на крохотной площадке и огляделось по

сторонам. Движения его были резки и стремительны. Длинные волосы падали на лицо, не давая рассмотреть его как следует. Не заметив ничего подозрительного, существо наклонилось, так что руки его почти коснулись камня, и юркнуло в пещеру.

Мы молча переглянулись: сомнений не могло быть, это был тот самый мальчик, которого видел Зарип. С возрастающим волнением мы стали следить за пещерой. Не прошло и двух минут, как из ее темного зева вырвалась, беспорядочно хлопая крыльями, стайка диких голубей и прыснула в разные стороны. Мы с нетерпением ждали дальнейшего развития событий. Тут возвратились Дурбек с Зарипом. Я жестом приказал им не шуметь и вполголоса рассказал, что мы видели. Теперь мы в четыре пары глаз внимательно следили за входом в пещеру. Может быть нам и удалось бы получше разглядеть загадочное существо, но тут на выступе над входом в пещеру внезапно появился архар и застыл, картинно задрав голову с круто изогнутыми рогами. Горный козел не то прислушивался, не то принюхивался к чему-то. Вдруг он скакнул вниз на вершину скалы и тут же вторым прыжком одолел расстояние между скалой и входом в пещеру. Секунда и он исчез в ее мрачном зеве, а еще мгновение спустя пулей выскочил обратно, оттолкнулся копытцами от скалы и сиганул вниз. Мы проводили его взглядами и как раз в этот момент из пещеры выскочил виновник переполоха, встряхнул головой, отбрасывая с лица длинные волосы, и, ящерицей скользнув по стене, скрылся в кустах.

— Вот он! Вот!— только и успел крикнуть я.

Мы все четверо со всех ног кинулись к подножию скалы, но когда добежали, там уже никого не было.

Зато на сырой глинистой почве четко отпечатались следы босых человеческих ног и валялся пучок забрызганных кровью голубиных перьев.

В МЕДВЕЖЬЕМ ЛОГУ

Странное ощущение испытывал я, глядя снизу на пещеру Чапанберген. Она и пугала и притягивала меня. Мне казалось, пещера хранит какую-то ужасную жгучую тайну, недаром вход в нее напоминал оскаленную пасть огромного хищного зверя. И хотя мне было страшно до мурашков на коже, я готов был взобраться наверх и обследовать пещеру. К сожалению, сделать это было практически невозможно и я еще раз подивился ловкости Артыка (если только это был действительно он), который с такой легкостью забирался в пещеру и спускался оттуда.

— Да-а, пожалуй, не влезть,— сам того не замечая, произнес я вслух.

— Куда?— удивленно спросил Касым-ака.

— В пещеру.

— А зачем?— искренне изумился он.— Е-го-то там уже нет.

Я взглянул на Касым-ака и у меня немного отлегло от души: от недавнего уныния не осталось и следа. Касым-ака стоял, расправив плечи, сжимая в одной руке двустволку, в другой — патронташ, готовый к активным действиям, собранный, решительный. Поодаль убирали остаток трапезы Зарип с Дурбеком.

— И все-таки не мешало бы осмотреть пещеру,— сказал я. — Завтра захватим с собой веревку, электрический фонарь, а пока... Зарип!

— Да, Хаким-ака!

— Веди нас к Медвежьему логу. Мальчик наверняка уже там.

— Вы так думаете?— усомнился Касым-ака.

— А где же ему еще быть?

— Н-не знаю.

И мы опять стали продираться сквозь колючие заросли: впереди Зарип, за ним я, потом Дурбек. Шестивие замыкал Касым-ака с охотничьим ружьем наготове.

Примерно через полчаса Зарип остановился и указал рукой вниз.

— Вот он, Медвежий лог.

Внизу открывалось небольшое уютное, окруженное горами урочище. Когда-то здесь, видимо, протекала река, но теперь о ней напоминали лишь каменистые осыпи и множество обкатанных водой валунов, поросших кустарником и молодыми деревцами. Солнце клонилось к за-
паду.

— А где же медведи?— не подумав, спросил я.

Зарип усмехнулся.

— Вы думаете, они все время по открытым местам разгуливают? Вон там видите завал из камней?

— Вижу.

— Где-то там у них берлога. Чаше всего оттуда появ-
ляются.

До завала от того места, где мы стояли, было кило-
метра полтора, но сверху все просматривалось, как на
ладони.

— Ты когда-нибудь спускался в лог?— спросил я.

— Что вы! Там медведи хозяева. А с ними шутки
плохи. Дальше этого места мы никогда не идем.

— А медведи?

— Что медведи?

— Где появляются?

— Говорю же, выходят из-за тех камней и разгуливают
по всему урочищу.

Посоветовавшись, мы решили понаблюдать за урочи-
щем с того места, где находились, и расположились в
жиденькой тени, отбрасываемой кустами. Несмотря на
приближающийся вечер, было по-прежнему душно и мы
обливались потом. Нестерпимо хотелось пить. Ребята хо-
тели было отправиться за водой, но мы их непустили.
Мало ли что могло случиться.

— Настоящий мужчина должен уметь преодолевать
любые трудности,— наставительно сказал я.— Подума-

ешь, пить хочется. Чем сильнее жажда, тем приятнее потом напиться.

Зарип вздохнул, а Дурбек, ехидно улыбнувшись, заверил меня, что раз такое дело, он готов терпеть хоть несколько дней.

— Это ты куда клонишь?— поинтересовался я вполголоса.

— Никуда. Просто хочу потом вкусно напиться.

— Воды?

— Можно и воды.

— Ну вот что,— сказал я.— Если ты хочешь и завтра быть с нами, то не болтай всякую ерунду. Молод еще. Молоко на губах не просохло, а туда же — напиться. Отец тебе так напьется, не рад будешь!

Сам не знаю, что на меня нашло. Дурбек, может быть, ничего особенного в виду не имел, а я на него напустился... Обиделся, наверное, парень.

Но Дурбек не обиделся.

— Вы меня не так поняли, Хаким-ака,— сказал он.— Я не вино имел в виду.

— А что?— у меня немного отлегло от души.

— Лимонад, морс. А спиртное я не пью, и пить не собираюсь.

— Молодец,— похвалил я.— Только наперед не зарекайся. Повзрослеешь, поймешь: иногда без выпивки не обойтись. На свадьбе, например.— Я говорил и сам удивлялся, куда меня заносит, и зачем я горожу весь этот вздор?

— А у вас уже была свадьба?— неожиданно спросил Дурбек.

— Конечно,— соврал, сам не понимая зачем.— У меня уже и сын есть.

По тому, как Дурбек улыбается, я понял, что он не верит ни одному моему слову, и, как ни странно, сразу почувствовал облегчение.

— Как вы сына назвали?— наивно поинтересовался Зарип.

— Ковунджан!¹— брякнул я и расхохотался. Дурбек прыснул и зажал рот ладонью, но все равно не смог остановиться.

— Когда второй родится, Тарвузджаном² назовете?— спросил он, давась от смеха. Зарип понял, что мы шутим и тоже расхохотался. Один Касым-ака продолжал оставаться серьезным и пристально вглядывался вниз.

Прошло, наверное, еще с полчаса, и вдруг Зарип предостерегающе поднял руку.

— Вот они,— негромко сказал он.

— Где?— встрепенулся Касым-ака.

— Вон,— Зарип протянул руку.— Дерево на отшибе видите? Прямо под ним.

Возле дерева действительно что-то двигалось. И двигалось явно в нашу сторону. Через несколько минут стало ясно, что Зарип прав: это были медведи.

Первой, старательно огибая валуны, шла медведица, за ней вприпрыжку скакали медвежата.

— Три,— сосчитал Дурбек.

— Было три,— поправил Зарип.— Стало четыре.

— Ну и зрение у тебя!— восхитился я.

— Тише!— взмолился Касым-ака. Мы замолчали, продолжая с волнением взглядываться в приближающихся животных. Зарип все-таки ошибся: животных было три. Четвертым шел... человек. Это был тот самый мальчик, которого мы видели возле пещеры Чапанберген.

— Вы угадали,— прошептал Зарип.— Он действительно сюда прибежал.

Медведица остановилась на небольшой лужайке и, подняв кверху голову, стала принюхиваться. Медвежата тотчас затеяли между собой веселую возню. Мальчик не

¹ Ковун — дыня.

² Тарвуз — арбуз.

принимал в ней непосредственного участия, но по тому, как перебегая с места на место, следил за игрой медвежат, можно было с уверенностью сказать, что игра эта доставляла ему огромное удовольствие. Наверное, они издавали какие-то звуки, но до них было далеко, и казалось, что они играют в полном безмолвии.

Медведица перестала принюхиваться, опустила голову и снова тронулась в путь. Медвежата, потешно переваливаясь с боку на бок, последовали за нею, отставший было мальчик догнал их и пошел посредине, опустив ладони на загривки медвежат. Он шел, сильно наклонившись вперед, и длинные волосы гривой ниспадали по обе стороны его лица, покачиваясь в такт его неровной, танцующей поступи.

Хозяева урочища подходили все ближе, и мы не на шутку забеспокоились, понимая, что еще немного и — встречи не миновать. Я осторожно взял в руки ружье и проверил, заряжено ли оно. Ружье было заряжено.

Касым-ака кинул на меня быстрый взгляд и положил руку на мое плечо.

— Не торопитесь. Будем стрелять только в случае крайней необходимости. А вы, ребята, на всякий случай, шли бы назад, к пещере.

Дурбек с Зарипом переглянулись и, словно придя к нему согласию, остались на своих местах.

Теперь нас отделяло от зверей метров триста, не больше. Медведица опять остановилась и стала принюхиваться. Ее явно что-то беспокоило. Тревога матери передалась и медвежатам. Они присмирели, застыв неподвижно, тоже ловили ноздрями воздух.

Медведица коротко рывкнула и, тяжело повернувшись, заковыляла обратно. Теперь медвежата и мальчик оказались впереди ее. Чуть помедлив, они тоже повернули вспять.

Забыв о предосторожностях, Касым-ака, не отдавая себе отчета, вышел из укрытия и двинулся следом за уда-

ляющейся четверкой, словно притянутый невидимым магнитом. Я едва успел удержать его за руку. Он остановился и мы, стоя плечом к плечу, проводили взглядами медведей и мальчика, которые дошли до завала и скрылись за валунами.

Мы подождали еще некоторое время, но ни медведи, ни мальчик больше не появились. Между тем уже начало темнеть и мы заторопились в обратный путь. Сквозь заросли мы пробирались уже почти на ощупь, и когда, наконец, выбрались на ровное место — облегченно вздохнули. Касым-ака впервые за всю дорогу разлепил губы:

— Хорошо, что мы их не вспугнули.

— Конечно,— согласился я.— Теперь мы знаем, где их завтра искать.

Дальше мы опять шли молча, а когда поднялись на гребень, стало слышно, как где-то далеко внизу, захлебываясь от перегрузки, работает мотор мотоцикла.

ГОРНЫЕ ТАИНЫ

Во двор Шербек-ака мы въехали глубокой ночью. На супе, завернутый в дастархан, нас ждал ужин. Мы наскоро ополоснулись с дороги, поели и, растянувшись на курпачах, стали наперебой рассказывать директору о наших дневных приключениях.

Потом мы в деталях обговорили, что будем делать завтра и устроились на ночлег тут же во дворе, под открытым небом.

— Шербек-ака, почему пещера эта называется Чапанберген?— спросил я, когда все улеглись, а ребята даже успели заснуть.

— Понимаете, какое дело,— вздохнул директор.— Я хоть и отсюда родом, а там, куда вы сегодня ходили, не бывал ни разу. Так уж получилось... Воспитывался в интернате, дома только наездами бывал. Когда еще совсем маленьким был, слышал, как отец кому-то рассказывал, что в пещере Чапанберген клад спрятан. Сторожит его

якобы могучий дракон и всякого, кто пытается кладом завладеть, живьем глотает. И вот однажды подошел, говорят, к пещере вконец отчаявшийся бедняк и стал бога просить: «О, всевышний! Голоден я и раздет, на тебя одного надежда осталась. Помогите!» Не успел договорить, глядь — а рядом на камнях новенький бекасамовый чапан лежит, а на нем чалма и бельбог¹. Удивился бедняк, решил, что хозяин этих вещей где-то рядом ходит, крикнул: «Эй! Кто здесь есть? Чапан чей?» Прислушался, — никто не отвечает. «Не иначе как всевышний мои молитвы услышал, — сказал себе бедняк. — А раз одежду дал, то и за пищей не постоит». Подобрал божий подарок и был таков. С тех пор, будто, и повелось называть пещеру Чапанберген — давшая чапан. Но это, конечно, легенда, фольклор, устное народное творчество.

— А может, и не легенда, — сказал я.

Шербек-ака фыркнул и повернулся на бок:

— Давайте спать. Завтра встать рано.

Он вскоре захрапел, а я еще долго лежал без сна, перебирая в памяти все, что я читал о пещерах: многокилометровые подземные галереи на Урале и Кавказе, сталактитовые и сталагмитовые залы, реки, бегущие в вечном мраке, озера, которых никогда не касался луч солнца...

Неужели никто не обследовал пещеру Чапанберген? Вот будет здорово, если мне суждено быть ее первооткрывателем...

— Подъем, Хакимджан! — прозвучал над моим ухом голос директора. Я вскочил, испуганно тараторща спросонок. Улыбающийся Шербек-ака стоял рядом, протягивая мне полотенце. — Пора в поход, молодой человек. Ступайте умываться.

— А остальные где? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

— Пошли к реке умываться. Советую и вам поспе-

¹ Бельбог — поясной платок.

шить. Чем скорее отправимся, тем больше успеем сделать.

— Это хорошо.— Я взял у него полотенце, но уходить не спешил.

— Вы хотите что-то сказать?

— Да. Ночью после разговора с вами я долго думал о той пещере.

— И к какому пришли выводу?

— Ее надо обследовать.

— В самом деле?— иронически прищурился директор.— И кто же этим займется?

— Мы!— выпалил я.

— Вот что, Хакимджан.— Шербек-ака похлопал меня по плечу.— Теперь я понимаю, почему вы в школе не ладили с математикой. Вам не хватает целеустремленности. Хватаетесь за все сразу. А в математике так нельзя. Да и в жизни тоже. Мы ищем пропавшего мальчика, так?

— Так,— согласился я.

— Вот давайте этим и будем заниматься, ни на что не отвлекаясь.

— Но ведь Артыкджан забирался в пещеру. Зачем?

— Это мы у него самого спросим, когда встретимся.

— Когда встретимся,— разочарованно повторил я.

— Что-нибудь не так?— спросил Шербек-ака, внимательно глядя на меня. Я почувствовал, что краснею.

— Понимаете, мы уже встречались с ним.

— И что же?

— По-моему, у него нет ни малейшего желания с нами видаться.

— Это в порядке вещей,— пожал плечами Шербек-ака.

— Не понял.

— А что тут понимать? Мальчишка вот уже несколько лет живет вдаль от людей. Отвык от их общества. Психологически отвык, понимаете? И физически тоже. Он приспособился к совсем иному образу жизни.

— Думаете, ему так лучше?

— Вы не так ставите вопрос. Но в каком-то смысле ему действительно лучше жить так, как он живет теперь. Привычнее во всяком случае.

— Если вы думаете, что достаточно вам поманить его пальцем и он бросится вам на шею, то вы ошибаетесь.

— Зачем мне?— возразил я.— Пусть отцу на шею бросается.

— Непонятливый вы человек,— покачал головой директор.— А еще журналист.

Я обиделся, но не подал виду.

— Поймите,— продолжал он.— Артыкджан — так вы его, кажется, назвали?..

— Да.

— ...ушел из дому в пятилетнем возрасте. Сейчас ему лет пятнадцать.

— Тринадцать,— уточнил я.

— Пусть даже тринадцать. Что нам известно о том, как он прожил эти годы? Чудо, что он вообще выжил! Феномен, понимаете?

— Понимаю.

— Это вам только кажется. На самом деле все гораздо сложнее. Если он все это время не общался с людьми, а это, по-видимому, именно так,— то он не только говорить разучился, но и мыслить по-человечески. Неизвестно, чего в нем теперь больше,— человеческого или животного.

«Ай да математик!— подумал я, глядя на директора.— А я-то считал математиков сухарями».

— Я смотрю на его отца и мне страшно становится.— продолжал Шербек-ака. — Попытайтесь поставить себя на его место: искать сына, а найти...

— Вы думаете, он понимает это?— не выдержал я.

— Конечно. Иначе он бы сразу кинулся к нему с криком: «Артыкджан, родной! Иди ко мне!» А он, как видите, этого не делает.

Я вспомнил, как Касым-ака машинально поднялся из

кустов и пошел следом за уходящим с медведями мальчиком, и мне стало не по себе.

— Пожалуй, вы правы,— сказал я.

— Он и хочет встретиться с сыном, и боится этого. Я его понимаю.

— Теперь и я понимаю,— тихо сказал я.— Отсюда его подавленность, нелюдимость.

— Да,— согласился Шербек-ака.— Он все носит в себе. А ноша-то не из легких! И давайте пока не будем говорить об этом. Будущее покажет.

— Согласен,— кивнул я.— Но в пещеру все-таки слазить придется.

— Опять за свое!— хлопнул ладонью о ладонь Шербек-ака.— Далась вам эта пещера!

Во двор, весело насвистывая, вбежал Дурбек. Касым-ака шел поотстав.

— В какую пещеру? — ухватил Дурбек конец моей фразы. — В Чапанберген? Возьмите меня с собой!

Шербек-ака выразительно посмотрел на сына, как бы говоря: не суйся не в свое дело!

— Это займет всего каких-нибудь полчаса,— продолжал я настаивать на своем. — Зато узнаем, зачем туда лазил Артык.

— Туда что, так просто взобраться?— ворчливо поинтересовался директор.

— Не так уж и сложно,— воскликнул я, чувствуя, что Шербек-ака сдается.— Веревка нужна попрочнее, ну и фонарик.

— И две пары сапог,— неожиданно вставил Шербек-ака.

— Это еще зачем?— удивился Дурбек.

— Чтобы обуться, когда в пещеру полезете. Мало ли какая там нечисть водится.

Ликуя в душе, я солидно кивнул директору.

— Правильно. Без сапог там не обойтись,

Время близилось к полудню, когда мы впятером добрались, наконец, до пещеры Чапанберген. После короткого отдыха Касым-ака и Зарип по западному, оказавшемуся достаточно пологим, склону поднялись выше пещеры и с обрыва сбросили к нам вниз конец веревки. Взобраться с ее помощью до пещеры не представляло особой трудности, и через несколько минут я уже стоял на площадке перед входом, а еще немного погодя рядом со мной был и Дурбек.

Издали вход в пещеру казался гораздо меньше, чем был на самом деле: даже привстав на цыпочки, я не смог дотянуться рукой до его свода. Мы проверили фонарик, ружье, подтянули голенища сапог и переглянулись.

— Будьте осторожны!— донеслось снизу напутствие директора.— Не увлекайтесь!

Пещера была достаточно просторная и круто сворачивала влево. Сразу стало темно, и я попросил Дурбека включить фонарь. Сталактитами здесь и не пахло. На полу лежал слой пыли вперемешку с птичьим пометом, валялись камни, по-видимому оторвавшиеся когда-то от свода. Фонарик выхватывал из темноты острые углы выступавших из стены пород. На всякий случай я снял ружье с предохранителя и пошел первым. Дурбек последовал за мной, светя фонариком. В пещере стояла глубокая тишина, пахло пылью, от затхлого воздуха перехватывало дыхание.

— Тихо как,— шепотом произнес Дурбек.— Давайте крикнем?

— Давай,— не подумав согласился я, поднял и резко опустил руку.

— Э-ге-ге-э-эй!— гулко прокатилось по пещере. И в то же мгновение своды ее дрогнули от хлопанья множества крыльев и, обдавая нас ветром, к выходу пронеслась стая диких голубей. Мы вздрогнули от неожиданности и инстинктивно пригнулись, но тут же дружно расхохотались.

- Храбрецы!— самокритично заметил Дурбек.
— Бесстрашные первооткрыватели!— съехидничал я.
— Голубей испугались!
— Ладно, пойдем дальше.

Но не успели мы сделать и нескольких шагов, как от входа донесся встревоженный голос директора.

— Что случилось?

— Ничего, дада!— откликнулся Дурбек.— Балуемся

— Уф-ф!— Шербек-ака облегченно перевел дух.— Наши время! Чуть сердце не лопнуло, пока сюда вскарабкался. Давайте быстрее.

Мы с Дурбеком прошли еще несколько десятков метров, но ничего интересного не обнаружили. Пещера сужалась, сверху все ниже нависали огромные каменные глыбы. Идти дальше не имело смысла.

— Возвращаемся?— спросил Дурбек.

— Да.

Мы повернули обратно и тут кружок света выхватил из темноты такое, что я невольно попятился. В сторонке, возле самой стены, лежал на камнях человеческий скелет. Дурбек, видимо, тоже струхнул: луч фонаря отчаянно заплясал, перескакивая с поля на стену.

— Успокойся,— стараясь унять дрожь, сказал я и взял его за руку. Пересиливая робость, я шагнул к скелету и, продолжая держать Дурбека за руку, направил свет вниз. Скелет был старый, кости кое-где рассыпались в пыль.

— Давно, видать, лежит,— шепотом произнес Дурбек.— Кто бы это мог быть?

— Этого нам уже никто не скажет,— ответил я и выпрямился.— Пойдем отсюда.

Мы пошли к выходу, стараясь ступать по собственным следам. Мне вдруг вспомнился рассказ директора о бедняке, которому бог послал чапан. «Как знать,— подумал я, может быть тот, чей скелет только что видели, и был настоящим хозяином чапана, чалмы и бельбога?»

— Вот что,— сказал я, когда мы вышли из пещеры.—

О скелете никому ни слова, договорились? Потом когда-нибудь расскажем при случае.

— Договорились,— кивнул Дурбек и выключил фонарь.

ВСТРЕЧА С ЕГЕРЕМ

— Вот и все!— Я стряхнул пыль с одежды и выпрямился.— Теперь можно идти в Медвежий лог. В пещере никого нет.

Шербек-ака хмыкнул, словно это было ему известно заранее, и крикнул, сложив ладони рупором:

— О-о-о, Касым-ака! Спускайтесь, дальше пойдём!

Пока Зарип и Касым-ака спускались с горы, мы смотрели ненужную теперь веревку. Я поставил ружье на предохранитель и протянул директору.

— Раньше надо было, — буркнул он недовольно. — Молодо-зелено! Всему учить надо.

Посоветовавшись, мы решили не спускаться в урочище, а подкараулить Артыка где-нибудь в стороне, чтобы избежать встречи с медведями. В крайнем случае мы дождемся, когда они уйдут из урочища.

Расположившись там же, где и вчера, мы стали наблюдать за тем, что происходит внизу. Но внизу ничего не происходило. Даже птиц не было видно. Сплошное сонное царство.

— А что если медведей там нет?— предположил я.— Бродят где-нибудь вокруг нас, еду промышляют?

— Нет,— Зарип опасно покосился на заросли.— Медведи подолгу спать любят. Не проснулись еще, наверное.

— Не бойся,— успокоил его Шербек-ака.— Пусть только попробуют сунуться. У нас ружье есть.

— Ну что бы ему сейчас тут не объявиться!— Дурбек перехватил мой недоуменный взгляд и пояснил:— Мальчишке, я имею в виду. Мы бы его цап-царап — и готово!

Мы разговаривали вполголоса, продолжая наблюдать за урочищем.

— А мне он нравится!— ни с того ни с сего вдруг заявил Дурбек.

— Кто он?— не понял Зарип.

— Артыкджан. Я с ним непременно подружусь.

— Я тоже,— сказал Зарип.

— Вы его поймайте сначала,— усмехнулся я.— А тогда уж и дружбу заводите.

Солнце стало припекать не на шутку. Жиденькая тень кустов не спасала от его лучей. Тишина, казалось, звенела от зноя.

И тут неожиданно-негаданно где-то неподалеку прогремел выстрел. Мы вздрогнули и, как по команде, повернули головы в ту сторону, откуда прозвучал выстрел.

Шербек-ака отошел на несколько шагов и поднялся на пригорок. Мы потянулись следом.

— Кто это?— спросил я, поравнявшись с директором. Он молча пожал плечами. И тут из-за арчовника выехал всадник и направился в нашу сторону. На плече у всадника висела берданка.

Был он в мятой розовой рубашке, шароварах, заправленных в кирзовые сапоги, и серой войлочной шляпе. В нескольких метрах от нас всадник остановил лошадь. Лицо у него было мокрое от пота, красное и злое. На наши приветствия он даже не обратил внимания.

— Кто такие?— спросил он гнусавым голосом.— Кто разрешил здесь охотиться?

— Мы не охотимся,— спокойно ответил Шербек-ака.

— Не охотятся они! А двустволка на что? А ну, пошли со мной. Там разберемся.

— С какой стати?— возмутился я.— И вообще, кто вы такой?

Шербек-ака взглядом дал мне понять, чтобы я не лез в спор.

— Я кто?!— вытаращил глаза всадник.— Егерь я, понятно? Хозяин этих мест! А вот ты кто такой?

— Сотрудник Багистанской районной газеты,— ответил я.

— Багистанской!— фыркнул егерь.— Я Багистанскому району не подчиняюсь! А здесь охотиться никто не имеет права!

— Да говорят же вам, мы не охотимся. По другим делам пришли.

— Знаю я ваши другие дела! Убирайтесь отсюда!

Только теперь я сообразил, что егерь мертвецки пьян.

— Пойдемте,— решительно произнес Шербек-ака.— С ним все равно бесполезно разговаривать.

— Во-во!— заорал нам вслед егерь.— Со мной бесполезно! Проваливайте, пока целы! Встречу еще раз, руки-ноги переломая!

Он орал еще что-то, но мы, не слушая, углубились в заросли. Возможно он с пьяных глаз вообразил, что мы браконьеры, а скорее всего просто хотел покуражиться. Зачем иначе ему было снова палить из ружья? А он пальнул, да еще из двух стволов сразу.

В подавленном молчании мы дошли до Чапанбергена и сели отдохнуть в тени высокой арчи.

— Надо же! Все испортил, негодяй,— вздохнул Касым-ака.

— А я-то считал егерей хорошими людьми,— сказал я.

— Егери и в самом деле хорошие люди,— возразил Шербек-ака.— Только ведь где рис там и осока. Вот и этот выродок затесался.

— Вы его знаете?— удивился я.

— Знаю. И он меня отлично знает. Специально сделал вид, что не узнал. Чары Балиев его зовут. Ни стыда, ни совести не осталось, а когда-то человек как человек был. Техникум окончил, потом биофак в университете. Работал агрономом в колхозе, в школе преподавал. Спился чело-

век. Кладовщиком на автобазе был — выгнали. Подался в лесхоз. Сначала агрономом был, а теперь вот — егерь.

— Я его тоже знаю, — признался Зарип.

— Ты-то откуда?

— Отец ему весной две бутылки водки отнес.

— Да?

— Он их взял и разрешил пару деревьев срубить.

— Что и требовалось доказать, — усмехнулся математик.

— Так что же мы с ним церемонились? — возмутился я. — Таких в шею гнать надо. Фельетоны о них писать.

— С недостойным пререкаться — себя замарать, — рассудительно произнес Шербек-ака. — Запомните это, Хакимджан.

— Ну тогда пару бутылок надо было пообещать! — разозлился я.

— А это еще хуже. Ну да шайтан с ним! Все равно день пропал. После его пальбы все живое, поди, разбежалось да попряталось. Пойдемте. Разыщем Турсунбая-ака, пусть он с егерем поговорит, как-никак старые знакомые. А завтра вернемся.

— Где отец сегодня отару пасет? — спросил Шербек-ака у Зарипа, когда мы усаживались на мотоцикл.

— В Касансае, по-моему.

— Садись, показывай, как ехать.

До Касансае мы не доехали. По дороге встретился Хайдар-ака. Спешился, спросил, как дела, услышав о выходке пьяного егеря, осуждающе покачал головой.

— Дрянь-человек, что и говорить. А Турсунбая не ищите, не надо.

— Почему? — удивился Шербек-ака.

— Я сам с Балиевым поговорю.

— Думаете, толк будет?

— Конечно, будет.

— Понятно. — Директор достал из кармана деньги и протянул табунщику.

— Это еще зачем?— изумился тот.

— На водку. Иначе как Балиева уломаешь?

— Спрячьте деньги,— усмехнулся Хайдар-ака.— У меня с Балиевым мужской разговор будет.

Он легко вскинул в седло свое худошавое тело и тропул коня плетью.

ЗНАКОМЫЕ ГЛАЗА

На следующий день мы уже с утра были у Медвежьего лога. День обещал быть жарким, парило, в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. Где-то позади нас лениво перекликались какие-то пичуги. Зарип с Дурбек-ком устроились было в тени высокого валуна, но Шербек-ака, оглядевшись, велел им вернуться.

— Почему?— обиженно спросил Дурбек.

— Говорю, значит, так нужно. Тропинку видишь?

— Ну вижу.

— Если Артыкджан там пойдет, он вас еще издали заметит.

Ребята возвратились на свое место, и тут подал голос молчавший до сих пор Қасым-ака.

— Взгляните, что это там?

Возле валунов, за которыми в прошлый раз скрылись медведи, мелькнула чья-то фигурка. На таком расстоянии невозможно было определить, зверь это или человек, но вот фигурка стала быстро карабкаться по склону, то исчезая среди кустов, то снова появляясь в прогалинах, выбралась на открытое место и выпрямилась.

— Мальчик!— выдохнул Дурбек.

— Да, это он,— сказал я.— Наш старый знакомый.

Мальчик подошел к дереву и остановился.

— Осматривается.— Зарип негромко засмеялся.— Нас щец.

Постояв некоторое время, мальчик быстро спустился в урочище и пропал из виду. Мы продолжали наблюдать, ничем не выдавая своего присутствия.

И опять, как накануне, из-за валунов показалась уже знакомая нам четверка: впереди медведица, за ней медвежата, а за ними — мальчик. Но вот он нагнал медвежат и между ними завязалась борьба. Медведица оглянулась и некоторое время наблюдала за их возней. Потом легла и принялась кататься по траве. Медвежата и мальчик продолжали весело барахтаться. Потом мальчик отскочил в сторону, и, уперевшись руками в колени, стал наблюдать за игрой своих мохнатых друзей.

Полежав минут двадцать, медведица встала, встряхнулась и, снова, как и в прошлый раз, направилась в нашу сторону. Время от времени она поднимала голову и прихихивалась. Я был почти уверен, что она повернет обратно, не дойдя до нас, и все же, глядя на могучего зверя, ощущал растущее беспокойство.

— Если пройдет дальше вон того куста боярышника, все идите назад к пещере,— вполголоса произнес Шербек-ака и протянул руку к лежавшему рядом ружью.

Однако отступать не пришлось: медведица повернула обратно.

— Пронесло!— Шербек-ака отложил двустволку и вытер со лба крупные капли пота.

— Это он!— взволнованно прошептал Касым-ака.— Сердце мне подсказывает — он, точно.

Мне стало стыдно: получалось, что из нас пятерых один Касым-ака все это время следил за мальчиком, не обращая внимания на медведицу.

Медведи вернулись к завалу, но не скрылись за ним, а стали медленно подниматься по склону и вскоре один за другим исчезли за гребнем.

— На промысел пошли,— констатировал Шербек-ака.— А где же мальчик?

— Остался возле камней,— ответил Касым-ака.

Мы подождали еще несколько минут, но в урочище все было спокойно, и Шербек-ака развернул дастархан.

— Давайте перекусим пока что.

Только теперь я почувствовал, как голоден, и, не дожидаясь вторичного приглашения, подсел к дастархану. Ребята последовали моему примеру и только Касым-ака продолжал пристально наблюдать за урочищем.

— Поешьте Касым-ака, — предложил я.

— Потом, — кивнул он не оборачиваясь. — Не обращайтесь на меня внимания. Ешьте.

Переговариваясь вполголоса, мы принялись за холодное мясо с лепешками, запивая еду чаем из термоса.

— Тихо! — внезапно скомандовал Касым-ака и замер, прислушиваясь. Слева от нас, как раз там, где хотели устроиться в холодке Дурбек с Зарипом, раздался треск, скользнула по тропе чья-то стремительная тень. Мы застыли, обратившись в слух и зрение. На тропе показался мальчик. Он шел, наклонившись вперед, так что руки почти касались тропы, и низко опустив голову. Космы длинных, спутанных волос скрывали лицо, обнаженное тело было темно-коричневого, почти шоколадного цвета. Секунда, другая, и мальчик, бесшумно ступая по каменистой тропе, скрылся в кустах.

— Ух ты! — первым опомнился Дурбек. — Голый совсем, а волосы как грива... Даже страшно становится...

Я взглянул на Касыма-ака. Он стоял на коленях, подавшись всем телом в ту сторону, где скрылся мальчик, и по его лицу, оставляя светлые полосы на щеках, сбегали слезы.

— Это потому что ты его первый раз так близко увидел, — со знанием дела объяснил Зарип. — А вообще-то ничего страшного.

— Ну, не скажи! — возразил Дурбек.

— Хватит болтать! — оборвал их Шербек-ака. Поднялся и, козырьком приложив ладонь к бровям, стал смотреть вслед мальчику. — К пещере пошел. Значит, немного погодя жди обратно.

Он опустил руку и пробежался взглядом по разбросанному в беспорядке нашему имуществу.

— Не будем терять времени. Берите мешок. Касым-ака. Становитесь вон там, за камнем. Подай сюда веревку, Дурбек. Да не всю, отрежь кусок. Держи нож.

Он внимательно огляделся по сторонам, подобрал с земли длинную сухую ветку. Протянул мне.

— Пройдите-ка вон к тем кустам, Хакимджан. Левее. Так, хорошо. Видно от вас тропу?

— Да.

Шербек-ака сделал несколько шагов и встал за высокий обломок скалы.

— Меня видите?

— Нет.

— Отлично. А теперь поднимите ветку. Пovyше немного. Качните ею. Хорошо, достаточно.

Он обернулся к ребятам.

— Значит, так. Вы отправляйтесь вон в те кусты и ждите моего сигнала. Если нам с Касымом-ака не удастся схватить мальчика, он скорее всего бросится вниз по тропе. Как только поравняется с вами,— хватайте и держите как можно крепче. Ясно?

Ребята кивнули.

— Ступайте. Спрячьтесь так, чтобы вас с тропы не было видно и сидите тихо.

А вы, Хакимджан, следите за тропой. Увидите мальчика, осторожно поднимите ветку. Пройдет мимо вас — покачайте ею и будьте наготове. Если он бросится убежать в вашу сторону,— хватайте его.

Мы с Касымом-ака будем ждать его здесь, за камнями. Все понятно? Тогда по местам.

Потянулись томительные минуты ожидания. «А что, если он станет возвращаться другой дорогой?— думал я, глядя на тропу, ведущую к пещере Чапанберген.— Пройдем напрасно, а завтра начнем все сначала? Бедный Касым-ака! Он молчит, но представляю, что у него на душе делается! А ведь Шербек-ака прав: изловить мальчика

это еще даже не полдела. Главное и самое трудное начнется потом...»

Довести свою мысль до конца я не успел: впереди качнулась ветка барбариса и на тропе показался тот, кого мы ожидали. Остановился, отбросил движением головы упавшие на лицо космы. Огляделся. Я замер, затаив дыхание. Казалось, мальчик смотрит прямо мне в глаза. Но вот он снова опустил голову, сгорбился и трусцой двинулся по тропе.

Я осторожно поднял кверху сухую ветку и качнул ею из стороны в сторону. Мальчик скользнул мимо меня в сторону валунов, где его ожидала засада.

Теперь густые заросли скрывали его от моих глаз, и мне оставалось полагаться только на слух. Я прислушался. Минуту-другую было тихо и я уже начал было беспокоиться, но тут послышался чей-то приглушенный крик, шум борьбы и я со всех ног бросился к валунам, где стояли в засаде директор и Касым-ака.

Несмотря на наброшенный на голову мешок, мальчик отчаянно отбивался. Шербек-ака едва удерживал его, обхватив за туловище. Касым-ака тщетно пытался связать мальчику руки веревкой.

— Помогите,— крикнул мне Шербек-ака. Вдвоем мы наконец связали мальчика и поставили его на ноги. Тут подоспели Зарип с Дурбеком, мы кольцом окружили пленника и Касым-ака сдернул с него мешок.

Первое, что поразило меня в нем, были глаза. Большие, выразительные, они смотрели на нас с безграничным ужасом и все-таки были мне удивительно знакомы. Где-то я уже видел эти глаза. Где? Как я ни старался,— вспомнить не смог.

Касым-ака дрожащими руками отвел в сторону прядь волос над ухом мальчика и радостно воскликнул: за левым ухом виднелась небольшая бородавка.

— Артыкджан! Сынок! — По щекам Касыма-ака катились слезы.— Наконец-то я нашел тебя, мой мальчик!

Он гладил сына по волосам, ласково касался ладонями щек... Наверное, камень растаял бы от этих ласк, но лицо пленника оставалось настороженно безучастным, он досадливо мотал головой, уклоняясь от рук отца, и вдруг закричал как-то по-заячьи тонко и пронзительно.

Шербек-ака зажал пленнику рот.

— Платок!— кивнул он Дурбеку.— Даже два давай-те. Да не так! Сложите в несколько раз!

Общими усилиями мы в конце концов заткнули Артыку рот кляпом. Он мычал, отчаянно отбивался, мотал головой. Не в силах наблюдать эту сцену, Қасым-ака отошел в сторону и закрыл лицо руками.

— Собирайтесь!— скомандовал Шербек-ака.— Надо уходить.

Он взглянул на Қасыма-ака и болезненно поморщился.

— Простите меня, брат. Но иначе нельзя. На его крики сюда могут сбежаться медведи. Пойдемте.

И мы торопливо, словно спасаясь от погони, зашагали по тропе прочь от Медвежьего лога.

Зарип и Дурбек вели Артыка, крепко держа под руки, впереди шел Шербек-ака. Процессию замыкали мы с Қасымом-ака. Он нес моток веревки и дастархан, я, то и дело оглядываясь, крепко сжимал в руках двустволку.

До того места, где стоял мотоцикл, мы добрались без приключений. Правда, возле пещеры Чапанберген Артык рванулся, пытаясь высвободиться из рук Дурбека и Зарипа, но те были настороже и удержали его.

Немало пришлось повозиться, когда усаживали Артыка в коляску мотоцикла. Он шарахался, отчаянно упирался ногами в коляску, мычал, стараясь вытолкнуть изо рта кляп.

Сообща мы, наконец, усадили его в коляску и на всякий случай привязали веревкой, что оказалось кстати, потому что когда Шербек-ака завел мотор, Артык так заматсялся, что чуть не перевернул мотоцикл.

Подождав, пока Қасым-ака успокоит наконец сына,

Шербек-ака указал ему на сиденье позади себя и махнул нам рукой.

— Спускайтесь вниз и идите по дороге. Отвезу их и за вами вернусь. А ты, Зарип, забеги домой, предупреди, что ко мне идешь.

ЗИЕФАТ¹

В четвертом часу вечера мы с Зарином и Дурбеком вышли из кишлака Саймард и, весело переговариваясь, зашагали по проселочной дороге. Зарип побывал дома и, против ожидания легко уговорил мать отпустить его на денек к директору «по очень важному делу». Вспоминая детали разговора и расспросы матери Зарипа, которой не терпелось узнать, что за «важные дела» могут быть у ее сына с директором школы, мы громко хохотали и пытались в лицах изобразить Зарипа, его мать и присутствовавших при разговоре братишек.

Радостное настроение наше объяснялось, по-моему, тем, что мы все трое испытывали удовлетворение от того, что не зря потеряли время, сделали то, ради чего сюда приехали, и искренне радовались за Касыма-ака, который после многих лет разлуки отыскал наконец своего пропавшего сына.

Не прошли мы и двух-трех километров, как впереди показался кативший* навстречу мотоцикл с коляской.

Дурбек всмотрелся в подъезжающего и покачал головой.

— Шербек-ака?— спросил я.

— Мотоцикл отцовский,— ответил Дурбек.— Но за рулем не он.

— А кто же?

— Мансур-ака Акбаров. Учитель литературы.

¹ Зиефат — торжество по случаю радостного события.

«Не очень-то ты его, видно, жалуешь»,— подумал я, глядя на расстроенное лицо мальчика.

Мотоциклист поравнялся с нами и заглушил мотор. Это был молодой человек лет двадцати пяти с круглым, чуть надменным лицом и длинными рыжеватыми волосами. Здороваясь с нами он улыбнулся, и во рту его блеснули две золотые коронки.

— Мансур Акбаров,— отрекомендовался мотоциклист. Мы познакомились.

— Такое дело провернули,— продолжал Акбаров с досадой в голосе.— А мне ни слова. Как же это, а, Дурбек? Молодец, молодец, ничего не скажешь. Весь в отца. А ты тоже хорош, Зарипбай. Моғ бы хоть словом обмолвиться своему учителю. Ну и ну! А, чего там! Садитесь, в кишлак поедем. Там пир горой затевается.

Во дворе директора и в самом деле полным ходом шла подготовка к зиёфату. Возле казанов сутились какие-то люди, пахло раскаленным салом и жареным луком, чуть поодаль двое мужчин с закатанными по локоть рукавами сноровисто свеживали барана. Суфа была застлана огромным ковром и курпачами. В глубине ее за дастарханом восседал, прижимая к себе испуганно озирающегося Артыка, Касым-ака в компании двух седобородых старцев.

— Приехали?— Шербек-ака вышел из дома с целой пирамидой фарфоровых мисок в руках. — Как раз вовремя. А то я тут не успеваю ребятню гонять. На Артыкбая поглазеть сбегаются, как муравьи на мед. Умывайтесь и за дело беритесь. А вы, Хакимджан, ступайте к гостям. И вы, Мансур, тоже.

Мы с литератором подсели к компании Касыма-ака. Он представил меня старикам, не забыв упомянуть, что, если бы не я, ему вряд ли удалось бы отыскать сына. Старцы одарили меня благосклонными взглядами.

— Отцу вашему хвала,— произнес один из них.— Достойного сына воспитал. Благое дело вы совершили, молодой человек.

— Истинно так,— кивнул второй.— И вовремя. Еще немного и этот несчастный совсем одичал бы.

Я еле удержался от смеха. Касым-ака наклонился ко мне и зашептал на ухо:

— Сходили бы с Артыкбаем на речку. Искупать надо парня, в божеский вид привести. Как вы считаете?

Я кивнул, соглашаясь, и после двух традиционных пиал чая извинился и позвал Дурбека. Они с Зарипом вынесли из дома мыло, мочалку, полотенце, и мы вчетвером пошли к речке, которая протекала за домом.

Выкупать Артыкбая оказалось делом нелегким. Воды он не боялся, зато от мочалки и мыла шарахался, как от огня. А так как кляпа у него во рту уже не было, то и вопил он во всю глотку. Хорошо еще, что шум горной реки заглушал его вопли.

Провозились мы на реке минут сорок и, когда вернулись во двор, народу там заметно прибавилось. В основном это были взрослые, но вертелись во дворе и школьники. Увидев Артыка, они окружили нас и принялись с любопытством разглядывать мальчика. Мы привели его к супе и усадили рядом с отцом. Дурбек с Зарипом оттеснили ребят подальше от супы, а я сел рядом с Артыком. После купанья он стал как-то тише, спокойнее,— не то смирился, не то устал от множества новых впечатлений.

Касым-ака гладил сына по плечу, то говорил ему что-то ласковое, то брал с дастархана лакомые куски и угощал мальчика. И, глядя на них, я попытался представить себя на месте Артыка и вдруг понял, что мы совершили ошибку, затеяв все это торжество, что неправильно и, может быть, даже вредно держать мальчика здесь, среди многолюдной компании. Ведь он привык к тишине, к одиночеству, к общению с такими же, как и он сам, безмолвными и одинокими существами.

Касым-ака налил в пиалу чай и протянул сыну.
— Осторожно, сынок, пей. Чай горячий.

Артык непонимающе уставился на пиалу, потом осторожно взял ее двумя руками, поднес ко рту и тут же с криком бросил на дастархан и замотал головой.

«Обжегся!»— понял я, схватил Артыка за руку и как раз вовремя: он попытался вскочить, и я, едва удержал его.

— Касым-ака, давайте отведем его в дом и уложим спать,— предложил я.— Он устал. Ему надо отдохнуть.

Касым-ака сначала недоумевающе уставился на меня, потом кивнул, соглашаясь. Подошел Шербек-ака и, узнав в чем дело, сразу же меня поддержал. Мы отвели Артыка в комнату, раздели и уложили в кровать.

— Оставляйтесь с ним, Касым-ака,— сказал директор.— Без вас он не уснет. А гостям я все объясню, они не обидятся. Не забудьте дверь на задвижку запереть.

Я машинально взглянул на окно, оно было забрано металлической решеткой. Мы пожелали Касыму-ака спокойной ночи и вернулись во двор.

Здесь застолье шло своим чередом. Старики чинно наслаждались пловом, прихлебывая чай из пиал. Молодежь расположилась на соседней суфе. На дастархане поблескивали бутылки, а на месте тамады восседал Мансур Акбаров.

— Идите к нам, товарищ журналист!— позвал он меня.— Посидите и в нашей компании.

— Идите, Хакимджан,— шепнул Шербек-ака.— Со стариками я сам посижу.

Акбаров был уже изрядно навеселе, и едва я подсел к их дастархану, протянул мне пиалу с водкой.

— За успех вашей экспедиции!

— Спасибо, но я не пью,— отказался я.

— Тогда хотя бы чокнитесь с нами. Дай бог здоровья вашему подопечному!

«Подопечный,— мысленно повторил я, чокаясь с соседями по застолью.— Слово-то какое нашел, литератор».

Я представил себе изможденное лицо Артыка и вдруг меня озарило. Глаза! Вот, где я их видел! У Артыка и его дяди Бегали-ака абсолютно одинаковые глаза! Не похожи, а именно одинаковые!

— В журнале «Фан ва турмуш»¹,— продолжал разглагольствовать Мансур Акбаров,— статья была напечатана про такой же случай. В Индии это произошло. Потерялся мальчик и десять лет жил в джунглях среди зверей. И что вы думаете? Когда его нашли, он не только говорить — есть и пить по-человечески не умел. Пытались приобщить к цивилизации — куда там! Не выдержал, через год помер.

— Типун вам на язык!— суеверно одернул его кто-то из гостей.

— Что читал, то и говорю!— захохотал Мансур.— Это я к тому, что найденыша вашего надо отвезти в кишлак и потихонечку-полегонечку к новой жизни приучать. Телевизор, радио — это пока не для него.

«Пьяный-пьяный, а говорит дело»,— подумал я.

— Сознание в нем надо постепенно воспитывать,— продолжал Акбаров.— Без стрессов, без психологических перегрузок. Пусть с детьми играет побольше.

«Тебе не литературу, а психологию преподавать надо»,— мысленно усмехнулся я.— Хотя без знания психологии, пожалуй, и литератору не обойтись».

Зиёфат затынулся до полуночи. Когда гости наконец разошлись по домам и дастарханы были убраны, я попросил у директора листок бумаги и, пристроившись под лампочкой, написал заметку в нашу районную газету. Заметка получилась такая:

«Мальчик, выросший в горах»

Двадцать первого июля 1964 года в Медвежьем лого, что в Арчалинских горах, был найден десятилетний

¹ «Фан ва турмуш» — «Наука и жизнь».

мальчик. Бухгалтер совхоза Қасым Зиядов признал в нем своего сына Артыка, потерявшегося при загадочных обстоятельствах пять лет назад в совхозе «Чарвадор» Кокрабатского района. В поисках «арчалинского Маугли» принимали участие директор Атласской средней школы Шербек Рахматов, школьники Зарип Турсунбаев, Дурбек Шербеков и автор этих строк. Остается загадкой, как уцелел и жил мальчик все эти годы в горах среди диких зверей, и каким образом оказался он за десятки километров от родного совхоза, за непроходимым горным хребтом. Будем надеяться, что когда Артыкджан освоится со своим новым положением, он сам расскажет об этом нашим читателям.

Х. Халматов.»

Конверта у меня не было, я сложил листок вчетверо и сунул в задний карман брюк.

ОТ БАГИСТАНА ДО КОКРАБАТА

Шербек-ака — человек, каких поискать. Кто мы ему? Чужие люди, если разобраться. А он, считайте, целую неделю нам посвятил. Гонял на мотоцикле взад-вперед, лазил по горам, принимал, как самых дорогих гостей, да еще зиёфат напоследок закатил. Не всякий на такое способен. И это надо ценить. Не знаю, кто как, а я считаю своим долгом во всем подражать таким людям, как Шербек-ака, быть таким же отзывчивым, щедрым и хлебосольным.

На шестой день нашего путешествия по Арчалинским горам Шербек-ака выкатил со двора свой мотоцикл, чтобы отвезти нас в районный центр. Мы тепло простились с Зарипом и Дурбеком. Қасым-ака устроился на заднем сиденье, мы с Артыком в коляске. Артык был гораздо спокойнее, чем накануне, не пугался, послушно выполнял

все, что от него требовали. Казалось, он немного освоился со своим положением и даже начал понимать, что к чему.

Всю дорогу до райцентра он с интересом оглядывался по сторонам и время от времени издавал какие-то нечленораздельные звуки, что-то вроде «оу, оу». Словно пытался заговорить. Но как только мы въехали на автостанцию, поведение его резко изменилось. Он стал вздрагивать, испуганно тарашился на огромные, рычащие моторами автобусы, на множество снующих по своим делам людей, жался то к отцу, то ко мне. Я крепко взял его за запястья и старался, как мог, его успокоить.

Вокруг нас тотчас образовалась группа зевак, привлеченная необычным видом Артыка.

— Чего не видели!— накинулся на них Шербек-ака.— Расходитесь! Что вам, делать больше нечего?

Зевакам это, понятно, не понравилось, они хотя и расступились, зато стали вслух выражать свое недовольство.

— Хозяин нашелся!

— Что мы, съедим его, что ли?

— В какой цирк обезьяну везете?

— А волосы-то, волосы! Сроду не причесывался.

— Эй ты, стилига! Что молчишь?

Пререкаться с ними было бесполезно и я протянул руку директору.

— До свиданья, Шербек-ака. Возвращайтесь. А будете в наших краях — милости просим. Отец рад будет с вами познакомиться.

— Ну, пока,— Шербек-ака пожал мне руку.— Не забывайте про нас, приезжайте.

Он улыбнулся.

— Фельетон про Балиева напишите.

— Про какого Балиева?— оказывается, я успел начисто забыть о егере.— А, про того пьяницу! Нет, не стану я о нем писать. Слишком много чести, возомнит о себе.

— Я тоже думаю, что не стоит.

— А, ч-чорт!— я огляделся по сторонам.

— Что?— спросил Шербек-ака.

— Да заметку я вчера написал в газету, отправить надо.

— Давайте сюда, я завезу в редакцию.

— Стоит ли? Лишние хлопоты для вас.

— Какие там хлопоты! Мне все равно с Арслановым надо повидаться. Давайте.

Я отдал ему заметку. Подошел Касым-ака с билетами, сообщил с виноватым видом:

— Через пять минут отправление.

— Чего же расстраиваться?— усмехнулся Шербек-ака.— Быстрее до дома доберетесь.

Касым-ака посмотрел на него и, ни слова не говоря, обнял директора.

— Спасибо вам за все, брат. В вечном долгу я перед вами...

— А-а-а, пустое!— отмахнулся Шербек-ака и украдкой вытер глаза.— Садитесь в автобус, отправление вон объявили.

Он проводил нас до автобуса, потрепал Артыка по плечу и, не оглядываясь, зашагал к своему мотоциклу.

Артык заупрямился было, не желая входить в салон, но мы вдвоем успокоили его и усадили возле окна.

— Не выпрыгнет?

— Не должен,— ответил Касым-ака, но на всякий случай опустил стекло и сел рядом с сыном. Я устроился позади них. Автобус был почти полон. На передних сиденьях расположились трое стариков, две старухи и детвора. Кроме них в автобусе ехали какие-то парни и девушки. Один из стариков, видимо, любитель позубоскалить, кинул реплику, обращаясь к Касыму-ака:

— Эй, земляк, в какой теплице этакое чудо вырастил?

В автобусе раздались смешки. Касым-ака пропустил реплику мимо ушей. Я тоже решил воздержаться от пререканий со старшим по возрасту, хотя меня так и подмы-

вало осадить старика. К счастью за меня это сделала одна из старух, по-видимому, жена бестактного остро- слова.

— Не совестно вам над людьми насмеяться? Лучше бы на своих внуков чаще поглядывали! Совсем от рук отбились негодники!

Не знаю, устыдился старик своих слов или нет, но охота к зубоскальству у него пропала.

В город мы приехали, когда солнце стояло в зените. Перекусили, стоя, в буфете, взяли билеты на кокрабатский автобус и через час были уже в райцентре. Прошли по усаженной акациями улице, свернули направо и остановились на том же месте, где мы с Бегали-ака ждали попутную машину. Но то было вечером, а теперь под обжигающими лучами солнца было буквально нечем дышать, и мы возвратились на перекресток и встали в тени акации.

Ждать пришлось долго. Артыкджан, изнывая от жары, маялся, не находя себе места, с тоской оглядывался по сторонам, порывался куда-то идти. То и дело приходилось удерживать его за руку и он всякий раз глядел на нас тоскливыми непонимающими глазами, от взгляда которых у меня начинало щемить в груди.

Наконец на улице показался грузовик «ЗИЛ». Поравнявшись с перекрестком, он сбавил скорость и повернул направо. Касым-ака вышел на проезжую часть улицы и поднял руку. Грузовик остановился. Из его кабины выскочил низенький упитанный мужчина средних лет и тепло поздоровался с Касымом-ака. На нас с Артыком он даже не взглянул.

— Шкурки сдавать ездили,— сообщил мужчина.— А теперь домой возвращаемся. Вы тоже в совхоз? Садитесь, поехали.

Мы забрались в кузов, мужчина сел в кабину и хлопнул дверцей. Машина тронулась. Сидеть в кузове было не на чем. Мы стояли, держась за доску в передней части

кузова — Артыкджан посредине, я и Қасым-ака по обе стороны от него.

— Кто это?— спросил я, указав на кабину.

— Экспедитором в совхозе работает. А что?

— Странный какой-то. С вами поздоровался, с нами — нет.

— Не обращайтесь внимания, Хакимджан,— махнул рукой Қасым-ака.— Такой уж он человек, Таджахмад. Только тех видит, от кого ему выгода.

Қасым-ака вздохнул и обнял сына за плечи. Я глядел на них и, сам не знаю почему, мне вспомнился наш разговор в доме Қасыма-ака ночью накануне отъезда в Арчалинские горы.

Я спросил тогда у Қасымджана, что за человек Эшмурза.

— Плохой он человек,— ответил Қасым-ака.— Завистливый, злой и жестокий. В бухгалтерии у меня работал. Счетоводом. Однажды отпросился на пару часов, а вернулся только к вечеру. В тот самый день и пропал Артыкджан. Позднее Кулмат-бобо сказал, что видел моего сына с Эшмурзой. На ишаке в сторону гор ехали. Эшмурза, когда я его спросил, от всего отказался. Никуда, дескать, не ездил, и сына моего в глаза не видел.

Кулмат-бобо вскоре захворал и умер. Эшмурза после этого и вовсе духом воспрянул, всюду говорить стал, что старика бог за клевету покарал.

— Вы думаете, Эшмурза вашего сына в горы увез и там бросил?

— Не думаю — сердцем чувствую. А доказательств нет. Разве что Эшмурза с того дня в глаза мне взглянуть не смеет... Но это не доказательство.

— Не доказательство,— подтвердил я.— Скажите, а с чего бы Эшмурзе такую беду на вас навлекать? Вы что — враги с ним?

— Понимаете, какое дело, сынок. Он и раньше главным бухгалтером совхоза работал. Попался на махинаци-

ях. Надо было в прокуратуру дело передать, да пожалели. Перевели в счетоводы и все. А меня вместо него главбухом назначили. Вот и не может он мне этого простить никак. Это во-первых...

— А во-вторых?— спросил я.

— Во-вторых...— Касым-ака вздохнул.— Давние у меня с ним счеты. Он еще когда молодым был, к девушке из нашего кишлака сватался. Отказали ему. А я посватался — согласились. Да вы ее знаете: Зулайха, жена моя. С тех пор и затаил на меня злобу. А тут еще меня на его место главным бухгалтером... Одно к одному... Вот и отомстил, негодяй. За все сразу отомстил. И мне, и Зулайхе...

— Бывают же такие,— я поискал подходящее слово и не нашел.— Сам-то он что — без семьи живет?

— Есть у него семья. Жена, сын. Только не в радость ему это все.

— Почему?— удивился я.

— Придурок у него мальчишка растет. Даже в школу не взяли. И сам он вот уже лет шесть хворает. Не то почки, не то печень... С работы ушел, дома сидит. Кур, индюшек, говорят, развел. Тем и пробавляется. Сам ни к кому не ходит, и к нему — никто. Вот такие-то дела, братишка...

АРТЫКДЖАН СНОВА ДОМА

«ЗИЛ» свернул на центральную усадьбу совхоза и последний отрезок пути нам пришлось идти пешком. До кишлака оставалось еще с километр, когда впереди навстречу нам показался грузовик. За машиной тянулось белесое облако пыли. Мы посторонились, но человек, сидевший в кузове на куче домашнего скарба, наклонился к кабине и постучал по ней. Грузовик затормозил. Из кабины высунулся парнишка-шофер. Человек в кузове что-то ему сказал и, прыгнув на дорогу, зашагал в нашу

сторсну. Только теперь я узнал в нем Эшмурзу. По изменившемуся выражению лица Касыма-ака я понял, что он тоже узнал своего старшего врага.

Поравнявшись с нами, Эшмурза протянул перед собой руку:

— Салам, Касым!

Касым-ака нехотя ответил на приветствие, но протянутой руки не пожал.

— Поздравляю,— как ни в чем не бывало продолжал Эшмурза.— Сын отыскался. Слышал я, что ты с каким-то журналистом на поиски отправился. Весь кишлак об этом говорит. Повезло, стало быть.

— Повезло.— Касым-ака прокашлялся.— Нашел сына. И того, кто его в горы завез, найду. А ты куда собрался?

— Уезжаю,— криво усмехнулся Эшмурза. — Насовсем уезжаю.

— Куда?— хрипло спросил Касым-ака.

— Куда глаза глядят. В этом кишлаке мне делать нечего. Чужим он для меня стал, понятно?

— С чего бы?— сердито поинтересовался Касым-ака.

— Будто не знаешь! По твоей милости мне тут житья не стало. Каждый волком косится.

— Понятно. Удираешь, значит?

— Считаю как хочешь. Только... Я ведь мог и мимо проехать, а видишь, остановился, чтобы с тобой попрощаться. Хочешь — бей, хочешь — прости. Виноват я перед тобой. Может, в последний раз видимся.

На лице Касыма-ака боролись противоречивые чувства. Он покосился в мою сторону, словно ища поддержки, но я не стал вмешиваться в их разговор и Касым-ака, продолжая держать сына за руку, подал мне знак головой и, отвернувшись от своего недруга, зашагал в сторону кишлака. Эшмурза проводил его затравленным взглядом и медленно пошел к машине.

Взревел мотор и минуту спустя грузовик скрылся в облаке пыли.

... Залитый палящими лучами солнца двор был тих и пустынен. Даже пса не видать — забился, видимо, куда-то, спасаясь от зноя.

— Анварджан! — громко позвал Касым-ака. — Хой, Анварджан!

На айване показалась заспанная Зулайха-апа. Застыла, не веря собственным глазам, и с криком бросилась к сыну.

— Артыкджан! Сыночек мой родной! Ты ли это? — она обнимала мальчика, целовала его покрытые дорожной пылью щеки, а он только испуганно тарасился, пытаясь высвободиться из ее объятий.

— Никуда теперь тебя не отпущу! — продолжала причитать Зулайха-апа. — День и ночь рядом с собой держать буду! Ненаглядный ты мой...

Она вдруг побледнела, обмякла и стала медленно оседать на землю. Я едва успел подхватить ее под руки. С веранды сбежал во двор Анварджан и они вместе с отцом увели ее в комнату. Появилась откуда-то собака, громко залаяла, не узнавая Артыкджана. А может быть, она его вообще не знала. Мальчик вздрогнул, пригнулся, низко опустив руки и, не сводя глаз с собаки, медленно двинулся ей навстречу. Я машинально наблюдал за его действиями.

Артыкджан подошел вплотную к продолжавшему лаять псу и вдруг молниеносным движением схватил его за глотку, подмял под себя и стал душить. Пес захрипел.

Я бросился к мальчику, схватил его за плечи.

— Оставь, Артыкджан! Отпусти, задушишь!

Не обращая на меня внимания, мальчик продолжал душить бедного пса. Подоспел Касым-ака, и мы вдвоем кое-как разжали руки и оттащили Артыкджана в сторону. Пес остался лежать, неподвижно распластавшись на земле.

«А ведь он его за волка принял! — сообразил я, вспом-

нив рассказ о мертвом волке.— Ну и хватка у парня!» Та же мысль мелькнула и у Касыма-ака.

— Как того волка задушил!— Он покачал головой.— Видно, здорово они ему досаждали, бедняге. А пса жалко. Хороший был помощник.

Касым-ака наклонился над собакой, тронул рукой.

— А, нет, живой, оказывается!

Пес пошевелил лапами, с трудом повернулся на живот и, жалобно скуля, уполз в конуру.

— Как там мать? — спросил Касым-ака у появившегося на веранде сына.

— Лучше.

— Неси воду, братишку твоего искупаем.

Анвар принес большой медный кувшин с водой. Мы умыли слабо сопротивлявшегося Артыкджана, умылись сами и вошли в дом.

Вечером на зиёфат по случаю возвращения Артыкджана в родной дом собрался весь кишлак. Одного только человека не было на зиёфате, но о нем в тот вечер никто даже не вспомнил.

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Как ни упрашивали меня Касым-ака с супругой погостить у них несколько дней, я уже на следующее утро засобиравшись в обратный путь. Я несколько не жалел о том, что принял участие в розысках Артыкджана и внес свою лепту в его возвращение. Глядя на сияющие, счастливые лица супругов, я испытывал огромное удовлетворение. Ведь, в конце концов, что может быть прекраснее, чем доставлять людям радость? Но впереди у меня было еще много отпускного времени и я вовсе не собирался отказываться от своих планов побывать в городе, познакомиться и завести дружбу с коллегами из редакции областной газеты.

Пока муж записывал мой домашний адрес, Зулайха-

апа, порывшись в сундуке, достала новенький бекасамый чапан и, ни слова не говоря, накинула его на мои плечи.

— Зачем это? — запротестовал было я, но она ласково прикоснулась ладонью к моим губам и заставила меня замолчать.

— Вы еще молодой, — сказала она. — Не знаете наших старинных обычаев. Так что не возражайте. Чапан дарят самому дорогому и близкому человеку. А ближе и роднее вас у нашей семьи теперь нет. Всю жизнь я сожалела о том, что у меня нет младшего брата. Теперь вы мне братишкой стали.

Касым-ака с улыбкой наблюдал за действиями своей супруги и согласно кивал головой.

— Правильно она говорит. Теперь этот дом — ваш родной. Приезжайте почаще. Племянники без вас скучать будут. А Артыкджан — особенно.

Спорить и возражать было бесполезно, я принял подарок и сердечно простился со всеми. У взрослых и детей выступили на глазах слезы. Один Артыкджан оставался безучастным, и я снова подумал о том, как много предстоит сделать его родителям, чтобы по-настоящему вернуть мальчика в родную семью.

Планы свои я осуществил полностью: познакомился и подружился с областными журналистами, осмотрел город, отдохнул как следует и, возвратившись домой, подумывал уже о том, чтобы в оставшееся до конца отпуска время навестить семью Касыма-ака, когда в моей жизни произошла серьезная перемена: меня призвали на службу в Советскую Армию.

Теперь я служу далеко от родных мест, живу строгой солдатской жизнью, завел новых друзей и знакомых. За это время я многое повидал, многому научился и продолжаю учиться. Армия — это ведь не только воинская служба, это и большая жизненная школа.

Вдали от дома начинаешь многое понимать, видишь вещи под новым углом зрения, мужаешь физически и духовно. И как-то по-особенному начинаешь ценить отчий край, места, где родился и вырос.

Я часто мысленно переносюсь в родной кишлак, бегаю с друзьями купаться на речку, вхожу в прохладный длинный коридор своей школы, где со стен на меня глядят портреты великих людей, а цитаты из их произведений учат меня мудрости, мужеству, доброте...

Провожая меня на службу, наш редактор Адыл Арсланов сказал:

— Запомни, Хакиджан, настоящий журналист всегда и везде остается журналистом. Великая это заповедь: ни дня без строчки. Пиши, не давай угаснуть в себе творческой искре.

Он оказался прав, наш редактор. Я все чаще испытываю жгучую потребность изложить на бумаге то, что вижу и видел, осмыслить пережитое, доверить свои мысли бумаге. В часы, свободные от службы, я раскрываю тетрадь и пишу. Пишу о том, что произошло со мною и моими новыми друзьями летом во время отпуска, об Артыке, по которому часто скучаю, о горах, в которых он вдали от людей провел несколько лет один на один с природой и обитателями лесных чащ.

Я верю: мы обязательно встретимся, Артыкджан! Я увижу тебя изменившимся, мы будем долго говорить с тобой, а потом, если захочешь, ты поведешь меня в горы, туда, где по злой воле утратившего человеческое Эшмурзы ты провел несколько лет своей жизни.

До новых встреч, Артыкджан!

Часть вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из армии я возвращался с ребятами, с которыми прослужил вместе два года. Ташкент встретил нас ревом моторов грузовых автосамосвалов, лязгом и скрежетом бульдозеров, многоязычной разноголосицей раскинувшихся по всей узбекской столице палаточных городков.

Это были первые месяцы после прошумевшего на всю страну апрельского землетрясения. Город стоял в руинах, бульдозеры рушили аварийные здания, но предвестниками старых и добрых перемен уже поднялись над будущими кварталами ажурные стрелы башенных кранов.

Вечером мы собрались на плов, который в чайхане парка культуры и отдыха рядом с площадью Иски-Джува организовали в честь нашего приезда земляки моих сослуживцев, обучающиеся в Ташкенте студенты-ферганцы. Плов, вкуснее которого трудно себе представить, приготовил Зухур-ака Эрматов, шестидесятилетний крепыш-мужчина родом из Каттакургана. Он оказался интересным, приятным собеседником и, сидя с нами за дастарханом, рассказал множество забавных и поучительных историй. Особенно запомнился мне его рассказ о дрессированном медведе, но я расскажу о нем как-нибудь в другой раз.

Прямо из чайханы друзья проводили нас на вокзал. Мы сели в ночной поезд и еще долго разговаривали под неумолчный перестук колес, вспоминая совместную службу, друзей, командиров, делясь своими планами на будущее. Было весело и немного грустно от предстоящей разлуки, как, наверное, всегда бывает, когда расстаются люди, которые прожили вместе многие месяцы...

На рассвете я вышел из такси у ворот родного дома, достал из багажника чемодан и рассчитался с шофером. Дома ждали меня со дня на день, но, понятное дело, ни-

кто не мог знать, что я заявлюсь в такую рань. И тем большей была радость моих родителей, когда я разбудил их ни свет, ни заря.

Днем, как водится, начались визиты соседей и первым, конечно же, появился друг отца Алавиддин-ака.

— А ну, покажись, солдат, каким ты стал!— сосед обнял меня за плечи, встряхнул, словно пробуя на прочность.— Вон какой богатырь вымахал, ну не узнать!

Отец вывел из сарая большущего черного барана.

— Вот, Алавиддин. Специально к возвращению Хакимджана откармливал. Заколи, будь другом. Ты же знаешь — это не по моей части.

— Магарыч будет?— деловито осведомился Алавиддин-ака.

— Будет-будет, — засмеялся отец. — Хоть полбарана забирай.

Я наблюдал за ними с каким-то странным чувством: я был у себя дома и в то же время далеко-далеко, там, где продолжали нести воинскую службу мои друзья.

— А ну, солдат, иди-ка сюда,— позвал Алавиддин-ака. Я подошел. Сосед взял у отца из рук веревку и повел барана по кругу, центром которого был я.

— Вот и все,— сказал он, когда круг замкнулся.— Теперь ты можешь идти встречать гостей. Дальше я справлюсь сам.

... Три дня мы встречали и провожали гостей. Родные, близкие, односельчане, приятели и сослуживцы отца приходили поздравлять моих родителей. Можно подумать, что я не со службы из армии возвратился, а из больницы, где врачи спасли меня от неминуемой смерти.

В конце концов я так и сказал отцу. Он рассмеялся в ответ:

— Такой уж обычай, сынок. Ничего не поделаешь. Иди вон лучше своих гостей принимай.

Я решил, что он шутит, оглянулся и вытаращил от удивления глаза: гости на этот раз были действительно

мой — сотрудники редакции районной газеты во главе с Адылом Арслановым.

После взаимных приветствий и поздравлений, уже сидя за угощением, Адыл-ака вдруг спросил:

— На работу когда думаете выходить, Хакимджан?— И тут же пояснил:— На вашем месте временно товарищ работает. Так что добро пожаловать хоть завтра.

Не знаю, что бы я ответил, но тут в разговор вмешался отец:

— Давайте не будем торопиться. Пусть Хакимджан отдохнет недельку-другую, а там видно будет.

Поздно вечером, проводив наконец всех гостей, мы отправили сестренку спать и остались втроем: отец, мать и я.

— Ты уже достаточно взрослый, сынок,— издала начал отец.— В состоянии сам все решать, мы тебе не советчики. Мне одно время казалось, что у тебя к учебе душа не лежит. Забрал тебя из дневной школы, работать устроил. Время показало — ошибался я. Ты вечернюю школу хорошо окончил, сам себе работу подыскал по душе. Мы тут с мамой много о тебе думали. Решили, что пока молодой, учиться тебе надо. В заработке твоём мы пока не нуждаемся, а окончишь институт — и тебе хорошо, и нам радость. А в общем сам решай.

Мать сидела молча, не вмешиваясь в разговор, но, всмотревшись, я увидел, что по щекам ее катятся слезы, и понял, как важно для них обоих, чтобы я согласился с их решением.

— Согласен,— кивнул я.— Попробую поступить в институт.

До вступительных экзаменов оставалось меньше месяца, о поездке в Кокрабат нечего было и думать, я отослал документы в университет и засел за учебники.

Через месяц я уже был студентом геологического факультета. Незаметно пролетел первый семестр, сессия.

На зимние каникулы я приезжал домой, но побывать в Кокрабате опять не удалось: зима выдалась холодная, со снегопадами, и я отложил визит к Касыму-ака до летних каникул.

Еще во время своей службы в армии я послал Касыму-ака несколько писем, но ответа на них не получил и уже начал было беспокоиться, но из дома мне написали, что Касым-ака был у них в гостях, сначала один, потом с супругой и что у них все в порядке.

«Странно,— думал я,— неужели так трудно черкнуть несколько строк? Не о себе, так хотя бы об Артыкджане». Я обиделся и перестал писать в Кокрабат. И вот примерно месяца за четыре до окончания срока службы пришло письмо от Касыма-ака, из которого мне многое стало ясно.

«Дорогой Хакимджан!— писал Касым-ака.— Как вам служится? Мы с Зулайхой часто вспоминаем и говорим о вас. Привет вам от нее и самые лучшие пожелания. У нас все нормально. Племянники ваши Анварджан и Артыкджан тоже передают вам привет.

Хакимджан, братишка! Простите, что не ответил на ваши письма. Непривычное это для меня дело — письма писать. Это во-первых. А во-вторых, Артыкджан, бедняга, все это время нас в страхе держал. Чего мы только с ним не пережили! Так что, сами понимаете, не до писем было. Вы всякий раз об Артыкджане спрашиваете, а что я мог ответить? Не хотел я вас расстраивать, вот и не писал.

В общем, с тех пор, как вы уехали, мы, можно сказать, ни днем, ни ночью покоя не знали. Особенно ночью. Артыкджан каждую ночь метаться начинал, кричать. Выбегал во двор, перелезал через ограду и исчезал куда-то. Мы его сначала силой удерживали, а потом перестали — не на цепь же его сажать? Может быть, он по горам тосковал, может быть, в доме спать не мог. Не знаю.

Только каждую ночь так было. Уйдет, а утром возвращается.

Помните, как он с нашим псом расправился? Тот, бедняга, с тех пор так в себя и не пришел. Вовсе лаять перестал. Целыми днями из конуры своей не высывался. Поест, что дадим,— и обратно в конуру. А если, не дай бог, Артыкджан к конуре подойдет, такой вой поднимал, что хоть из дому беги.

Но это бы еще полбеды. Повадились Артыкджан соседских собак душить. У одного нашего соседа здоровенный волкодав был. Чуть ли не с осла ростом. И что вы думаете? Задушил его Артыкджан, как цыпленка. Вот уж где был скандал! Еле успокоили мы соседа. Не зря говорят: у пропавшего ножа рукоять из золота,— пришлось за того паршивого пса барана соседу отдать!

И это еще не все. Повадились к нам люди ходить. Из других районов приезжали на Артыкджана поглазеть, как на зверя какого-то. Кому такое понравится? Я их сначала по-хорошему убеждал, а потом просто гнать стал со двора.

Такие вот дела, братишка. Натерпелись мы всякого, видно, не зря. Есть, видно справедливость на этом свете. Меняется Артыкджан к лучшему. На глазах меняется. Понимает, что ему говоришь, сам потихоньку говорить начинает. В школу бы его надо определить, да вот как это сделать, ума не приложим. В первый класс по возрасту не отдать, а ровесники его уже в седьмом учатся. Хоть бы вы скорее приехали, сообща бы решили.

Ну, я, кажется, расписался чересчур, буду заканчивать. До свидания, Хакимджан. Будьте здоровы. Другьям вашим привет от нас передайте. Возвращайтесь скорее. Мы все вас заждались.

Да, чуть не забыл, ездил я как-то по делам в Багистан, зашел к вашим родителям. Познакомились. Славные они у вас, как родного меня приняли. Мы потом с Зулайхой специально в гости к ним ездили. Дома у вас

все живы-здоровы, ждут вас, не дождутся. Еще раз до свиданья.

Уважающий вас Касым.

8 января 1966 года».

Письмо тронуло меня и глубоко взволновало, и я дал себе слово побывать в Кокрабате как только вернусь домой. Но обстоятельства сложились так, что смог я сдержать свое слово только полтора года спустя.

ГДЕ АРТЫКДЖАН?

С замирающим сердцем входил я в ворота ставшего мне родным дома Касыма-ака. Залитый полуденным солнцем двор был тих и пустынен. Здесь мало что изменилось за время моего отсутствия: тот же низенький дувал, домик с айваном, старый умывальник, собачья конура в углу... Разве что пара урюковых саженцев возле дома. Их раньше не было.

Из дома доносились приглушенные голоса. Я громко кашлянул — никакого эффекта.

— Касымджан-ака! — позвал я. Дверь тотчас распахнулась, и на пороге возник хозяин дома. Замер на секунду и тут же кинулся ко мне, широко раскрыв руки для объятия.

— Хакимджан, дорогой! Ну что же вы стоите как в гостях? Проходите, дорогой солдат! Как добрались? Как ваши домашние поживают?

Подошла улыбающаяся Зулайха-апа, чинно поцеловала меня в лоб. Мы обнялись с неизвестно откуда вынырнувшим Анварджаном. Он заметно вытянулся, возмужал. Над верхней губой появился темный пушок.

По ступенькам айвана сбежали во двор и бросились ко мне младшие сын и дочь. Я вскинул их на руки и огляделся, ища глазами Артыкджана. Касым-ака перехватил мой взгляд и улыбнулся.

— Жив-здоров ваш племянник, не тревожьтесь. Что же мы на солнце-то стоим? Идемте в дом.

Я протянул Анварджану портфель, снял и отряхнул тюбетейку, прошелся щеткой по брюкам и, поднявшись на веранду, снял туфли.

— Как служилось в армии?— спросил Касым-ака, когда, сполоснув руки, мы сели к дастархану. Я улыбнулся.

— Я уже больше года не солдат. В вузе учусь.

— Вот как?— не то притворно, не то в самом деле изумился хозяин.— Чертова работа! Не замечаешь, как время летит.

— Всю жизнь так,— с упреком покачала головой Зулайха-апа.— Ему бы только работать. Что ни попроси — занят, дела, служба. Сколько раз говорила, чтобы в Багистан съездили!

— Тут и моя вина есть,— вступился я за хозяина дома.— В прошлом году еще из армии вернулся. А к вам вот только теперь удосужился заглянуть. Все дела да дела.

— Видишь!— возликовал Касым-ака.— Не у одного меня работа?

— Обрадовался,— улыбнулась Зулайха-апа.— Союзники нашли. Лучше бы извинились.

— Права хозяйка,— Касым-ака поднял руки.— Сдаюсь. Извините, братишка.

Мы рассмеялись, и беседа пошла своим чередом. Зулайха-апа рассказала о том, как ей понравились мои родители и вообще все наше семейство. Супруга ее волновал вопрос, куда послать учиться Анварджана, который в этом году окончил десятилетку.

Улучив момент, когда Зухайха-апа вышла из комнаты с чайниками для заварки, я спросил Касыма-ака:

— А где Артыкджан? Его что — дома нет?

— Скоро объявится,— ответил он.

Зулайха-апа внесла чайники и опять вышла из комнаты, позвав с собой Анварджана.

— Соскучился я по племяннику, — мне не терпелось побольше узнать об Артыкджане.

— Говорю же, не беспокойтесь. Сегодня должен вернуться.

— Расскажите о нем поподробнее, — не выдержал я. — Как он? Что делает? Я ведь толком ничего о нем не знаю.

Касым-ака наполнил пиалу, слил обратно в чайник, отставил в сторону, чтобы дать чайникам осесть.

— По-моему, я вам писал об Артыкджане.

— Когда это было!

— И то сказать. — Он налил в пиалу чаю, протянул мне и наполнил свою пиалу. — После вашего отъезда кого только тут у нас не было! Журналисты, фотокорреспонденты с радио, с телевидения, просто любопытствующие... Извели нас расспросами. Когда пропал? Как пропал? Куда пропал? Как отыскиали? Где отыскиали? С кем отыскиали? Правда ли, что с медведями дружил? Где эти медведи?

Одним словом, тысячи вопросов один другого глупее. Мы уж и не знали что отвечать. А Артыкджан измучился: то они его фотографируют, то на кино снимают, то микрофоны под нос суют.

Только мы от них отбились — ученые нагрянули. Психологи, биологи, физиологи, невропатологи... Голова кругом идет. Опять расспросы, опять что да как... Завертели мальчишку.

Зулайха в слезы, дескать, плохо дело, раз столько докторов из города к сыну понаехало. А тут еще один из ученых возьми да заяви, что в город Артыкджана увезет! Тут она и вовсе рассвирепела: вцепилась в сына: «Мой ребенок! — кричит. — Никому не отдам! Никуда не отпущу!...»

Признаться, и я не выдержал. «Вот что, — говорю, —

товарищи ученые. В этом доме пока я хозяин. Как скажу, так и будет. Так что нечего распорядиться. Никуда мой сын не поедет».

Касым-ака отхлебнул из пиалы и, улыбаясь, покачал головой.

— Вы, Хакимджан, не подумайте, что все они такие уж горлохваты. В общем, неплохие, видно, люди. Особенно один мне понравился. Эшанходжаев Валерий, может слышали?

— Нет, не слышал, — ответил я. — Я ведь в Ташкенте учусь, студент. А они, наверное, из Самарканда приехали?

— Из Самарканда, — подтвердил Касым-ака. — А если будет возможность, вы с ним обязательно познакомьтесь. Запишите, пока не забыли.

Я вынул из кармана блокнот и записал: «Валерий Эшанходжаев».

— И чем же он вам понравился?

— Знающий человек. Серьезный. И воспитанный, слова лишнего не скажет.

— Обследовал Артыкджана?

— Обследовал.

— И что?

— «Что-что!» — ни с того, ни с сего рассердился Касым-ака, но тут же взял себя в руки. — Помните, у Шербека на зиёфате учитель один умные разговоры вел?

— Помню.

— Ну так Эшанходжаев примерно то же самое сказал. Мозг, говорит, у вашего сына неразвит. На уровне пятишестилетнего ребенка. Но вы не расстраивайтесь, постепенно все в норму придет. Главное, перегрузок ему не давайте. Верно ведь, как вы думаете?

— По-моему, верно. А вы его потом видели?

— Нет, — вздохнул Касым-ака. — Собрался было Артыкджана к нему свозить в этом году, а он, оказывается, в Москву уехал. В эту, как ее? Докторантуру.

ВСТРЕЧА

— С учебой что решили? Ему ведь учиться надо.

— Тут целая история.— Қасым-ака допил чай и отставил пиалу.— В этом году первый класс окончил Артыкджан.

— А говорите история,— удивился я.— Хорошо учится?

— Ничего. Что первоклассники усвоили, то и он.

— Ну что ж, уже неплохо.

— Так-то оно так,— согласился Қасым-ака. Я догадывался, что его угнетает, но выхода из этого положения не видел и потому продолжал молча слушать.

— Так-то оно так, — повторил Қасым-ака. — Только ведь тринадцатый год парню пошел. А его одноклассникам — по восемь. Представляете, какво ему среди них?

— А может, он не понимает этого?

— Не знаю,— с сомнением покачал головой Қасым-ака.— Боюсь, что понимает.

— Не обращайтесь внимания, — я признавал, что говорю глупость, но надо же было как-то утешить человека.— Артыкджан еще таким парнем вырастет...

— Дай-то бог.

— Были бы учителя хорошие.

— Учитель у них отличный. Амиром зовут. Из соседнего кишлака родом. Каждый день после уроков с Артыкджаном оставался, чтобы он вровень с классом учился. И добился-таки своего парень, родителям его спасибо. Читать, писать, считать научил. Побольше бы таких учителей, как Амир: и дело свое знает, и с душой трудится. «Если директор разрешит, я с вашим сыном за один год программу второго и третьего класса пройду»,— говорит.

— Ну вот видите? Директор, конечно же, разрешит.

— Это вы так считаете.

— А вы нет?— удивился я.— Почему?

— Да потому, что уже была у меня с ним стычка.

Когда в первый класс Артыкджана определял. «Не приму,— говорит,— и все. Переросток ваш сын». Уперся на своем и ни в какую. Я уж его по-всякому уговаривал, и доказывал, и убеждал, и просил. Нет — и все. Тогда только дошло до меня, в чем дело.

— И в чем же?

— А в том, что директор этот — родной племянник Эшмурзы.

— Вот оно что!

— Ну да. Тут-то я ему и выдал все, что хотел. «Не примете?» — спрашиваю. — «Не приму,— отвечает. — Нет такого закона, чтобы в первый класс одиннадцатилетних принимать». «А отказывать в праве на образование есть закон? Всеобщем это предусмотрено, или как?» Ему крыть нечем, а все равно не сдастся: «Сказал не приму, вот и не приму!»

Ну с ним я базарить не стал. На попутную машину — и в райцентр. Захожу в кабинет к заврайоно, и у него там как раз из облоно представитель сидит. Я при нем все и выложил. Переглянулись между собой просвещенцы, и заврайоно тут же за телефон. Часу не прошло, Кёпай в районо примчался. Это директора школы так зовут — Кёпай. Тут уж они ему все сполна и выдали. «Твое счастье,— говорит заврайоно,— что Қасым-ака к нам пришел. А обратиться он в облоно или в министерство — и конец твоей педагогической карьеры! Да еще к ответственности привлекли бы за нарушение закона о всеобщем! Понятно?»

Вот так и поступил Артыкджан в первый класс.

Зачем Зулейха-апа позвала Анварджана из комнаты, выяснилось только вечером. За воротами затарахтел мотоцикл и ребятя с криком «Дядя приехал! Дядя приехал!» — ринулась из дома во двор. Мы последовали за ними. Во дворе Бегали-ака с Анваром снимали с коляски мотоцикла овцу со связанными ногами. Рядом с мото-

циклом стоял парнишка, в котором я не сразу признал Артыкджана. Да и не мудрено: он здорово вытянулся, раздался в плечах, был аккуратно пострижен. Смуглое, продолговатое лицо округлилось и побелело. В брюках из плотной хлопчатки, голубой шелковой футболке и поношенной тубетейке он ничем не отличался от кишлачных ребят, разве что выражение лица казалось не по возрасту серьезным.

— Артык! — окликнул его Анварджан. — Что я тебе по дороге говорил?

Мы обнялись с Бегали-ака, и он, продолжая улыбаться, шуточно подтолкнул в бок Артыкджана.

— Чего застеснялся, пострел? Меня можешь теперь дядей не называть. Вот кто твой настоящий дядя! Здоровайся, что стоишь?

Опустив глаза и стыдливо потупившись, Артыкджан шагнул ко мне, неловко обнял, ткнулся носом в щеку и только потом поздоровался за руку. Мы расхохотались, а он, окончательно смутившись, заторопился в дом.

— Умойся с дороги! — крикнул ему вдогонку отец.

Теперь, когда он двигался, я опять узнал в нем прежнего диковатого мальчугана: шел он, заметно наклонившись вперед и свесив перед собой руки.

В комнате, сидя за дастарханом, я продолжал незаметно наблюдать за Артыкджаном. Он — действительно переменялся к лучшему. Взгляд темных глаз стал осмысленнее, он уверенно держался за трапезой и вообще вел себя вполне обычно, разве что не вступал в разговор, а если к нему обращались — кивал или отрицательно мотал головой, или ограничивался односложными фразами.

После чаепития Бегали-ака, Касым-ака и Анварджан отправились во двор, а мы с Артыком остались с глазу на глаз.

Я легонько похлопал его по плечу.

— Вот ты какой стал, племянник. Настоящий йигит. Он промолчал.

— Как у тебя дела?

— Хорошо.

— Учеба как?

Он пожал плечами.

— Нормально.

Несмотря на немногословие и скованность, он производил приятное впечатление, вовсе не казался неотесанным дикарем.

— Налить еще чаю?— предложил я.

— Нет,— он искоса взглянул на меня и поднялся из-за дастархана.— Я пойду?

— Погоди,— сказал я.— Пойдем вместе.

На следующий день мы на мотоцикле Бегали-ака поехали на отгонное пастбище, где паслась его отара. Поехали втроем: я, Бегали-ака и Артыкджан. Путь наш лежал на север, все выше в горы, и Бегали-ака, стараясь перекричать шум мотора, рассказывал мне об этих местах, об особенностях здешнего микроклимата, о животных и птицах, населяющих этот сказочно красивый край.

Угодья совхоза «Чарвадор» тянулись на десятки километров и заканчивались в горах, так что пастбища, по которым мы теперь ехали, оставив позади дорогу, вначале были желтыми от выгоревшей на солнце травы, но чем выше мы поднимались, тем сочнее и зеленее становилось разнотравье.

Отара паслась на широком плоскогорье, кое-где усеянном огромными валунами. В тени одного из таких валунов и расположился напарник Бегали-ака, пожилой немногословный чабан. Впрочем, я скоро нашел с ним общий язык, мы разговорились и он рассказал мне много интересного о чабанской работе и жизни. Я исписал несколько страничек в своем блокноте, решив про себя, что обязательно сделаю очерк о чабанах для нашей районной газеты.

Бегали-ака с напарником ушли к отаре, а мы с Артыкджаном отлично провели время до вечера. Натаскали дров для костра, позагорали, искупались в холодном как лед ручье, приготовили наваристую похлебку к возвращению чабанов.

Мало-помалу Артыкджан поборол свою застенчивость, разговорился, и то и дело задавал мне вопросы. Я охотно отвечал на них, радуясь возможности поближе узнать, чем живет парнишка и что его волнует. Вопросы были наивные, но, поразмыслив, я пришел к выводу, что примерно таким и должен быть внутренний мир сельского мальчугана, окончившего первый класс. Артыкджана интересовало, например, сколько человек служит в армии, можно ли отсюда увидеть в бинокль Москву, куда упадет пуля, если выстрелить вертикально вверх и так далее.

Ночь мы провели на кошме под открытым небом, любуясь неправдоподобно крупными звездами, пока нас не сморил сон. Утром мы с Артыкджаном, наскоро перекусив, отправились на прогулку, прихватив с собой на всякий случай заряженную двустволку.

Плато впереди плавно переходило в нагорье, а дальше, казалось, совсем рядом, синели поросшие арчой вершины горной гряды.

— Заберемся вон на ту гору и там отдохнем,— предложил я. Артыкджан удивленно взглянул на меня, но ничего не ответил. И лишь некоторое время спустя спросил:

— Там заночуем?

— Зачем же?— удивился я.— У нас с тобой даже одеяла нет. Вернемся обратно.

— Ночью?

— Почему ночью?— не понял я.— К вечеру здесь будем.

— Не будем,— уверенно сказал Артыкджан.— Хорошо если к вечеру до горы дойдем.

— Думаешь, это так далеко?

— Да. Там лес густой-густой. Ходить трудно.

Я внимательно осмотрел склон горы. Арчовые деревья там действительно росли, но их было немного и отстояли они на приличном расстоянии друг от друга. Я, кажется, начал кое-что понимать.

— Лес, говоришь?

— Да.

— А что там еще есть?

— Свиньи.

— Дикие кабаны?— переспросил я.

— Не знаю... Черные такие... Без хозяина...

— Ты бывал там, Артыкджан?

Он как-то странно посмотрел на меня и покачал головой.

— Не знаю... Может быть... Не помню...

«Значит, я не ошибся,— подумал я.— Он бывал в этих краях тогда, еще до того, как опять попал к людям».

Подъем был не крут, но идти в гору было все равно трудновато, я почувствовал усталость и начал отставать. Артыкджан же, как ни в чем не бывало, продолжал легко и быстро шагать по склону, лавируя между валунов и не оглядываясь назад. И я опять отметил про себя его странную походку: он шел низко наклонившись вперед и почти касаясь земли опущенными руками.

Я на глаз прикинул расстояние до облюбованной мною вершины,— оно оставалось прежним,— и понял, что дойти до нее можно действительно только к вечеру и то если шагать так же быстро, как Артыкджан. Я попытался догнать его, но уже через несколько минут понял, что такого темпа мне не выдержать.

— Хватит,— сказал я задыхаясь.— Слышишь, Артыкджан? Не пойдем дальше. Отдохнем здесь и вернемся.

— Как хотите,— безразлично ответил он и снял с плеча ружье.— Вон там удобно будет?

«Там», — была густо поросшая травой лужайка возле зарослей дикого орешника.

— Да,— ответил я.— Здесь будет удобно.

Снял куртку и с наслаждением вытянулся на нагретой солнцем траве.

С гор дул упругий, прохладный ветер. Пересвистывались в кустах какие-то неизвестные мне птицы. Издалека подавали голос осторожные кеклики. Щекотал ноздри пряный аромат горного разнотравья. Казалось, мы с Артыкджаном были одни под огромным голубым небом и мир существовал только для нас — ласковый, убаюкивающий, радостный мир без зла и тревог. Я сознавал призрачность этого ощущения. Ведь этот самый мир вырвал Артыкджана из родной семьи, швырнул пятилетнего мальчишку в горные ущелья лицом к лицу с безжалостными, суровыми силами природы, и если мальчик и выжил в этом неравном противоборстве, то лишь благодаря невероятной живучести человеческого существа, его способности приспосабливаться к любым условиям жизни. Он не погиб, мой маленький друг, он вышел победителем из этой схватки, но какой ценой досталась ему эта победа! Ведь и теперь, три года спустя, он все еще отстает в развитии от своих ровесников, хотя внешне мало чем от них отличается. «Ласковый, убаюкивающий» мир жестоко мстит ему за то, что он вырвался из его лап и вернулся к людям. Да и вообще, не приди люди на помощь к одидавшему мальчику, сам он вряд ли когда-либо возвратился бы к ним.

... Мы долго беседовали в тот день с Артыкджаном. Я расспрашивал его о прошлом, осторожно, ненавязчиво пытаюсь выяснить, что сохранила его память о годах его существования среди зверей, вдали от человеческого тепла.

Он отвечал немногословно, то и дело умолкая и подолгу задумываясь, прежде чем произнести очередную фразу. И постепенно у меня сложилась картина его бытия в горах, мозаичная, с пробелами, но более или менее цельная. И возвратившись домой, я перечитал все, что было на-

писано мною в толстой общей тетради и понял, как далеко все это от действительного положения вещей, и, отложив тетрадь в сторону, засел за новое повествование о полной глубокого драматизма жизни мальчика в горах, вдали от людей. Такой, какой она мне теперь виделась.

ЗЛОЙ ЧЕЛОВЕК

... Тот злосчастный день запомнился ему, наверное, на всю жизнь. Вновь и вновь будет оживать перед его мысленным взглядом комната, золотистая от лучей солнца, мать, ставящая на дастархан чайник со свежезаваренным чаем, брат, окунающий кусок лепешки в пиалу с душистым горным медом...

Мать взяла с полки узелок, обернулась к сыновьям:

— Я схожу к твоему дяде, Анварджан. Отец — на работу. Вы с братишкой остаетесь дома одни. Играйте дома, за ворота не выходите. Присматривай за Артыкджаном. Я скоро вернусь, курт¹ вам принесу.

Она ушла, а еще немного спустя собрался уходить и отец.

— Побудьте дома до прихода мамы. Она теперь уже скоро вернется. Развлекайтесь пока вот этим. — Отец достал из мешка две пригоршни орехов и высыпал на дастархан перед детьми.

После его ухода они поделили орехи поровну и принялись играть, но занятие это скоро надоело Анвару. Он отдал свои орехи братишке и подбежал к двери.

— Поиграй один, Артык. Я сейчас вернусь.

Малыш забавлялся некоторое время, катая орехи по полу, но занятие это скоро ему наскучило. Он набил орехами карманы брюк, подтянул штанишки, взял с дастархана конфету в бумажной обертке и с решительным видом вышел из комнаты.

¹ Курт — высушенные шарики из подсоленного творога.

Во дворе не было ни души.

— Ака! Хой, ака! — громко позвал мальчик. Ответом ему было молчание. Артыкджан вышел за ворота и огляделся по сторонам. Застроенная далеко стоящими друг от друга домами улица была пустынна. Он опять позвал брата и, не получив ответа, завернул за угол дома. Здесь тоже никого не было видно. Мальчик возвратился к воротам и уже хотел было войти во двор, но тут его внимание привлек мужчина на ишаке, одиноко маячивший на залитой ослепительными лучами улице.

Артыкджан остановился, с любопытством разглядывая путника. Это был мужчина средних лет, одетый несмотря на жару в теплый китель и киргизскую войлочную шапку. Мальчику показалось знакомым смуглое лицо мужчины, но где он его видел, мальчик вспомнить не мог.

Поравнявшись с воротами, путник придержал осла.

— Эй, ты! Что тут стоншь? — окликнул мужчину. Мальчик не ответил, но на всякий случай спрятал конфету в карман.

— Как тебя зовут?

Мальчик опять промолчал.

— Чей ты сын? Бухгалтера Касыма?

Артыкджан кивнул. Мужчина знал его отца и он осмелел. По логике вещей мужчина должен был теперь сунуть руку в хурджун² и угостить его чем-нибудь вкусным. Так бывало всегда, и мальчик без опаски подошел вплотную к путнику. Но тот не спешил дарить ему гостинец. Воровато оглянувшись по сторонам и протянул руку.

— Иди, я тебя на ишаке покатаю. Хочешь? К отцу отвезу.

Это обещало быть интересным, и мальчик без колебаний согласился.

¹ Ака — брат, обращение к старшему.

² Хурджун — матерчатая дорсжная сумка из двух отделений.

Мужчина помог ему взобраться на осла, усадил позади себя и тронул животное с места. Однако вместо того, чтобы ехать прямо по улице, он вскоре евернул влево и по тропинке через выгон направился в сторону гор. Отъехав на такое расстояние, что кишлак скрылся из виду, мужчина остановил осла и снесился. В ответ на недоумевающий взгляд Артыкджана он пересадил его в седло, дал в руки повод и, указав в сторону гор, приказал не допускающим возражений голосом:

— Поезжай прямо. Там твой отец тебя ждет, не дождется!

Мальчик хотел что-то спросить, но мужчина ткнул осла в бок и тот ходко затрусил по тропе.

Мальчику стало не по себе. Еще не понимая происходящего, он инстинктивно почувствовал опасность и изо всех сил натянул повод. Осел остановился. Артыкджан схватился руками за луку седла и слез на землю. Однако не успел он ступить и шагу, как мужчина коршуном налетел на него, отвесил пару звонких пощечин и схватив за уши, водворил обратно в седло.

— Я тебе что сказал?— зловеще прошипел мужчина, яростно сверкая глазами.— Поезжай прямо! И не вздумай оборачиваться, голову оторву!

Перепуганный насмерть, мальчик громко заплакал:

— Заткнись!— рявкнул мужчина и больно ущипнул его за бок.— Замолчи, а то убью! Езжай, чего уставился.

И он так пнул осла, что бедное животное чуть не повалилось на бок. Мальчик чудом удержался в седле и изо всех сил вцепился в луку, страшась оглянуться на своего истязателя, всхлипывая и размазывая по лицу слезы.

Теперь он уже не помышлял о том, чтобы слезть с ослика, от одной только мысли, что он снова увидит перекошенное яростью лицо, налитые кровью глаза мужчины, его бросало в дрожь и он сам подгонял осла, чтобы поскорее уехать как можно дальше.

Тропинка, по которой он ехал, вилась вдоль подножья

гор, то поднимаясь, то опускаясь, потом нырнула в ущелье и вывела на плато. Ярко светило солнце, то зеленью, то желтизной переливались склоны холмов, щебетали птицы, но мальчик ничего не видел и не слышал. Слезы застилали ему глаза, он всхлипывал, содрогаясь всем телом, по-прежнему боясь оглянуться и зарыдать в голос.

Зной и размеренная поступь ослика постепенно сморили Артыкджана, он задремал, то и дело испуганно вздрагивая и просыпаясь и лишь благодаря этому удерживаясь в седле.

Когда ослик вскарабкался на плато, Артыкджан наконец решился оглянуться и, увидев, что позади никого нет, немного успокоился. «Там тебя отец ждет, не дождется», — вспомнились ему слова злого человека, одно воспоминание о котором приводило его в трепет. Он с надеждой огляделся по сторонам и, осмелев, крикнул:

— Дада-а! Дадажо-о-он!

Ответом ему было горное эхо, да щебет птиц. Мальчик крикнул еще раз и тронул осла пятками. Остановившееся было животное опять побрело по тропе. Жара и усталость сказывались и на нем: теперь осел ступал, медленно переставляя ноги и низко опустив голову. Некоторое время спустя мальчик опять задремал и, чувствуя, что засыпает, вцепился пальцами в луку седла. Ему приснилось, что за ним гонится кто-то огромный и страшный, догоняет, захватывается палкой... Защищаясь, он вскинул над собой ручки, закричал и ударился оземь.

Наверное, он спал довольно долго, потому что, вскочив на ноги, обнаружил, что стоит на стерне. Вокруг желтело поле, с которого недавно убрали пшеницу. Мальчик испуганно огляделся по сторонам, но вокруг никого не было видно, только ослик, с которого он свалился, фыркал, подбирая замшевыми губами оброненные колоски.

Мальчик прерывисто, со всхлипом вздохнул и, набрав полную грудь воздуха, закричал изо всех сил:

— Аяджо-он!..! Дада-а-а! — и, не услышав ответа, снова расплакался.

В струящемся от зноя небе пели жаворонки. Мальчик долго следил за ними, ощущая, как просыхают на щеках слезы, потом опустил взгляд и увидел вдаль, у самого края сжатого поля, шалаш.

Шум за спиной заставил мальчика оглянуться: осла, видимо, одолели слепни и он, взбрыкивая всеми четырьмя ногами, отчаянно катался по земле. Седло сползло набок, и когда осел встал, вообще повисло под брюхом.

Мальчик вздохнул и медленно пошел к шалашу. Шалаш был пуст. Ветки, из которых он был сложен, давно высохли и побурели, пол был устлан сухой желтой травой. Мальчик забрался в шалаш, прилег на траву и крепко уснул.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОДИНОЧЕСТВА

Будь Артыкджан года на два постарше, он бы, возможно, запомнил дорогу, сориентировался и в конце концов сумел бы добраться домой. Но ему было всего пять лет, он растерялся, а события первых же дней окончательно сбили его с толку.

... Проснулся он от того, что кто-то пощекотал его за пятку. Он подтянул ногу и, не просыпаясь, повернулся на другой бок. Пятку опять кто-то пощекотал. Он всхлипнул и беспокойно заворочался. Открыв глаза, он вместо привычного фанерного потолка увидел сухие ветки с побуревшими листьями и сел, удивленно вытаращив глаза.

Над горами занимался рассвет. Было тихо-тихо. Только ранние жаворонки звенели в небе да перекликались где-то неподалеку перепелки. Мальчик испуганно осмотрелся. Осел исчез, видно ушел куда-то ночью. Зато в нескольких шагах от шалаша стоял, настороженно наострив уши,

¹ Аяджон — мамочка.

какой-то длинномордый диковинный зверек с пушистым хвостом. Мальчик никогда не видел лисиц и потому не узнал зверя, а так как ростом зверь был невелик и казался миролюбивым, то и не испугался.

— Кыс-кыс, иди сюда!— позвал мальчик. Лисица не шелохнулась. Мальчик подобрал с земли прут и пошел к зверю. Лиса подождала, пока расстояние между ними сократится до трех-четырёх шагов, и отбежала подальше. Остановилась и снова уставилась на Артыкджана, словно приглашая идти за собой. Позабыв обо всем на свете, мальчик побежал за лисицей. Та опять подпустила его на несколько шагов и, не спеша, затрусила к горам, то и дело оглядываясь на маленького преследователя, а он так увлекся погоней, что, улучив удобный момент, кинул в нее прут. Прут упал рядом с лисицей, она испуганно шарахнулась в сторону и сразу же увеличила разделяющую их дистанцию. Теперь она бежала, не оглядываясь, и мальчик стал отставать. Не сбавляя хода, лисица взбежала на пригорок и скрылась за гребнем. Когда Артык взобрался на холм, ее уже не было видно. Мальчик опять почувствовал себя одиноким, ощутил усталость, голод и жажду. Тишина стояла невыносимая, и он позвал плаксивым, срывающимся голосом:

— Аяджо-о-он!

Кольнуло в ступню правой ноги. Он присел и тщательно осмотрел ее и обнаружил на пятке крохотную ранку. Всклипнул, но поняв, что его никто не услышит, умолк, послонявил палец и провел им по ранке: так делала мать, прежде, чем пускать в ход булавку, когда он прибегал к ней, занозив ногу. Боль немного утихла.

Он встал и огляделся по сторонам. Из-за гор поднималось солнце, осветились вершины, но все остальное — холмы, скалы, ущелья — продолжали оставаться в тени.

В эту пору дома они с братом заканчивали умыванье и садились к дастархану. Машинально он опустил руку в карман и нащупал конфету, о которой успел позабыть.

Мальчик торопливо развернул бумажку и сунул конфету в рот. Довольный, похлопал себя по карманам: там были орехи.

Доев конфету, Артыкджан достал орех и, подобрав с земли камень, принялся колоть его, положив на валун. Скорлупа не поддавалась. Он ударил посильнее, орех выскользнул из пальцев и отлетел в сторону. Он подобрал орех, положил в выемку на валуне и, придерживая пальцами, ударил еще сильнее и больно ушиб указательный палец. Вскрикнув от боли, он потряс рукой и, не дожидаясь, пока утихнет боль, схватил расколотый орех, — голод оказался сильнее боли.

Остальные орехи он колот, соблюдая осторожность.

Нестерпимо захотелось пить. В который раз Артыкджан стал осматриваться по сторонам, но теперь уже с конкретной целью: он искал воду. Левее того места, где он стоял, из лощинки выглядывала верхушка дерева. Над деревом кружились птицы. Инстинктивно, не отдавая себе отчета, он направился в ту сторону и обнаружил родник на самом дне лощины. Хватаясь за ветки осокоря, он с трудом спустился по крутому склону и жадно припал губами к воде. Она была холодна, как лед, у него сразу же заломило зубы, но он продолжал пить, не обращая внимания на свалившуюся с головы тюбетейку. Только утолив жажду, он подобрал тюбетейку, встряхнул и надел на голову.

Взобратся обратно по крутому обрывистому склону было невозможно, он понял это и пошел по лощинке вдоль журчащего между камней ручья. Ручей скоро иссяк, и мальчик еще с полчаса продолжал идти по сухой каменной осыпи. Ему встретилась рощица невысоких деревьев, усыпанных зелеными, напоминающими урюк, ягодами. Он сорвал одну из них и стал жевать, но ягода оказалась безвкусной, и от нее только вязало во рту.

Артыкджан выплюнул ее и пошел дальше.

Лощина вывела его на просторное, поросшее травой пастбище. Мальчик прошел еще несколько десятков метров и остановился возле высокой арчи. Пастбище просматривалось отсюда от края до края, и мальчик сразу же обратил внимание на синеватую струйку дыма, вертикально поднимающуюся в неподвижном утреннем воздухе. Присмотревшись внимательнее, Артыкджан разглядел овец, пасущихся на зеленом склоне.

Там были люди,— он понял это и, радостно вскрикнув, шагнул было вперед, но тотчас остановился. А что если там тот самый злой человек, который силой усадил его на ишака и заставил уехать в горы? Мальчик в нерешительности затоптался на месте. Радость угасла так же быстро, как вспыхнула.

Вдруг до его слуха донесся яростный собачий лай. Он испуганно вздрогнул, со стороны отары к нему огромными скачками мчался волкодав. Мальчик в панике бросился бежать назад и вскарабкался на дерево.

Волкодав с хриплым ревом закружился вокруг дерева, вставал на задние лапы, упираясь передними в ствол, в бешеной ярости грыз зубами кору. Это был огромный, ростом с годовалого теленка, пес с подрезанными ушами и хвостом и устрашающими могучими челюстями.

Артыкджан, дрожа от страха, наблюдал с дерева за беснующимся волкодавом, но тут со стороны отары послышались человеческие голоса, и волкодав, рывкнув последний раз, убежал прочь. Не слезая с дерева, мальчик наблюдал, как двое пастухов обошли отару и возвратились к костру. Артыкджану хотелось побежать к ним, но страх перед волкодавом удерживал его на дереве. Несколько раз он принимался кричать, звал на помощь, но ветер дул со стороны пастухов, и криков его никто не услышал. Только к вечеру, когда подгоняемая пастухами и собакой отара снялась с места и исчезла за склоном горы, мальчик слез с дерева и побрел туда, где еще недавно была стоянка чабанов.

В очаге еще теплились подернутые пеплом угли. Мальчику попался на глаза зачерствевший кусок лепешки, он схватил его и с жадностью съел. Чуть подалее обнаружил чуть обгорелую кость с остатками мяса и обглодал ее дочиста.

Между тем начало смеркаться, и мальчик опять ощутил щемящее чувство страха и одиночества. На глаза навернулись слезы, он вытер их и побрел, сам не зная куда и зачем.

БЕСПЛОДНЫЕ ПОИСКИ

В тот день, наказав братишке сидеть дома, Анварджан выбежал за ворота и высоко подкинул перед собой грецкий орех. Орех мягко шлепнулся в пыль. Анварджан, достав из кармана второй орех, прицелился и кинул его в первый. Орех упал рядом и откатился метра на два дальше. Анварджан подобрал первый орех и попытался попасть им в тот, что лежал на земле. Так, попеременно кидая орехи, он незаметно ушел далеко от дома и спохватился только тогда, когда увидел перед собой ворота и правление совхоза.

Здесь работал его отец, и Анварджан решил зайти к нему. В полутемный коридор выходили двери многих кабинетов, но Анварджан безошибочно отыскал отцовскую дверь и заглянул в щель.

Отец сидел за столом, щелкая костяшками счетов и время от времени записывая что-то в толстую амбарную книгу.

Анварджан открыл дверь пошире и негромко окликнул отца:

— Дада!

Отец поднял голову и удивленно уставился на сына.

— Как ты сюда попал?

— Пришел, — улыбаясь во весь рот, похвастал Анварджан. — Сам пришел, один.

— Один? А где братишка? Артык где, я спрашиваю? Анварджан понял, что отец сердится, и поспешил его успокоить.

— Дома Артык. Где же ему еще быть? Я приказал носа за дверь не высовывать.

— А я тебе что велел перед уходом? Почему без спроса из дома ушел?

Анварджан умолк, не зная, что ответить. Касым-ака поспешно встал из-за стола и пересек комнату.

— Идем! — коротко приказал он сыну, вышел в коридор и запер за собой дверь. По задворкам, сокращая расстояние, они чуть ли не бегом направились к своему дому. Недоброе предчувствие все больше закрадывалось в душу Касыма-ака.

— Какого черта ты притащился ко мне? — обрушился он на сына. — Почему оставил братишку одного? Нет, не будет из тебя толку!..

Ни в доме, ни во дворе Артыкджана не было. Касым-ака обежал вокруг дома, громко окликавая сынишку по имени. Никто не откликнулся. Касым-ака помчался к соседям, те только разводили руками.

— Что стоишь? — набросился Касым-ака на Анварджана, возвратившись во двор. — Ищи, негодяй! Где хочешь ищи! — и, не выдержав, влепил сыну пощечину.

— За что вы его? — вступилась возвратившаяся из гостей Зулайха-апа. — Как у вас рука поднялась!

— Это ты у него спроси, за что! — огрызнулся Касым-ака. — Братишку не уберег, негодник!

— Ой, горе мне! — в голос запричитала Зулайха-апа. — Лучше бы мне на свет не родиться! Что же теперь будет?!

Крепившийся изо всех сил Анварджан заревел во весь голос.

— Знала я, что так будет! — продолжала причитать

Зулайха-апа.— Недаром мне сон дурной приснился. Будто кавуши¹ вода унесла! Ой, лучше бы мне самой утонуть!

— Да замолчите вы наконец!— не выдержал Касым-ака.— Воют, как по покойнику! Найдется Артыкджан, Бродит, наверное, где-нибудь!

— Что же вы стоите тогда?— возмутилась Зулайха-апа.— Ступайте, ищите, пока не поздно!

— Найдется, бог даст. А вопить какой толк? Послушай, а может он к Бегали пошел? За тобой следом!

— Так я только что оттуда! Нет его там!

— Может, по дороге разминулись. Сбегай к ним, а я опять по домам пойду спрашивать.

Зулайха-апа, прихватив с собой все еще всхлипывающего Анварджана, торопливо направилась к своему брату, а Касым-ака пошел по кишлаку, заглядывая в каждый двор.

Поиски ничего не дали. К вечеру во двор стали собираться односельчане. Строили предположения, давали советы, пытались утешить. Позже всех пришел Бегали-ака. Он на своем мотоцикле исколесил все окрестности, расспрашивал чабанов, встречных. Но все напрасно: мальчик как в воду канул.

Наутро Касым-ака съездил в райцентр. О потерявшемся мальчике объявили по радио, дали сообщение в газете, подняли на ноги милицию.

Прошло еще два дня. Никаких вестей о пропавшем мальчике не поступало.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Он остановился под раскидистым деревом и боязливо огляделся по сторонам. Было уже совсем темно. Мальчик прижался спиной к шершавому стволу и жалобно позвал:

¹ Кавуши — галоши.

— Аяджо-он! Хо-о, ая-а-а!

— Ая-а-а!.. — откликнулось эхо.

Невидимые в темноте, испуганно захлопали крыльями птицы на дереве. Затихли. Мальчик уткнулся лицом в колени и всхлипнул. Мальчику было страшно. Не поднимая головы, он долго сидел, вслушиваясь в тишину ночи и наконец уснул. Ему снились теплые, ласковые руки матери, грубоватый, полный скрытой нежности голос отца, сладкие запахи родного дома...

Разбудили его первые лучи солнца. Он вскочил, с надеждой осмотрелся по сторонам. Но вокруг были все те же горы, вздымающиеся по сторонам, словно верблюжьи горбы, уходящие под уклон пастбища, и голубое, без единого облачка небо.

Артыкджан вздохнул и, подобрав лежавшую у его ног палку, двинулся в путь. Мальчик все еще не терял надежды отыскать свой дом. К тому же ему хотелось есть, и инстинкт подсказывал ему, что пищу надо искать.

Он шел, не выбирая направления и глядя под ноги, пока не почувствовал усталости. Тогда, выбрав камень покрупнее, он сел и прислонился к нему спиной. В небе описывала плавные круги какая-то сравнительно небольшая птица. Мальчик понаблюдал за ней некоторое время, потом опустил взгляд и увидел суслика.

Зверек сидел возле норки, неподвижный, словно вбитый в землю коричневый столбик. Артыкджан сразу узнал зверька: точно такого же суслика притащил однажды домой его брат Анварджан. Он и его друзья отыскивали норку суслика, лили в нее воду до тех пор, пока зверек не выскочил из нее и не стал их добычей. Братья забавлялись с сусликом, но вернувшаяся с работы Зулайха-апа приказала немедленно отпустить зверька на все четыре стороны.

Артыкджан улыбнулся суслику, как старому знакомому, и тихонько позвал его. Суслик не шелохнулся.

— Иди, глупый, я тебя не обижу! — сказал Артык-

джай, протягивая вперед руку. И тут позади суслика мелькнуло что-то рыжее, суслик жалобно пискнул и отчаянно забился в пасти зверя, которого Артыкджан встретил накануне около шалаша.

Взмахнув хвостом, лисица затрусилась прочь, продолжая сжимать в зубах свою добычу. Артыкджан бросился вдогонку, но, пробежав несколько метров, остановился. Добродушный с виду зверь оказался на самом деле не таким уж безобидным...

«Бедный суслик, — с жадностью подумал Артыкджан. — У него были такие смешные глазки: глупые и добрые... А тот зверь — злой!»

Лисица давно скрылась из виду, а мальчик продолжал смотреть ей вслед, мысленно повторяя: «Злой и нехороший!»

Голод давал о себе знать все сильнее, и мальчик побрел дальше, оглядываясь по сторонам в поисках пищи. Увидев фисташковое деревце, он подбежал, сорвал несколько орешков, разгрыз и, убедившись что они не горькие, принялся утолять голод. Поев, он собрал с земли осыпавшиеся фисташки, сунул в карман и зашагал дальше.

Теперь ему захотелось пить. Вчерашний опыт не пропал зря: Артыкджан стал искать лощину и, обнаружив, спустился туда. Дно лощины было усыпано камнями, но сколько мальчик ни искал, найти родник не удалось. Вероятно, родник был где-то выше, у начала лощины, но подняться туда мальчик не догадался. Усталый, он присел на валун и перевел дух. Внезапно его глаза уловили какое-то движение на противоположном склоне лощины. Артыкджан взгляделся. Движение повторилось. Казалось, сверху вниз льется ручеек. Мальчик повел взглядом вверх и на крохотной площадке увидел мыш-полевку. Мышь рыла норку, и то, что он принял за ручеек, была всего лишь осыпаящаяся глина.

Артыкджан разочарованно вздохнул, и вытер ладонью

выступившие на лбу капельки пота. В выцветшем от зноя небе чертила плавные круги все та же темная птица. Внезапно она сложила крылья и камнем устремилась вниз. Проследив за ней взглядом, Артыкджан видел, как она вихрем пронеслась над тем местом, где рылась полевка, и круто взмыла вверх, сжимая когтями крохотное, мгновенно обмякшее тельце.

До сих пор безмолвно парящая в небе птица не увязывалась в сознании Артыкджана с понятием о жестокости. И теперь он не сразу понял, в чем дело, а когда понял, ему стало не по себе.

— Злая птица...— машинально прошептал он и поднялся с камня.

Выбравшись из долины, он оказался на ровном, как ладонь, плато, по левому краю которого сочно зеленели кupy деревьев.

«Вода там»,— сказал себе мальчик и, устало передвигая ноги, направился к деревьям. Он не ошибся.

Так шли дни за днями, похожие один на другой и в то же время непохожие. Всякий раз мальчик выбирал для ночлега место где-нибудь под деревом или кустом, инстинктивно ощущая потребность хоть в каком-то, пусть призрачном, укрытии. Всякий раз вздрагивал от малейшего шороха, испуганно вглядывался в темноту, пока, наконец, не засыпал крепким сном усталого, намаявшегося за день человека.

Воспоминания о доме и родных тускнели, отходили на второй план, вытесняемые множеством новых впечатлений и переживаний. И просыпаясь утром, мокрый от ночной росы, он скорее по привычке звал отца и мать, сознавая, что не услышит ответа, и не ожидал его, отправляясь в путь. Куда и зачем он идет, Артыкджан толком не знал и сам. Если вначале он стремился поскорее отыскать свой дом, то постепенно стремление это притупилось. Мальчика толкало вперед неосознанное желание увидеть новые места, отыскать пищу и воду, найти такое место, где бы

он чувствовал себя в безопасности. Прежде такое место ассоциировалось у него с понятием «родной дом», теперь это понятие стало более общим, расплывчатым, неконкретным. Будь Артыкджан постарше, он определил бы его одним словом — «пристанище». Но Артыкджан был ребенком и не знал этого мудреного слова.

Итак, он просто шел вперед, то и дело меняя направление и, словно губка влагу, впитывал в себя новую информацию об окружающем его мире.

Детское сознание работало все более узко направленными импульсами. Воспринимая действительность, оно разделяло ее явления на две категории: доброе — злое, съедобное — несъедобное, нужное — бесполезное. В природе вокруг него шла жестокая борьба за жизнь, и он волей-неволей начинал жить по ее законам.

Как-то раз, когда он перебирался через глубокий овраг, мимо него стрелой промчался рыжий зверь, которого он встречал уже дважды. Лиса убегала от погони, но мальчик, в котором внезапно вспыхнул охотничий азарт, размахивая палкой, бросился вдогонку. Огромная черная тень скользнула над Артыкджаном, стремительно нагоняя рыжего зверя. Лисица оглянулась на бегу и, увидев преследователей, опрокинулась на спину, отчаянно отбиваясь лапами и щелкая зубами.

Мальчик остановился, как вкопанный. Птица на какое-то мгновение замерла над распростертым врагом, взмахнула огромными крыльями и скрылась за краем оврага. Лисица еще некоторое время продолжала лежать на спине, прислушиваясь, потом вскочила и метнулась вниз по оврагу. В то же мгновение с обрывистого склона бесшумно и стремительно скользнула крылатая тень, лапы с хищно изогнутыми когтями впилась в рыжую спину, и минуту спустя отчаянно извивающаяся лисица была уже в небе. Запрокинув голову, Артыкджан наблюдал, как мощными взмахами крыльев птица по крутой спирали поднималась все выше и выше, как бился в ее когтях ры-

жий зверь, тщетно пытаюсь вырваться, как внезапно разомкнулись цепкие когти, грохнулась на камни и застыла неподвижно рыжим пятном, разбившись насмерть. Лисица.

«Эта птица еще страшнее и злее,— сказал себе мальчик.— Бедный рыжий зверь...» Но тут же он вспомнил, как накануне лиса расправилась с сусликом, и удовлетворенно кивнул: «Нет, рыжий зверь тоже был злой. Так ему и надо!»

Сам того не замечая, мальчик с каждым днем приобретал все больше навыков существования в необычных для него условиях. От хождения по каменистым тропам и осыпям подошвы его ног покрылись твердыми, как рог, мозолями. Кисти рук закорузли и огрубели, да и на всем теле кожа стала грубой, менее восприимчивой к лучам солнца и температурным перепадам. Одежда, в которой он ушел из дома, изнасилась и висела лохмотьями, тубейку он давно потерял где-то.

Теперь он почти постоянно был начеку, зорко следя за всем, что его окружало, в любую минуту был готов к защите. Мальчик инстинктивно приспособивался к жизни в суровом, не знающем жалости и пощады мире, но где-то в глубине сознания продолжала теплиться тяга к людям, тяга к родному дому.

ГОСТЕПРИИМНОЕ УЩЕЛЬЕ

Однажды, пересекая широкое плоское плато, упиравшееся в горный хребет, Артыкджан увидел слева от своей тропы ущелье, резко выделяющееся среди выжженной солнцем местности сочной, яркой зеленью деревьев. Деревья росли так густо, что, казалось, по их кронам можно было идти, не опускаясь на землю. По опыту мальчик уже знал, что зеленая растительность сохранялась там, где есть вода. А если так, то, судя по буйной зелени, воды в ущелье было предостаточно. Такого обилия деревьев, травы и кустарников Артыкджан не встречал еще нигде.

Мальчику хотелось пить, и он, задумываясь, свернул с тропы влево.

У самого начала ущелья росло огромное дерево. Еще не дойдя до него, Артыкджан услышал какой-то странный шум и остановился. Шум вызывал ассоциации с идущей по траве отарой, а там, где отары, там непременно есть свирепые волкодавы. Мальчик настороженно прислушался: шум был иной, теперь он различал в нем писк, щебет, шорох крыльев. Вглядевшись в крону дерева, Артыкджан с удивлением обнаружил, что она дышит и шевелится, как живая, от великого множества мелких птичек, порхающих среди ветвей.

Мальчик подобрал с земли камень и швырнул в дерево. Крона качнулась, словно от порыва ветра, и в небо взвились целые тучи пичуг.

Держа наготове палку, мальчик приблизился вплотную к зеленому гиганту и, укрывшись за огромным, в несколько обхватов стволом, стал наблюдать за ущельем. В зеленоватом сумраке под деревьями все было спокойно. Он обошел дерево и остановился над родником, который мощной струей бил из камней, расчлененных толстыми узловатыми корнями зеленого патриарха. Мальчик окунул лицо в холодную прозрачную струю, досыта напился, ополоснул лицо и руки.

Вытирая лицо подолом рубашки, он обратил внимание на желтоватые плоды, видневшиеся на ветках. Дотянуться до них он не смог, пришлось сбивать палкой. Попробовал надкусить, но под слоем горьковатой кожуры зубы наткнулись на что-то твердое. Артыкджан очистил кожуру и радостно вскрикнул: на его ладони лежал грецкий орех.

Мальчик добыл еще несколько орехов, расколол их и сытно позавтракал, запивая родниковой водой. Отдохнув, он набрал за пазуху с десятков орехов и, настороженно оглядываясь по сторонам, зашагал под зелеными сводами.

Громко перекликались птицы, шелестела под ногами трава, журчал ручей, сбегая по каменистому ложу. Немного погодя путь мальчику преградили густые невысокие заросли. Стебли переплелись между собой, образуя непроходимую преграду. Веточки были унизаны гроздьями зеленых, розовых и темно-лиловых ягод. Артыкджан испробовал их на вкус. Ягоды были сладкие, и он стал с жадностью есть их, собирая целыми горстями.

Дальше ущелье расширялось, образуя живописную лесистую долину. Мальчик внимательно осмотрел ее и, обнаружив следы каких-то строений, снова насторожился. Перебегая от валуна к валуну, он подобрался поближе. Заброшенные строения были когда-то жилыми домами. Сохранились сложенные из дикого камня стены с проемами дверей и окон, каменные ограды, по которым вились лозы одичавшего винограда. Убедившись, что вокруг никого нет, мальчик вышел из-за укрытия и принялся осматривать заросшие кустарником и травами развалины.

Кроме винограда в заброшенном саду росло несколько яблонь, а неподалеку разрослась целая ореховая роща.

По долине, окруженной лесистыми склонами, протекали две прозрачные речушки, слившиеся в одну у выхода из долины. От речек были отведены тщательно выложенные камнями арыки, по которым струилась вода, орошая сад и рощицу. Из них же шла вода на небольшие, теперь уже заросшие кустарником поля. У обочины поля громоздилась высокая куча камней, сложенных сюда при расчистке участка. Подойдя поближе, мальчик увидел, что камни сложены так, что образуют свод над глубокой нишей, которую, вероятно, использовали как склад. У входа пышно разросся куст боярышника. Мальчик раздвинул ветви и заглянул внутрь. Здесь было прохладно и сухо. На полу валялось несколько охапок старой соломы.

«Хорошее место,— привычно отметил про себя Артык-

джан.— Много воды, много пищи. Нет злых людей, нет злых собак». Сорвал с куста крохотное красное яблочко и положил в рот.

ДВОЕ С РУЖЬЕМ

Ночь мальчик провел в нише между камней. Спать на подстилке из соломы было мягко и уютно, и впервые за много дней он проспал почти до полудня. Разбудила его сорока, встревоженно застрекотавшая где-то поблизости. Мальчик вышел из укрытия и осмотрелся. Все было спокойно.

Артыкджан высыпал на солому собранные накануне орехи и уже собрался было позавтракать, как вдруг отчетливо услышал человеческий голос.

— Ар-слан-ака-а-а! — позвал кто-то. — Хо-ой, Арслан-ака-а!

Голос был высокий, то ли женский, то ли мальчишеский. Артыкджан осторожно выбрался из ниши и, прячась за камнем, искал глазами кричавшего.

Крик повторился, а еще несколько минут спустя на тропинке показался мужчина. Напевая что-то под нос, он катил мотоцикл с коляской.

«Как у дяди Бегали, — подумал мальчик. — Вот бы домой меня отвез!»

Добравшись до развилки, мужчина поставил мотоцикл в тень под дерево, достал из багажника сумку и осмотрелся по сторонам.

— Най-най-на-най, — напевал он. — Най-на-най-най!

Круглолицый, с непропорционально маленькой по сравнению с тучным телом головой, он не вызывал у мальчика страха, а Артыкджан уже совсем решил было к нему подойти, как вдруг над долиной оглушительно прогремел выстрел. Мальчик вздрогнул и невольно подался в глубину ниши. Подхваченный эхом грохот покатился по долине раскатами грома.

Затрещали кусты над обрывом, посыпались камни. Человек с сумкой оглянулся в ту сторону, и крикнул тонким, срывающимся на фальцет голосом:

— Арслан-ака-а-а!

— Хо-ов!— хрипло откликнулся кто-то.

— Я здесь! Сюда идите!— позвал толстяк.

— Иду!

Отвыкшему от человеческих голосов мальчику они казались неправдоподобно громкими и грубыми. «Злые люди!— подумал он, поеживаясь.— Хорошие люди так не кричат. Да еще ружье у них... Нет, не выйду».

Опять с шумом посыпались камни, и на площадке перед домом показался второй мужчина— коренастый, поджарый, с дочерна загорелым лицом. В руке мужчина держал охотничье ружье.

— А добыча где?— поинтересовался толстяк.

— Э-э, Набиджан!— в хриплом голосе охотника прозвучала досада. — Хотите — верьте, хотите — нет, с двадцати метров промахнулся! Удрал, собачий сын! А хороший кабанчик был.

— А красотища тут какая!— тот, кого охотник назвал Набиджаном, взмахнул рукой и звонко прищелкнул пальцами.— Нет, вы только взгляните! А еще Гурдарой¹ называется!— Джаннатдара² его называть надо!

— Красивое место,— хрипло согласился охотник.— Десять лет я здесь не был.

— Десять лет?— удивился толстяк.— Рядом жить и... Нет, я отказываюсь вас понимать.

— То некогда, то лень...

— Ха! Лень ему!— возмутился толстяк.— Открывайте сумку, лентяй. А еще Арсланом его зовут! Что это за арслан³, которого в горы не тянет?

¹ Гурдара — долина могил.

² Джаннатдара — райская долина.

³ Арслан — лев.

И он, содрогаясь всем телом, визгливо захохотал. Охотник достал из сумки газету, расстелил ее на камне. За газетой последовали лепешки домашней выпечки и вареное мясо.

У Артыкджана слюнки потекли при виде таких лакомств. Он нервно глотнул и потянул воздух носом. Набиджан вынул из сумки бутылку и наполнил стакан.

— За успешную охоту!— провозгласил он, залпом осушил стакан, содрогнулся и шумно выпустил воздух изо рта.

«Обжегся, наверное»,— решил мальчик.

Набиджан налил в стакан и протянул охотнику.

— Ваш черед, Арслан-ака.

Охотник выпил, не поморщившись.

«А этому уже остывшее досталось»,— отметил Артыкджан. Мужчины жадно набросились на еду.

Теперь мальчику хотелось только одного: чтобы мужчины поскорее ушли. Совсем. Тогда он сможет подобрать остатки их пиршества. Но ни Арслан-ака, ни Набиджан уходить не собирались.

— На той¹ приглашу, придете?— спросил Арслан-ака.

— Непременно,— хохотнул толстяк.— Денежки готовы. Или уже приготовили?

— Наскребем,— ответил охотник.— У завмага из нашего санатория записи ваши есть. Здорово поете. Как настоящий артист. В театре небось работаете?

— Еще чего не хватало!— мотнул толстяк непропорционально маленькой головой.— Да я за день больше зарабатываю, чем любой актер за месяц! Голосом бог не обидел, вот и езжу по свадьбам да по тоям.

Они допили все, что оставалось в бутылке.

Толстяк вытащил было из сумки буханку хлеба и круг колбасы, но охотник остановил его:

¹ Той — семейное торжество.

— Не надо. На потом оставьте. Проголодаемся еще. Значит, по тоям ездите?

— А как же? Ни одного не пропускаю. Беру дойриста с собой, танцовщицу. Не обязательно, чтобы плясать умела, была бы смазливенькая...— Толстяк хохотнул и хлопнул собеседника по плечу.— Чем симпатичнее танцовщица, тем слушатели щедрее!

В общем, на заработки грех жаловаться. Хотя иногда и осечки бывают. Вот недавно, например, со свадьбы возвращались, глядим, возле одного дома народ собрался. Ну и мы туда. Раз народ, думаем, значит, торжество какое-то. Заходим, а там похороны. Еле ноги унесли вовремя...

Толстяк повертел головой и спохватился:

— Чего это я вдруг перед вами разоткровенничался? А, ладно! Вы свой человек.

— Ну, а работаете-то вы где?— усмехнулся охотник.

— Учительствую,— хихикнул Набиджан.— В соседнем районе, на полставки. Надо же числиться где-то...

Некоторое время собеседники сидели молча.

— Ну так как?— спросил наконец охотник.— Попробуем еще разок счастья?

— Конечно!— засуетился толстяк.— Не с пустыми же руками возвращаться! Я главврачу санатория обещал дичь привезти.

— Тогда поднимайтесь, товарищ учитель.

В голосе охотника прозвучала откровенная издевка, но толстяк то ли не расслышал ее, то ли намеренно пропустил мимо ушей.

— Мотоцикл здесь оставим, Арслан ака?

— Не с собой же тащить! Не волнуйтесь, волки его не сожрут!

Толстяк завернул остатки трапезы в газету, положил в сумку. Сумку повесил на сук. Арслан-ака подобрал с земли ружье и не спеша зашагал в сторону леса. Набиджан последовал за ним.

Мальчик подождал, пока не затихли в отдалении шаги охотника и певца-учителя, и бросился к дереву. Сумка висела высоко, и ему пришлось немало попотеть, прежде чем он сбил ее наземь палкой. Артыкджан дрожащими руками выхватил из нее буханку хлеба, колбасу и бегом вернулся в свое убежище. Там он в два счета расправился с колбасой, умял полбуханки хлеба и, осоловев от еды, растянулся на мягкой подстилке.

Над долиной снова гулко прогремел выстрел, а через некоторое время слышались приближающиеся голоса. Мальчик подполз поближе к выходу. Первым в поле его зрения показался Арслан-ака. Он шел, низко согнувшись под тяжестью какого-то темносерого животного с коротким, словно обрубленным, рыльцем. Толстяк семенил следом, то и дело поправляя сползавшее с плеча ружье.

— Видите, как здорово получилось!— пискляво восторгался Набиджан.— И погуляли, и отдохнули, и с дичью возвращаемся!

Охотник сбросил свою ношу наземь и выпрямился. Из приоткрытой пасти животного зловеще торчали длинные желтоватые клыки.

«Плохой зверь,— привычно оценил мальчик.— Злой, опасный».

В голове «плохого зверя» возле уха зияла рана, и из нее все еще продолжала сочиться кровь.

«И люди эти тоже недобрые»,— сделал вывод Артыкджан.

— Рубаху всю испоганил!— с сожалением разглядывая забрызганный кровью рукав, сказал Арслан-ака.

— Ничего-ничего,— поспешил заверить толстяк.— Супруга отмоет. Ого! А тут кто без нас похозяйничал?

Охотник скользнул взглядом по валявшейся на земле сумке. Тотстяк подобрал сумку, заглянул внутрь.

— Хлеб исчез и колбаса. Шутник какой-нибудь поstarался, а?

— Какие здесь шутники? Лиса, наверное.

— Лица?— недоверчиво переспросил Набиджан.— Дрессированная, не иначе. Застежку-молнию раскрыла и опять задернула.

Охотник промолчал, разглядывая зверя.

— Молодой кабанчик попался,— проговорил он наконец.— Матерый после первого же выстрела на край света удрал бы.

— И бутылки нет,— продолжал толстяк, озираясь по сторонам.— Это не лиса, это какой-то шутник поработал. Он приложил ладони к губам и, запрокинув голову, крикнул во весь голос:

— Эй, ты, шутник! Иди сюда, вместе пошутим!— сорвал с плеча ружье и, не целясь, выстрелил в небо.

Не ожидавший такого, Арслан-ака подпрыгнул, словно ужаленный.

— А, чтоб вам! Делать нечего больше?

— Арслан, а сердце мышинное. Охотник называется!

— Может, этого кабана вы подстрелили?

— Уел, молодец,— визгливо расхохотался толстяк.— Один ноль... в пользу «Пахтакора». Кстати, что мы с ним делать будем?

— С кем?— не понял охотник.

— С кабаном. «Пахтакор» и без нас обойдется.

— В санаторий отвезем, вы же так хотели?

— А если в райцентре продадим?

— Бросьте вы!— махнул рукой охотник.— У кабана и мясо поганое, и деньги, которые за него выручишь,— тоже поганые.

— Скажете тоже! Поганые деньги! Да пусть они хоть в дерьмо втоптаны — зубами вытащу! Языком вылижу!

— Ну хорошо,— прервал его охотник и смачно сплюнул.— Это ваше дело. Можете и продать, если хотите. Мне все равно. Только вот что вы главврачу санатория скажете?

Толстяк задумался.

— Пожалуй, вы правы,— согласился он.— Придется в

санаторий отвезти, главврачу «подмазать». В следующий раз с женой и матерью лечиться приеду.

— Тогда пошевеливайтесь, — сказал Арслан-ака.

Набиджан в сердцах хватил пустой бутылкой о камень, так что осколки брызнули, подобрал с земли сумку и ружье и пошел к мотоциклу.

Двоем они кое-как втиснули в коляску убитого кабана и покатали мотоцикл вниз, под уклон.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Артыкджан засунул хлеб поглубже за пазуху, подобрал палку и, сделав несколько шагов вниз, остановился в нерешительности. Надо было уходить отсюда, он понимал это. Сюда наверняка снова вернутся злые люди, убившие кабана и сотрясавшие долину громоподобными выстрелами. Но куда идти? В какую сторону? К выходу из долины? Но именно туда ушли люди с мотоциклом! И ему вовсе не хочется опять с ними встречаться.

После недолгих колебаний мальчик выбрал путь, которым он пришел в долину. Идти по тропе было нетрудно, и мальчик скоро миновал ореховое дерево с бьющим изпод его корней родником. Дальше ущелье становилось еще уже. Тропинка запетляла между валунов, то исчезая, то появляясь снова, потом спустилась к бегущей по дну ущелья речке и вовсе исчезла на каменистых осыпях.

Речка была небольшая, но стремительная и бурная. Там, где на ее пути встречались каменные завалы, она, набрав силу, переливалась через них большими и маленькими водопадами.

Скалистые отвесные склоны все ближе подступали к воде. Опять появились заросли ежевики. Мальчик то и дело останавливался, чтобы полакомиться ягодами. Причудливо изогнувшиеся деревья низко нависали над рекой, преграждая дорогу. В их кронах хозяйничало великое множество птиц. Вспугнутые приближением мальчи-

ка, они взлетели целыми стаями, и хлопанье их крыльев напоминало шум ветра:

Миновав очередной поворот, мальчик остановился перед, казалось бы, непреодолимой преградой. Здесь скалы сходились почти вплотную друг к другу, образуя, каменный желоб, и стиснутая ими река с грохотом низвергалась отвесно вниз. Водопад был метра три шириной, и вновь появившаяся под ногами тропа взбегала к самой высокой его точке, где с обеих сторон потока виднелись относительно ровные площадки. Взобравшись наверх, мальчик обнаружил перекинутый с берега на берег шест, служивший от брызг, скользкий и, ступив на него, Артыкджан тотчас попятился.

Трудно сказать, что толкало его на тот берег. Скорее всего нежелание возвращаться той же дорогой, которой он пришел сюда. Но так или иначе мальчик решился на отчаянную попытку. Он швырнул свою палку на противоположный берег, сел на шест верхом и, опираясь на руки, пополз вперед, крепко зажмурив глаза, чтобы не видеть ревуший внизу поток. Уже возле самого берега он сделал неверное движение и, потеряв равновесие, повис на руках по пояс в ледяной воде. К счастью, ноги его коснулись дна и, не выпуская из рук шеста, он благополучно выбрался на площадку.

Отдышавшись, он подобрал палку и пошел дальше. Отойдя на порядочное расстояние от водопада, он устроил себе отдых в ореховой рощице на заросшем ежевикой берегу ручейка, достал из-за пазухи подмокший хлеб, набрал и наколот орехов, плотно поел и, полакомившись ежевикой, прилег отдохнуть.

Проснувшись в добром настроении, он пополнил свои запасы орехами и продолжил путь. Тропа опять потерялась, и он шел теперь напрямик по расширяющейся книзу ложине, заваленной огромными валунами. Они лежали почти касаясь друг друга, и немного погодя он понял, что

удобнее двигаться, перепрыгивая с камня на камень, чем пробираться тесными проходами, то и дело меняя направление и протискиваясь в узкие щели. Он так и сделал и прошел несколько десятков метров, и тут с ним случилось несчастье.

Валун, на который он должен был ступить, был полу-прикрыт кустом боярышника, мальчик просчитался и повернул ногу. Закричав от острой боли, Артыкджан сполз с валуна и остался сидеть на траве, обхватив руками ступню и раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ая-а-а! — стонал он. — Ой нога, аяджо-о-он!

Боль не проходила. Мальчик внимательно осмотрел ступню. Она выглядела, как обычно, и лишь мизинец нелепо и пугающе торчал в сторону и уже начинал опухать.

Мальчик тронул его рукой и вздрогнул от боли. Инстинктивно, не сознавая, зачем он это делает, Артыкджан обхватил мизинец и изо всех сил дернул вперед. Палец хрустнул и встал на место. Мгновенная вспышка боли ослепила мальчика. Он откинулся головой на камень и закрыл глаза. Сколько времени просидел так, он, пожалуй, не знал и сам. Боль постепенно утихла. Не открывая глаз, Артыкджан попробовал пошевелить пальцами. Мизинец побаливал, но не настолько, чтобы нельзя было идти.

Мальчик поднялся и, прихрамывая, пошел дальше. Он шел, не отдыхая, до самого вечера. И лишь когда солнце склонилось к вершинам гор, остановился возле родника, бьющего из-под скалы, которая замыкала собой ущелье. Скала уступами поднималась еще на несколько метров. Подняться по уступам не составляло большого труда, но мальчик устал и решил дальше не идти.

Ночь застала его на лужайке возле родника, и впервые за много дней он изменил своему правилу и уснул под открытым небом.

Утром Артыкджан позавтракал остатками хлеба и орехами, напился воды из родника и привычно взял в руки палку. Если в начале своего приключения он засыпал и просыпался с мыслью об отце и матери, то и дело звал их, шел в надежде выйти к родному дому, то постепенно необходимость заботиться о дне насущном, преодолевать невзгоды и тяготы все больше завладевали его сознанием. Теперь мысль мальчика работала преимущественно в одном направлении: как уберечься от опасностей и добыть пищу. Надежда добраться до дома перестала быть главной движущей силой. Он шел, повинувшись скорее древнему атактистическому инстинкту: двигаясь, легче прокормиться, чем оставаясь на одном месте. Все остальное отошло на задворки сознания.

Артыкджан вскарабкался по уступам скалы и, выпрямившись во весь рост, огляделся по сторонам. Слева совсем рядом вздымалась горная гряда, справа на значительном расстоянии тянулась ограниченная горами холмистая равнина. Поросшая порыжелой травой и кустарником, равнина казалась безжизненной, но, пройдя несколько десятков метров по тропинке, тянувшейся у подошвы горной гряды, Артыкджан услышал доносившиеся справа шипение, чередовавшееся с треском и шелестом сухой травы. Мальчик остановился и, затаив дыхание, прислушался. Шум смолк, но немного спустя повторился снова.

Артыкджан осторожно раздвинул кусты и испуганно отпрянул. Однако любопытство взяло верх над испугом, и он снова отвел рукой ветку боярышника. На просторной поляне шел поединок не на жизнь, а на смерть между большущей пятнистой змеей и вараном. Противники, по видимому, только что отпрянули друг от друга и теперь готовились к новой схватке.

Змея, невысоко приподняв голову над землей, внимательно следила за каждым движением варана. Тот, медленно перебирая морщинистыми лапами, приближался к

ней по спирали и вдруг, резко изменив направление, кинулся в атаку.

Враги спделись в яростно извивающийся клубок, но мгновенно спустя клубок распался. Варан подбежал к пожелтевшему кустику и принялся тереться о него, время от времени хватая пастью унизанные продолговатыми листиками ветки. Змея предприняла было попытку уползти в кусты, но варан опять кинулся на нее, и схватка вспыхнула с новой силой.

Затем варан опять подбежал к тому же кустику, потерся о него, пожевал былинки и ринулся снова в бой.

Артыкджан осторожно протянул руку к кусту, ухватился за его верхнюю часть, потянул на себя. Куст поддался неожиданно легко, и секунду спустя мальчик уже держал его в руке — пожухлый, неказистый куст, вырванный с корнем. «Адрасман»¹, — вспомнил мальчик. Так называлась трава, которой мать окуривала комнаты, когда люди в кишлаке начинали болеть гриппом. Сомнений не оставалось — это была та же самая трава.

Между тем варан в очередной раз вырвался из боя, подбежал к заветному кусту и, не обнаружив его, в панике заметался по площадке. Больше таких кустов поблизости не было. Движения варана стали судорожными, он стал покачиваться, как пьяный, потом закружился на одном месте, упал на спину, дернул лапами раз-другой и затих.

Пятнистая тварь еще некоторое время понаблюдала за ним, а затем, стремительно извиваясь, уползла в кусты.

— Адрасман, — шепотом повторил мальчик запомнившееся слово. — Варанья трава.

Он отбросил в сторону кустик и поспешно возвратился на тропу.

¹ Адрасман — гармала.

Ночи становились с каждым разом все прохладнее, и, устраиваясь на ночлег, мальчик выбирал теперь укрытые от ветра места и заранее собирал сухую траву и листья, чтобы зарыться в них или по крайней мере устроить что-то вроде одеяла.

Не в силах уснуть и стуча зубами от холода, он испытывал смутную тревогу, хотя и никак не связывал ночные заморозки с приближением суровой горной зимы. Но наступало утро, солнце быстро слизывало иней с травы и камней, к полудню становилось опять по-летнему жарко, и беспокойство рассеивалось до следующего ночного заморозка. Однажды, когда солнце уже клонилось к горизонту, Артыкджан перевалил через невысокую гряду и увидел перед собой равнину, заросшую побурелой верблюжьей колючкой. Только левее того места, где он стоял, виднелся большой участок земли, где растительность отличалась сочным темно-зеленым цветом. Зелень, как правило, означала наличие воды, и мальчик, облизнув пересохшие губы, направился к зеленому квадрату. Квадрат оказался засеянной арбузами плантацией, мальчик тотчас узнал зеленые с крапинками шары и обрадованно вскрикнул, предвкушая пиршество. Однако, приученный к осторожности, он прежде всего внимательно огляделся по сторонам.

Поодаль, на противоположной стороне плантации, виднелось полувысохшее дерево. Рядом с ним, то и дело отгоняя слепней взмахами головы, выщипывал траву белый расседланный ослик. Людей не было видно, и, проглотив набежавшую в рот слюну, мальчик пригнулся и оторвал от плети ближайший арбуз. Попытался было поднять, понял, что это ему не по силам, и, не разгибаясь, покатил арбуз к скалам, из-за которых только что вышел. Когда до скал оставалось всего несколько метров и катить арбуз стало невозможно из-за множества камней, Артыкджан обхватил его руками и, прижав к животу, выпрямился. Однако удержать арбуз оказалось не так-то просто: он

выскользнул из рук мальчика и с глухим стуком упал на землю. Задышавшись, мальчик опустился рядом.

Вокруг, надежно укрывая его от посторонних глаз, стеной смыкались высокие, почти в человеческий рост, заросли верблюжьей колючки. Артыкджан решил не тащить арбуз дальше. Встал, обхватил руками арбуз и, подняв как можно выше, бросил на камни. Как ни странно, арбуз не разбился. Мальчик повторил операцию несколько раз, но результат был тот же. Тогда он с большим трудом доволоч его до скал и сбросил с двухметровой высоты на гладкую каменистую площадку. Арбуз с треском развалился на две части, одна половинка скользнула с обрыва и покатила вниз, увлекая за собой мелкие камни. Другая осталась лежать на площадке.

Артыкджан подобрал половинку арбуза и, предвкушая удовольствие, попытался запустить пальцы в розовую мякоть. Сделать это оказалось не так-то просто: мякоть была жесткой, жилистой, а когда он попробовал ее на вкус, — горьковато-кислой. С трудом выбирая куски мякоти, Артыкджан, чтобы утолить жажду, стал сосать их, то и дело выплевывая горьковатую пережеванную массу. Откуда ему было знать, что арбуз, на который он потратил столько сил и энергии, оказался кормовым? Но так или иначе, жажду он утолил и снова тронулся в дорогу.

Быстро сгущались сумерки, но не успело стемнеть, как над горами поднялась полная луна и озарила все вокруг мягким серебристым сиянием.

Мальчик шел до тех пор, пока не ощутил усталость в ногах, и, увидев в стороне от тропы какое-то дерево, привычно свернул к нему. Дерево росло в лощинке между холмами. Среди узких удлинённых листьев поблескивали какие-то плоды, но разглядеть их не удавалось, и, лишь сорвав и надкусив один из них, Артыкджан узнал джиду.

Он поднялся выше на холм и, осторожно пригибая к себе колючие ветки, стал рвать плоды. Неожиданно нога его скользнула по травянистому склону, он, не удержав-

шись, съехал на дно лощины, попав ногами в крохотное холодное озерцо возле родника, скрытого ветвями дерева. Оправившись от испуга, Артыкджан смыл грязь с рук и ног, ополоснул лицо и напился. Потом осмотрел сучковатый ствол дерева, взобрался на него и набрал полные карманы джиды.

Поднявшись из сыроватой лощины, он привычно поискал глазами место для ночлега, но ничего подходящего не нашел. К тому же ночь была теплая и безветренная, и он решил заночевать под открытым небом. Свернулся калачиком на траве, закрыл глаза и тут же вновь открыл их и насторожился: где-то неподалеку замычала корова. Потом послышались приглушенные расстоянием голоса, и все стихло.

Мальчик подождал еще немного, но голоса не повторялись, и он успокоился.

На рассвете он проснулся от опять повторившегося мычания. На этот раз оно послышалось где-то совсем близко. Артыкджан, не вставая, повернул голову и увидел удаляющегося человека, который гнал впереди себя рыжую корову. Правее желтели возделанные поля, за ними, среди фруктовых деревьев, виднелись домики. Оттуда слышался негромкий собачий лай.

Артыкджан скользнул обратно в лощину и пошел по ней, пока не добрался до гор. Здесь густо разрослись кусты шиповника, и он, чутко прислушиваясь, зашагал по тропе вдоль горного хребта. Различив впереди какой-то непонятный шум, мальчик свернул с тропы и сквозь заросли вышел к обрыву. Внизу, в нескольких десятках метров, проходила асфальтированная дорога, по которой в обоих направлениях одна за другой катились автомашины.

Мальчик некоторое время настороженно наблюдал за ними, но, поняв, что его не видят, осмелел и, не сводя глаз с дороги, позавтракал джидой...

К полудню он был уже далеко от этого места, перевалил через невысокий хребет и стал спускаться по полого-

му склону. Впереди была еще одна широкая долина. Артыкджан уже заканчивал спуск, когда слева, словно из-под земли, раздался резкий устрашающий рев. Мальчик вздрогнул и резко повернул голову, но ничего не увидел: шагах в двадцати от него громоздились высокие скалы, и из-за них теперь, когда рев смолк, слышался приближающийся ритмичный стук.

Мальчик юркнул в кусты, и в ту же минуту из-за скал показалось чье-то огромное туловище. Мальчик испуганно вскрикнул, вскочил на ноги, но, сообразив, что убежать поздно, пригнулся, надеясь, что чудовище его не заметит. Оно действительно не обратило на него внимания, хотя пронеслось всего в нескольких метрах от того места, где он затаился. Артыкджан прижался к земле, ощущая, как она содрогается от тяжелой поступи чудовища, и зажмурил глаза, а когда снова открыл их, мимо катились дома... Дощатые дома с дверьми и окнами бежали гуськом один за другим.

«Поезд,— сообразил мальчик, вспомнив картинку из книжки, которую показывал ему брат. — Вагоны. Дада обещал покатать меня на поезде, когда я подрасту».

Скрылся из виду последний вагон. Мальчик еще некоторое время продолжал прятаться в кустах, и лишь когда затих вдалеке стук колес, вышел из укрытия и взбежал по насыпи. Озираясь по сторонам, мальчик не глядел под ноги и больно ударился о рельс. Морщась и потирая ушибленное место, он с удивлением взглянул на поблескивающую под солнцем колею и, не удержавшись, потрогал ее рукой. «Вот по какой тропе ходит поезд!»— подумал он, спускаясь на другую сторону насыпи, и пошел вдоль железнодорожного полотна.

Вскоре ему встретилась небольшая речка. Мальчик спустился к воде и пошел по камням вниз по течению, нагибаясь время от времени, чтобы подобрать принесенные водой яблоки и боярышник.

ВЕРНИ МОЕГО СЫНА!

... Касым-ака пришел на работу только на четвертый день после исчезновения сына. Он осунулся, побледнел, выглядел измученным и усталым. Поздоровавшись с Эшмурзой и другими работниками бухгалтерии, прошел на свое место, сел за стол и машинально подергал выдвижной ящик. Счетовод протянул главному бухгалтеру ключ.

— Уходили второпях, Касым-ака. Все на столе осталось. Я в ящик сложил и запер.

— Спасибо, Гияс,— кивнул главбух.

— Что-нибудь удалось узнать об Артыкджане?

— Ничего,— сокрушенно вздохнул Касым-ака.

— Не отчаивайтесь, Касым-ака,— вступил в разговор сидевший рядом со счетоводом рыжеватый йигит по имени Лапас.— Найдется сынок ваш.

Один Эшмурза сидел молча, делая вид, что ничего не слышит. Достал из кармана платок, вытер лицо, высморкался. Насыпал из кубышки щепоть насвая, отправил под язык и чуть погодя вышел из комнаты.

— Разговоры по кишлаку идут, Касым-ака, будто в тот самый день, когда ваш сынишка потерялся, жена Эшмурзы расспрашивала соседей, не видели ли их ишака.

— Вот как?— Касым-ака поднял глаза на Гияса.

— Да. А потом сама же, будто бы, заявила, что свела ишака на базар и продала.

Касым-ака задумался, глядя в одну точку. Вошел Эшмурза и, ни слова не говоря, сел за свой стол.

— Эшмурза,— не поднимая глаз, сказал Касым-ака.— Правда, что у тебя ишак потерялся?

— Нашелся,— буркнул Эшмурза.— Вчера сам пришел.

— Сколько дней он пропадал?

— Три.

— В тот день ты сюда на ишаке приехал?

— В какой это «в тот?»

— В тот день, когда пропал мой сын.

— На ишаке. И что?— ошетинился Эшмурза.— Тебе-го какое дело? Чего ты мне допрос устраиваешь?

— Да так...— Касым-ака еле сдерживал себя.— Ты о моем пропавшем сыне не спрашиваешь, вот я и решил о твоём ишаке спросить. Пропажа, как ни говори.

— Издеваешься?— рассвирепел Эшмурза.— Мое дело — спрашивать или не спрашивать!

— Твое,— кивнул Касым-ака.

— «Есть человек — людского рода украшеньё,
Есть человек — среди животных устрашеньё»,

— продекламировал наблюдавший за разговором Лас. — Нашли с кем разговаривать, Касым-ака.

— Со своими подхалимами так разговаривай!— проворчал, уткнувшись в бумаги, Эшмурза.— Они все стерпят. Несколько минут в комнате слышался только сухой треск костяшек счетов.

... Дома Касым-ака услышал еще одну новость.

— Люди говорят, Артыкджана в тот день на ишаке этого негодяя, чтоб ему провалиться, видели,— сообщила Зулайха-апа.

— Эшмурзы, что ли?

— Да. Мальчик один, говорят, на ишаке ехал.

— Кто говорит-то?

— Женщины говорят. Все слышали. Кулмат-бобо видел. Заболел старик, не встает.

— Заболел...— задумчиво повторил Касым-ака.— Ну что ж, пойдем навестим завтра. Ночью больного тревожить неудобно.

Утром Зулайха-апа нажарила катламы¹, переложила сверху и снизу обычными лепешками и, завернув в дастархан, кивнула мужу:

¹ Катлама — слоеная лепешка, жаренная в масле.

— Я готова.

Кулмат-бобо жил на самом краю кишлака. Старик был совсем плох. В доме собрались родственники и соседи. Касым-ака и Зулайха-апа справились о состоянии здоровья больного и в сопровождении его родственницы вошли в дом.

При их появлении старик открыл глаза и долго смотрел на супругов; не узнавая, потом едва заметно кивнул в ответ на приветствие и с трудом поднял руку, словно отгораживаясь от расспросов. Кулмат-бобо говорить, видимо, уже не мог.

Через несколько дней Кулмат-бобо скончался. После похорон старика слухи о том, что он видел сына Касыма-ака, с новой силой пошли гулять по кишлаку, обрастая подробностями одна невероятнее другой и наконец, не выдержав, главбух и Бегали-ака отправились к Эшму尔зе домой, чтобы выяснить, как все было на самом деле.

Эшму尔за встретил их на пороге.

— Зачем пожаловали?— холодно поинтересовался он, не приглашая войти.

— Признавайся по-хорошему, куда девал моего сына?— без предисловий спросил Касым-ака.

— Я тут при чем? — не моргнув глазом, ответил Эшму尔за вопросом на вопрос.

— Верни моего сына!— Касым-ака схватил Эшму尔зу за ворот и рванул на себя.— Живого или мертвого верни!

Касым-ака ударил Эшму尔зу кулаком в лицо. Тот отшатнулся, побледнел, как полотно, но даже не попытался защищаться.

— Убью, негодяй!— закричал Касым-ака, осыпая Эшму尔зу ударами. Бегали-ака тщетно пытался оттащить зятя. На шум выбежала жена Эшму尔зы, подняла крик. Стали собираться соседи, сообща кое-как успокоили несчастного отца Артыкджана.

ЕЩЕ ОДНО ЗЛОДЕЯНИЕ

Будь Эшмурза порядочным человеком, теплись в нем хоть капля совести и сострадания, — судьба мальчика могла сложиться иначе. Но Эшмурза после этого инцидента только озлобился еще больше.

Примерно через месяц после исчезновения Артыкджана Эшмурза взял отпуск и уехал из кишлака. Его видели в райцентре, а затем он как в воду канул.

Говорили, будто он выхлопотал себе путевку в санаторий и отправился на лечение. На самом деле Эшмурза рыскал в это время по горным кишлакам и аулам, спрашивая всех и вся, не видел ли кто заблудившегося мальчика, который приходится ему родным племянником. Цель при этом у него была одна: найти Артыкджана и запугать его, чтобы он навсегда потерял охоту встречаться с людьми.

Однажды вечером Эшмурза остановился перед сторожкой на берегу реки Сангар. Рядом пролегало полотно железной дороги, а чуть поодаль — шоссе, по которому, несмотря на позднее время, сновали автомашины.

Начинало смеркаться. Эшмурза постучался в калитку и, не дожидаясь ответа, крикнул:

— Эй, есть тут кто?

Дверь со скрипом отворилась, и на крыльце, близоруко шурясь, показался сторож, пожилой, с пышными усами мужчина. Они поздоровались.

— Заходите, гость, — пригласил сторож. — Чайку попьем, побеседуем.

— Спасибо, — поблагодарил Эшмурза и вошел во дворик.

Дворик был чисто выметен. Вдоль невысокой зеленой изгороди тянулся ухоженный цветник. Возле крыльца под навесом из шифера стоял стол и два стула.

— Присаживайтесь, — пригласил сторож. — А я пойду чай заварю.

Он скрылся в сторожке и немного погодя вернулся, неся дастархан и фарфоровый чайничек.

— Не обессудьте,— виновато развел руками сторож, поставив на стол дастархан и чайник.— Я бы вас ужином угостил, да вот беда — очки разбились, а без них я как без рук. Смену сдам, в город за новыми очками поеду. Добро бы обычные были, а то астигматические, сразу и не найдешь такие.

За чаем Эшмурза поведал сторожу историю о своем мнимом племяннике.

— Да-а, неладно получилось,— покачал головой сторож.— Представляю, какво родителям... А вы молодец, богоугодное делоё делаете, дай вам аллах удачи.

Он помолчал, поглаживая ствол ружья. Молчал и Эшмурза, внутренне потешаясь над простачком-сторожем.

— Нет, в наших краях мальчик не появлялся,— нарушил наконец молчание сторож.— Уж кто-кто, а я бы услышал о нем наверняка.

Солнце зашло за горы, и их зубчатые вершины четко вырисовывались на фоне заката.

«Поздно уже куда-то идти,— лениво подумал Эшмурза.— Заночую здесь... Проклятый мальчишка, слоняюсь из-за него как бездомный пес... Ну, попадись только мне, щенок!..»

Обладай Артыкджан даром читать мысли на расстоянии, он бы, конечно, изменил маршрут и избежал этой встречи. Но он был обыкновенным мальчишкой и, ничего не подозревая, продолжал шагать по каменистому ложу реки, подбирая и пробуя на вкус все, что было выброшено на берег водой и казалось съедобным.

Вскоре река свернула влево и нырнула под мост. Мальчик понял, что здесь ему не пройти и взобрался на берег. Перед ним простиралось залитое лучами солнца поле, засеянное рядами невысоких кустиков. Сквозь зеленые листья там и сям проглядывали белые шарики.

Артыкджан подошел к ближайшему кусту, сорвал оказавшийся почти невесомым шарик и поднес ко рту. Увы! Шарик оказался несъедобным. Это был хлопчатник, но, выросший в горном кишлаке, где хлопчатник не сеяли, мальчик не имел о нем никакого представления.

С отвращением выплюнув изо рта волглое волокно, Артыкджан побрел по междурядьям. Хлопковое поле закончилось и сразу же за межей начались бахчи. Увидев арбуз, мальчик, не раздумывая, опустился на колени, разбил его, ударив оземь и с наслаждением вгрызся зубами в розовую сочную мякоть.

Он доедал последний кусок арбуза, когда с хлопкового поля послышались человеческие голоса. Застигнутый врасплох, мальчик метнулся в противоположную сторону, но там по шоссе тоже шли люди и катились машины. Тогда, пригнувшись, Артыкджан побежал по полю, перепрыгнул через канаву и, свернув влево, увидел впереди небольшой белый дом. Позади и справа было хлопковое поле, слева — широкий полноводный арык. Перебраться через него можно было только по мосту, но мост находился рядом с домом. Поколебавшись, мальчик направился к мосту и уже ступил было на него, когда басовитый мужской голос окликнул от дома:

— Стой! Мальчик!

Артыкджан вздрогнул и оглянулся. Возле дома стоял, глядя на него, усатый мужчина с ружьем, перекинутым через плечо, а рядом на стуле сидел человек, при виде которого мальчик похолодел от страха. Это был тот самый мужчина, который заставил его сесть на ишака и завез в горы. Выражение лица мужчины и теперь не предвещало ничего хорошего.

— Поди сюда, — позвал усатый. — Ты чей будешь?

Артыкджан всхлипнул.

— Местный небось, — проговорил второй мужчина. — Шатается где попало, посевы топчет. А ну, пошел вон, щенок! Я тебя сейчас...

Не чувствуя ног от ужаса, мальчик бросился бежать и скрылся в густеющих сумерках.

— Зря вы его напугали!— укоризненно покачал головой сторож.— На здешнего не похож. Может, как раз вы его и ищите.

— Нет, это не мой племянник. Я бы того сразу узнал,— сказал Эшмурза.

— Все равно не следовало на него кричать,— упрекнул сторож и, оглянувшись, удивленно умолк: лицо гостя было белым, как вата. Сторож истолковал это по-своему.

— Не расстраивайтесь. Найдется и ваш племянник. Бродит где-нибудь, как этот...

— Да-да, вы правы,— согласился Эшмурза и торопливо поднялся.— Я, пожалуй, пойду.

— Куда же вы на ночь глядя?— изумился сторож.— Остались бы, а утром...

— Нет-нет, я тороплюсь,— поспешно заверил Эшмурза и пошел со двора, забыв даже попрощаться.

«Странный человек,— с сомнением подумал сторож,— то не торопился никуда, а то...» Он махнул рукой и стал убирать со стола.

ВСТРЕЧА С МОХНАТЫМ ДРУГОМ

Так судьба в лице проклятого Эшмурзы еще раз сыграла с мальчиком злую шутку. Подойди он к мосту немного пораньше, когда было еще светло, сторож наверняка разглядел бы лохмотья, в которые был одет мальчик, и, конечно же, догадавшись обо всем, задержал бы, не задавая никаких вопросов. Но было уже почти совсем темно, и близорукий сторож видел всего лишь темный силуэт. Что же до злодея Эшмурзы, который на зрение не жаловался, тот сразу же узнал мальчика.

... Спотыкаясь и падая, Артыкджан бежал до тех пор, пока хватило сил. Возбравшись на возвышенность, он лег на траву, жадно хватая ртом воздух. Отдышавшись, при-

поднялся на руках и прислушался. Где-то внизу гудели моторы проезжающих по дороге машин. Справа, по-видимому, был кишлак: оттуда доносилось мычание коров и собачий лай, мерцали в темноте огоньки.

Мальчик огляделся и, увидев темнеющий на фоне неба силуэт какого-то дерева, подошел к нему, лег на землю, но еще долго не мог уснуть, вновь и вновь с ужасом вспоминая пережитое. Он то и дело всхлипывал, но глаза его оставались сухими.

Над горами поднялся месяц, стало светлее. Артыкджан сел, прислонился спиной к стволу. Справа действительно виднелся кишлак, и там одно за другим гасли окна и кричали петухи-полуночники. Подул холодный по-осеннему ветер. Мальчик зябко поежился и лег на траву. Надо было искать для ночлега место, защищенное от ветра, но сил на это не было, и он так и остался ничком лежать на траве.

Поднялся чуть свет, невыспавшийся, продрогший, и сразу же двинулся в путь, спеша поскорее уйти из опасных мест. Успокоился он лишь когда горы снова обступили его со всех сторон — невысокие, заросшие лесом горы без намека на человеческое жилье. Трава на лужайках давно пожелтела и высохла, обнажив красноватую почву. Листья на деревьях пожелтели и орывались с веток при малейшем порыве ветра. Зато густые заросли барбариса были буквально усыпаны продолговатыми, кислыми на вкус ягодами. Артыкджан жевал их на ходу, высасывая из них сок и выплевывая горьковатую мякоть...

И опять потянулись однообразные дни в пути. Неизвестно куда, неизвестно зачем. Ночи становились все холоднее. Окончательно износившиеся лохмотья не грели. Теперь задолго до наступления темноты мальчик начинал подыскивать для ночлега подходящую пещеру или хотя бы промоину, которая укрыла бы его от ледящего ночного ветра.

Однажды, в очередной раз поднявшись на возвышен-

ность, он увидел внизу желто-зеленую от обилия деревьев лощину, превосходившую по размерам все, которые ему до сих пор встречались. Горы кольцом окружали ее со всех сторон, надежно укрывая от холодных ветров и, видимо, поэтому листья на деревьях не только не облетели, но и кое-где даже сохранили свой изначальный зеленый цвет. Среди деревьев высились, словно каменные истуканы, изъеденные временем и непогодой валуны.

С трудом отыскав удобное для спуска место, Артыкджан спустился в лощину и пошел, лавируя между валунами и деревьями. Поднявшись на холм посреди лощины, осмотрелся. Впереди горы расступались, открывая неширокий, полого поднимающийся на плоскогорье проход, и там, где он заканчивался, уже на плоскогорье, виднелось высокое полувysохшее дерево. Ближе к холму громоздились словно специально собранные в одну огромную кучу валуны. В лощине царил глубокая тишина, нарушаемая лишь редкими голосами птиц.

Позади послышался шелестящий шорох. Артыкджан резко обернулся и, потеряв равновесие, упал навзничь. То, что он увидел, заставило его похолодеть от страха: широко распластав огромные крылья и хищно вытянув вперед длинные, увенчанные острыми когтями лапы, на него стремительно опускалась громадная птица. Мальчик закричал срывающимся голосом, отчаянно заработал руками и ногами, отбивая атаку.

Птица опускалась под острым углом и была уже совсем рядом. Внезапно огромная мохнатая туша перемакнула через распростертого мальчика навстречу стервятнику. Испуганно захлопав крыльями, птица взмыла вверх и скрылась за верхушками деревьев.

Мальчик вскочил на колени и зажмурился в ужасе: в нескольких шагах от него, задрав голову и приоткрыв клыкастую пасть, стоял огромный бурый медведь. Бежать было поздно, да Артыкджан, скованный страхом, был не в состоянии и шагу ступить. Неподвижный, как из-

ваяние, он беспомощно смотрел, как зверь медленно приближается к нему: огромный, со свалывшейся клочьями бурой шерстью и удлиненной мордой, на которой выделялась черная точка носа и небольшие глазки, поблескивающие сквозь густой мех. От зверя исходил тяжелый кислотный запах.

Медведь подошел вплотную к мальчику и вдруг доверчиво, как-то по-собачьи потерся мордой о его бок. Артыкджан испуганно вскрикнул, но зверь явно не собирался нападать, взглянул в упор и опять ткнулся мордой на этот раз в грудь мальчика. Артыкджан непроизвольно опустил руку на шею медведя и вдруг нащупал что-то твердое. Опустил глаза и удивленно вытаращился: это был потрескавшийся кожаный ошейник.

Еще не поняв что к чему, мальчик почувствовал внезапное облегчение. Страх отступал, давая место жгучему любопытству. Мальчик осторожно погладил медведя за ухом. Зверь удовлетворенно заурчал и вдруг мягко лег рядом с Артыкджаном. Мальчик еще некоторое время продолжал гладить зверя, а тот, блаженно щурясь, лежал, опустив голову на передние лапы. Потом поднялся и сделал несколько шагов под уклон. Артыкджан, по-прежнему не поднимаясь с колен, следил за зверем, не зная, что предпринять. Медведь оглянулся и, не разжимая пасти, издал глухой утробный звук. Подождал и, видя, что мальчик не трогается с места, возвратился и, просунув морду подмышку, поднял Артыкджана с колен и подтолкнул вперед. Артыкджан сделал несколько неуверенных шагов. Медведь удовлетворенно заурчал и, обогнав мальчика, вразвалку затрусил вниз. Оглянулся, словно приглашая следовать за ним. Мальчик повиновался.

Так они дошли до груды беспорядочно громоздящихся друг на друга валунов. Здесь в глубокой пещере была медвежья берлога. Возле самого входа медведь снова оглянулся и, удостоверившись, что мальчик следует за

ним, скользнул в берлогу. Мальчик заколебался было, но боязнь рассердить зверя взяла верх, и он, пригнувшись, тоже вошел в пещеру. Вход был узок и тесноват, но дальше пещера расширялась, так что в ней свободно поместилось бы несколько человек.

В берлоге царил полумрак, но скоро глаза привыкли к скудному освещению, и Артыкджан разглядел довольно высокий каменный свод, стены и пол, устланный мусором, объедками и высохшей травой. Словно подавая мальчику пример, медведь растянулся на полу, но когда мальчик сделал тоже самое, медленно поднялся и вышел из пещеры. На этот раз медведь не оглядывался, и Артыкджан решил, что ему следует остаться в пещере. Он так и сделал и незаметно для себя скоро уснул.

Ему приснилось, что дядя Бегали везет его куда-то в коляске своего мотоцикла. Это «куда-то» оказалось родным домом. Навстречу ему, громко и радостно хохоча, выбегают отец, мать, брат. Обнимают, целуют его... Потом стелят постель, ложатся спать, и, прежде чем уснуть, он обнимает мать, прижимается к ней всем телом...

Проснулся Артыкджан весь в слезах и не сразу сообразил, где он, а сообразив, испуганно подался назад: во сне он, бессознательно прижимался к теплому медвежьему боку и даже обнял зверя рукой за шею. Мальчик поспешно убрал руку и взглянул на зверя. Медведь тоже не спал. В берлоге было уже достаточно светло, и мальчик увидел устремленные прямо на него влажно поблескивающие глаза, в которых светились доброта и сочувствие. И мальчик вдруг понял, что не только не боится огромного и такого страшного с виду зверя, но и испытывает к нему доверие и симпатию.

«Он совсем не злой,— подумал Артыкджан.— Это добрый айик¹, айик-друг». И с этой минуты он мысленно и вслух стал называть своего мохнатого друга Айиком.

¹ Айик — медведь.

Медведь не спеша встал, приглашающе заурчав, двинулся к выходу. Они выбрались на нагромождения валунов, поднялись по склону на плоскогорье и остановились под деревом, которое мальчик приметил еще вчера. То было старое ореховое дерево, наполовину высохшее, но на уцелевших ветвях орехов было предостаточно.

Айик встал на задние лапы и, обхватив ствол передними, попытался тряхнуть дерево. Оно не шелохнулось. Медведь раздосадованно рывкнул и устоялся на мальчика, как бы спрашивая, что делать. Артыкджан размахнулся и швырнул палку вверх. Палка ударила по ветвям, и на землю упало несколько орехов. Медведь поспешно подобрал их и захрустел скорлупой.

Мальчик понаблюдал за ним некоторое время, потом взобрался на дерево и принялся сбивать орехи палкой. Когда, по его мнению, орехов на земле набралось достаточно много, Артыкджан слез с дерева, и они вдвоем стали лакомиться дарами зеленого патриарха. Мальчик колот орехи на камне, а медведь с треском рагрызал скорлупу и, выплюнув наземь, старательно подбирал языком ядрышки.

Насытившись, Айик сгреб в кучку остальные орехи и, взглянув на мальчика, выразительно заурчал. Артыкджан понял, что хочет его мохнатый друг, собрал орехи в подол рубашки, и они вдвоем тронулись в обратный путь.

ЧЛЕН СЕМЬИ

В жизни Артыкджана наступил новый период. Закончился изматывающий бесконечный марафон, полный постоянных поисков воды и пищи, ночевок где попало, опасностей, тревог и волнений. Теперь у мальчика была крыша над головой. Необычная, но все же крыша. И главное — у него теперь был могучий защитник — Айик. Разумеется, мальчик был не в состоянии глубоко задумываться над своим новым положением. Он принимал

его как есть, и лишь, сравнивая с тем, как было прежде, понимал, что теперь ему живется гораздо лучше.

Вместе с этим относительно спокойная, беззаботная жизнь имела для Артыкджана и теневые стороны: не встречаясь с людьми, не слыша их речи, не видя ничего, связанного с человеческой деятельностью, мальчик все больше забывал свое прошлое, отдалялся от него, перенимая повадки своего лохматого друга, без которых прожить в горах в его нынешнем положении было бы невозможно.

Вдвоем с Айиком они ежедневно покидали берлогу и в поисках пищи бродил по окрестностям. Утолив голод и жажду, возвращались к пещере и, если благоприятствовала погода, часами нежились под лучами осеннего солнца на лужайке, со всех сторон окруженной валунами. На ночь забирались в пещеру, и мальчик засыпал, положив голову на мохнатый бок Айика. Вначале мальчика раздражал острый медвежий запах, но постепенно он привык и перестал его замечать.

Однажды среди ночи медведь растолкал Артыкджана и повел его за собой по тускло освещенным молодым месяцем звериным тропам. Они шли долго. Месяц скрылся за горы. В полной темноте они спустились на равнину. Под ногами зашелестели сухие стебли каких-то растений. Медведь остановился, и мальчик по чавканью догадался, что Айик приступил к трапезе, нагнулся и, пошарив руками по земле, поднял несколько сухих стручков фасоли, оставшихся после сбора урожая. Зерна были твердыми, как камешки, но Артыкджан набрал полную пазуху стручков, чтобы отнести в берлогу. Айик, невидимый в темноте, отошел куда-то в сторону. Артыкджан уже забеспокоился было, но тут издали донеслось призывное урчание и, поспешив на зов друга, мальчик отыскал его на поле, с которого еще не успели убрать морковь. Мед-

¹ Маш — бобовое растение.

ведь лапами разгребал землю, выуживая сладкие корнеплоды. Кое-как счистив землю, мальчик съел несколько морковок и набрал целый сноп корнеплодов вместе с ботвой, чтобы удобнее было нести...

Шло время, и постепенно воспоминания о прежней жизни полностью изгладились из памяти Артыкджана. Теперь, когда у него появился друг и наставник, он во всем беспрекословно подчинялся ему, следовал за ним по пятам, старался подражать ему, как мог. Сам о том не догадываясь, мальчик разучился разговаривать. Если еще сравнительно недавно в минуты опасности или испытывая боль, он машинально звал отца или мать, то теперь он издавал лишь нечленораздельные звуки, отдаленно напоминавшие слово «айик», зато научился по оттенкам урчания распознавать, чего хочет от него медведь.

Но вместе с тем он не был просто пассивным подопечным своего могучего друга. Между зверем и человеком, пусть даже неполноценным, установились такие взаимоотношения, при которых каждый выполнял посильную часть обязанностей по совместному существованию. Так, мальчик, то ли повинувшись врожденному инстинкту, то ли бессознательно подражая увиденному дома, тщательно вычистил пещеру, вынес из нее мусор, и, натаскав чистой сухой травы, устроил из нее толстую мягкую подстилку. Дело было осенью, медведя все больше клонило ко сну, новшество пришлось ему по вкусу, и он с явным наслаждением подолгу валялся на мягкой сухой подстилке.

Над горами зарядили обложные дожди, потом пошел снег, ударили морозы, но в пещере было тепло и уютно. Айик теперь никуда не выходил из берлоги, спал, почти не просыпаясь. Артыкджан совершал вылазки в одиночку, а так как мороз давал о себе знать,—ограничивался сбором барбариса, сухих фруктов и орехов. Добыча была скудной, но мальчику ее хватало, а медведь с наступлением зимы совсем перестал есть.

Изредка, привлеченные теплом, в пещеру залетали во-

робьи и дикие голуби, и тогда с кошачьей ловкостью Артыкджан ловил их и, ошипав, поедал сырыми. Порою во время вылазок ему попадались кеклики. Глупые птицы, увидев человека, бросались наутек, но отбежав в сторону, ныряли головой в снег, воображая, что спрятались, и становились легкой добычей Артыкджана.

В одну из особенно морозных ночей мальчик проснулся от щемящего ощущения опасности. Мальчик прислушался. Было тихо. Лишь изредка шуршал осыпавшийся с ветвей снег да мирно посапывал рядом безмятежно спавший Айик.

Мальчик решил, что ему почудилось, но тут из темноты морозной ночи донесся протяжный, леденящий кровь вой, а чуть погодя у входа в пещеру вспыхнули две пары зловещих зеленоватых огоньков.

Это были обезумевшие от голода волки, и хотя мальчик никогда до того с ними не встречался, он инстинктивно почувствовал угрозу и толкнул в бок Айика. В обычное время разбудить медведя было делом нелегким, но на этот раз он проснулся мгновенно и, почуяв опасность, стремительно ринулся в атаку.

Во мраке пещеры завязалась схватка не на жизнь, а на смерть. Рычание, вой, визг, скрежет зубов и глухие удары слились в жуткую какофонию. Мальчик стоял, дрожа всем телом, сжимая в руке палку — свое единственное оружие. Айику удалось вышвырнуть непрошенных гостей из берлоги, и теперь бой продолжался на площадке перед входом в пещеру. Мальчик поспешил на помощь, но шум схватки слышался уже где-то за валунами, а сразу у входа Артыкджан наткнулся на что-то мягкое. Он наклонился и в слабом мерцании звезд разглядел распростертое на земле, конвульсивно подергивающееся тело одного из волков. Мальчик перешагнул через волка и бросился к сражающимся, но там его помощь была уже не нужна: второй волк валялся на камнях с распоротым брюхом. Айик оглянулся на шорох шагов и торжествующе рывк-

нул. С его морды капала какая-то темная жидкость. Артыкджан вернулся к пещере и, не обнаружив волка на прежнем месте, стал обшаривать валуны. Волк был еще жив и яростно оскалился навстречу мальчику, когда тот обнаружил его на каменистой осыпи. Волоча перебитые задние ноги, хищник попытался добраться до расщелины, но мальчик в два прыжка настиг его и, размахнувшись, изо всех сил ударил палкой по голове. Первый удар пришелся вскользь, волк злобно клацнул зубами, но после второго удара уронил голову, судорожно дернулся и затих. Для верности мальчик еще несколько раз ударил его палкой. Волк оставался неподвижным. Тут подоспел Айик и, грозно рыча, впился зубами в поверженного врага.

Сражение было окончено, и мальчик возвратился в пещеру. Некоторое время спустя послышалось довольное урчание и Айик, зашелестев травяной подстилкой, улегся рядом с мальчиком и скоро уснул. Забылся сном и Артыкджан.

Утром в сером пасмурном свете затянутого тучами солнца он как следует рассмотрел распростертые тела ночных разбойников. Это были крупные коричневато-серые волки. Потом он отправился на поиски пищи, а когда вернулся несколько часов спустя, над трупами хозяйничала целая стая пернатых стервятников.

К вечеру от ночных визитеров не осталось и следа.

... Весной, когда растаяли снега и нежно-зеленая трава закудрявилась на пригорках, мальчик содрал с себя остатки превратившейся в лохмотья одежды и без сожаления выбросил их прочь. Теперь он был совершенно наг, но это его ничуть не смущало.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

А время шло. Весну сменило жаркое лето. Теплилась осенним золотом листва тополей позади пещеры. Басовито гудели в ущельях зимние свирепые ветры.

Мальчик рос и креп. Наливались силой, становились эластичными и упругими мышцы рук и ног. Незащищенная одеждой кожа приобрела бронзовый оттенок, стала менее чувствительной к зною и холоду. Движения мальчика стали стремительными и точными, взгляд блестящих глаз — цепким и зорким. Обострились обоняние и слух.

Он передвигался теперь, сильно наклонив вперед туловище, почти касаясь кончиками пальцев земли, настороженный, готовый к любым неожиданностям. Теперь он все чаще уходил промышлять пропитание в одиночку, и если добыча Айика ограничивалась ягодами, кореньями и насекомыми, то Артыкджан почти всякий раз приносил своему другу какую-нибудь птицу, суслика, а то и зайца.

Активный образ жизни явно пошел мальчику на пользу, зато плачевно сказывался на его единственном оружии — палках. Они то и дело ломались, пока наконец он не обзавелся прочной увесистой дубинкой, выдернув с корнями молоденькое карагачовое деревце.

Теперь он не тревожился, когда медведь надолго отлучался из пещеры, достаточно самостоятельный, он был в состоянии не только прокормиться, но и постоять за себя. И, словно сознавая это, медведь исчезал порою на несколько дней, а возвратившись, выглядел похудевшим и усталым, а нередко и потрепанным: то прихрамывал, то зализывал рану и ссадины.

Особенно беспокойным Айик становился весной. Он начинал метаться по ложине, призывно ревел, взбегал на плоскогорье, терся спиной о ствол старой орешины и тоскливо озирался, словно высматривал кого-то.

Не понимая, что происходит с его другом, мальчик забирался на самую верхушку дерева и оттуда зорко

оглядывал окрестности. Однако все вокруг было спокойно, а когда Артыкджан спрыгивал на землю, медведь, как правило, уже исчезал в неизвестном направлении.

Так было и этой весной. Айик огромными прыжками носился по ложине, перескакивал через валуны и продирался сквозь заросли боярышника. Все вокруг ходило от его беспокойного рева. Сначала Артыкджан не придавал этому особого значения, но потом забеспокоился: так отчаянно и яростно Айик не ревел еще никогда. Мальчик взбежал к старой орешине, но взобраться на нее не успел, остановился, как вкопанный: в нескольких десятках метров от того места, где он стоял, по пологому склону медленно брели два медведя.

— Ай-и-и-и-ик! — пронзительно закричал мальчик, рискуя привлечь к себе внимание непрощеных пришельцев. — А-а-йи-и-и-ик!

Айик услышал его, перестал рычать. Навострив уши, он завертел головой, пытаясь определить, откуда кричит мальчик, и увидел приближающихся медведей.

Даже на таком расстоянии Артыкджан рассмотрел, как напряглось могучее тело зверя. Пришельцы тоже заметили Айика. Остановились, касаясь друг друга боками, и некоторое время глядели вниз на замершего среди валунов сородича. Мальчик решил, что они сейчас вдвоем бросятся на Айика, и ему стало не по себе. Однако события стали развиваться иначе.

Один из пришельцев, тот, что был покрупнее, начал медленно спускаться в ложину. Второй остался на месте, лег на траву, примостив голову на передние лапы, и стал наблюдать за происходящим.

Когда расстояние между медведями сократилось примерно до десяти шагов, пришелец, превосходивший Айика размерами, остановился и угрожающе зарычал. Айик зарычал в ответ. Шерсть на загривке обоих медведей поднялась дыбом, из оскаленных пастей струилась слюна. Громовые раскаты звериного рыка сотрясали ложину.

Внезапно пришелец молниеносным броском ринулся на Айика. Тот был начеку. Припав к земле, он перебросил противника через себя, и, не давая опомниться, сам ринулся в атаку.

Следя за схваткой, мальчик не выпускал из поля зрения и второго пришельца. Зверь продолжал неподвижно наблюдать за поединком, и лишь нервно подрагивавшие уши свидетельствовали о том, что происходящее внизу ему не безразлично.

Между тем, соперники то катались по земле, сцепившись в клубок, грозно рыча, то отскакивали в стороны и опять с ревом бросались в атаку, нанося сокрушительные удары и впиваясь друг в друга клыками. В один из таких моментов пришелец зацепил клыками ошейник и, сорвав его с шеи Айика, принялся яростно грызть, но тотчас выплюнул и снова сцепился с противником.

Наконец, смертельно уставшие, они замерли друг против друга, тяжело поводя боками. Пришелец стоял спиной к Артыкджану и, может быть, потому казался еще больше и грознее, чем был на самом деле.

— Айи-ч-и-ик! — изо всех сил крикнул мальчик, чтобы подбодрить своего мохнатого друга. Пришелец вздрогнул от неожиданного окрика, резко обернулся и в то же мгновение Айик обрушился на него и впился клыками в глотку.

Судьба поединка была решена. Чужак пытался продолжить схватку, но силы иссякали с каждой минутой, и в конце концов Айик сбил его с ног и подмял под себя.

Артыкджан видел, как, хватая окровавленной пастью траву, Айик отошел от неподвижной туши и со всех ног кинулся к победителю, но тут же остановился: из-за валунов показался второй медведь и неторопливо пошел к Айику. Решив, что сейчас снова начнется схватка, Артыкджан крепко сжал пальцами свою дубинку. Однако второй чужак, миролюбиво урча, потянулся мордой к Айику. Медведи обнюхали друг друга, и гость принялся

вализывать раны на плечах и загривке Айика. Затем оба медведя, словно по команде, направились в сторону плоскогорья и скрылись из виду.

Только теперь мальчик почувствовал голод и отправился на поиски пищи. Когда уже к вечеру он возвращался в пещеру, внимание его привлекли клекот и хлопанье крыльев: над тушей убитого медведя хозяйничали грифы.

Айик вернулся только на четвертый день, ближе к вечеру. Еще издали услышав его фырканье, Артыкджан выбежал из пещеры и остановился в нерешительности: рядом с Айиком, как ни в чем не бывало, вышагивал второй медведь.

На всякий случай мальчик отбежал в сторону и вскарабкался на дерево. Медведи прошли мимо и скрылись в берлоге. Немного погодя Айик вышел на лужайку и стал нетерпеливо оглядываться по сторонам. Не обнаружив мальчика, Айик призывно заурчал. Артыкджан соскользнул с дерева, подошел к мохнатому другу и погладил его по загривку. Айик закричал от удовольствия и ткнулся мордой подмышку мальчику. Постояв так минуты две-три, он осторожно стиснул челюстями руку Артыкджана и потянул к пещере. Мальчик сделал несколько нерешительных шагов, но тут из пещеры показался второй медведь и, увидев Артыкджана, поднялся на задние лапы и угрожающе зарычал. Видя, что мальчик не торопится уходить, медведь опустил на четыре ноги, и, оскалив клыки, решительно двинулся ему навстречу.

Намерения медведя были очевидны, и Артыкджан попытлся, но тут вперед выступил Айик и решительно загородил чужаку дорогу. Тот потянулся было к мальчику, но Айик не сильно, но решительно оттолкнул чужака плечом и, зарывав, пригнул лапой к земле.

Вечером, когда мальчик привычно забрался в берлогу,

его место рядом с Айником оказалось занятым. Медведь-пришелец ничем не проявлял своего враждебного отношения к мальчику, но и уступать место явно не собирался. Артыкджану не оставалось ничего другого, и он улегся возле самого выхода из пещеры.

Теперь каждое утро Айик и медведь-пришелец уходили куда-то вдвоем и возвращались только поздно вечером. Мальчик был предоставлен самому себе и целыми днями слонялся по ложине и ее окрестностям, охотясь на птиц и разоряя их гнезда, чтобы полакомиться яйцами. Лишь изредка Айик выходил на ночной промысел, и тогда, как в прежние времена, брал с собой мальчика. Второй медведь в ночных вылазках не участвовал.

Летом Айик и медведь-пришелец покинули пещеру, и Артыкджан остался один. Раз в несколько дней Айик навещался в берлогу, то ли для того, чтобы навестить своего маленького друга, то ли затем, чтобы убедиться, что берлогу никто не занял. Мальчик всякий раз искренне радовался Айику и в один из таких визитов увязался за ним следом. Путь оказался длинным, и лишь к вечеру они наконец спустились в небольшую, затерявшуюся в горах ложину. Продравшись сквозь густые заросли, оказались на поляне, где в берлоге под двумя поваленными бурей деревьями Артыкджан увидел второго медведя. Зверь вышел им навстречу, и мальчику тотчас бросилось в глаза непомерно раздутое брюхо, едва не волочившееся по земле. Медведь тяжело дышал и то и дело ложился на землю.

Мальчик решил, что медведь болен, и только теперь вдруг обратил внимание на то, как исхудал Айик, которому, видимо, приходилось добывать корм для двоих. Артыкджан не стал возвращаться в свою ложину и теперь каждое утро пораньше уходил на охоту, чтобы добыть птицу не только для себя, но и для заболевшего медведя. И тот, словно поняв заботу мальчика, перестал относиться к нему с враждебной настороженностью и, при-

нимая из его рук еду, не сводил с него страдальчески-благодарных глаз.

Лето подходило к концу, когда, возвратившись с очередной охоты, Артыкджан к своему великому удивлению обнаружил рядом со зверем трех маленьких медвежат. Медведица (Артыкджан только теперь сообразил это) облизывала детенышей и выглядела непривычно плоской. Детеныши были величиной с кошку, беспомощные и слепые. Прошел еще месяц, прежде чем они прозрели и научились самостоятельно передвигаться: забавные пушистые зверьки неуклюже гонялись друг за другом, то и дело спотыкаясь и кубарем катаясь по траве. Еще через несколько дней все семейство перебралось в прежнюю лошину и поселилось в пещере.

Забот у Артыкджана прибавилось. В отсутствие родителей он караулил медвежат, не давая им отходить далеко от пещеры, играл с ними, учил распознавать съедобное и несъедобное. А когда медведи возвращались, он отправлялся на охоту, чтобы не только утолить голод, но и принести какое-нибудь лакомство для своих маленьких друзей.

Тогда-то он впервые и обнаружил колонию диких голубей в труднодоступной горной пещере Чапанберген.

Медвежата подрастали буквально на глазах. Скоро родители стали уводить их с собой: вначале это были прогулки по лошине и ее недалеким окрестностям, потом медвежье семейство стало забредать все дальше и дальше. А потом наступили холода, и медведи впали в зимнюю спячку.

Ранней весной повторилась прошлогодняя история: Айик опять с ревом метался по лошине, не находя себе места. Медведица вторила ему встревоженным силным басом и тоже в возбуждении рыскала между камней и деревьев. Казалось, звери селятся то ли понять, то ли найти что-то и, не в силах сделать это, впадали в ярость.

Наконец в один прекрасный день на медведей снизошло озарение, и они исчезли куда-то, беспечно покинув детенышей на попечение Артыкджана.

Впрочем, детенышами их назвать можно было лишь с большой натяжкой. То были уже крупные, вполне самостоятельные звери, и они вскоре доказали эту самостоятельность и разбрелись кто куда, начисто позабыв о своем двуногом попечителе.

Лето мальчик провел в одиночестве. Айик с подругой лишь изредка наведывались в лощину и тут же исчезали вновь. Потом они и вовсе перестали приходить, по-видимому, убедившись в том, что у их жилища есть надежный страж.

Возвратились мохнатые супруги уже глубокой осенью, а весной берлога огласилась визгом и урчанием очередной троицы медвежат. Казалось, ничто не угрожает безоблачному существованию медвежьего семейства и их человеческого приемыша. Но не зря, видно, гласит народная мудрость: «Беду искать не надо, беда с тобою рядом». Не успели еще прозреть четвероногие малыши, как на семью обрушилось несчастье: занемог Айик. Могучий зверь страшно отошал, перестал есть, двигался еле-еле, пошатываясь из стороны в сторону и едва передвигая ноги. Ночи напролет Айик беспокойно ворочался в углу берлоги и беспрерывно стонал.

Однажды на рассвете, когда медведица кормила детенышей молоком, Айик с трудом поднялся на ноги и, кричав и постанывая, двинулся к выходу. Мальчик торопливо вышел следом. Над четко очерченными горными вершинами занималась заря. Сонно перекалились птицы в подернутой легким туманом лощине.

Айик остановился в нескольких шагах от берлоги. Его ввалившиеся бока судорожно вздымались и опускались. Мальчик подошел к медведю и положил ладонь на лобастую, понуро опущенную голову. Медведь не шелохнулся. Артыкджан провел ладонью по свалывшейся шерсти.

Медленно, словно преодолевая нестерпимую боль, Айик повернулся и подтолкнул мальчика мордой обратно, к берлоге. Потом прерывисто, со стоном вздохнул и медленно побрел по пологому склону вверх, к одинокому ореховому дереву. Больше он не приходил.

Беда не приходит одна. Не прошло и месяца после ухода Айика, как медвежье семейство постигло новое несчастье: волк загрыз одного из детенышей. Произошло это так.

Медведица ушла на охоту. Артыкджан, которому накануне ночью почему-то не спалось, прилег на подстилку возле медвежат и задремал. Сквозь дрему он слышал, как они ворочались на сухой траве, а затем, выбравшись на середину пещеры, принялись рёзвиться. Незаметно сон окончательно сморил мальчика, и проснулся он оттого, что медвежата вдруг бросились к нему с испуганным визгом. Артыкджан выбежал из берлоги и увидел бегущего по склону волка с безжизненно обмякшим медвежонком в зубах. Не теряя ни мгновения, Артыкджан кинулся в погоню.

Нагнать волка удалось уже возле старой орешины. Почувствовав, что его настигают, волк выпустил из пасти медвежонка, но обернуться не успел: Артыкджан навалился на него всем телом и стал душить. Хищник отчаянно сопротивлялся, но Артыкджан изо всех сил стиснул ему глотку, а когда сопротивление ослабло, схватил камень и ударил волка по голове.

Потом он бережно поднял с земли безжизненное тельце медвежонка и бегом отнес его в пещеру. Когда он укладывал медвежонка рядом с его присмиревшими братьями, тот еле слышно скулил. Тут в голову мальчику пришло, что волк, которого он оставил валяться под деревом, возможно, еще жив. Артыкджан взял с пола забытую впопыхах дубинку и взбежал по склону к подножью орешины. Он оказался прав: хищник отдышался и даже

отполз в сторону. При виде мальчика волк злобно оскаллился. Несколькими ударами своей дубинки Артыкджан прикончил серого убийцу.

Оглянувшись через плечо на какие-то звуки, он увидел отару овец и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на дерево: рядом с отарой всегда были люди и собаки, уж в чем-в чем, а в этом он убеждался много раз.

От отары и в самом деле отделилась невысокая человеческая фигура и стала быстро приближаться к дереву. Артыкджан затаил дыхание. Пастух — это был мальчик примерно одних лет с Артыкджаном, подошел совсем близко. По тому, как он, не сводя глаз, вглядывался в крону дерева, Артыкджан понял, что пастух заметил его. Не раздумывая, он спрыгнул наземь и, прячась в кустах, кружным путем вернулся к пещере...

Медведица возвратилась поздно ночью. Обнюхав уже остывшее тельце своего детеныша, она осторожно взяла его зубами и вынесла из берлоги. Когда она вернулась, мальчик не слышал: свернувшись в клубок, он спал крепким сном.

ГЛАВА, НЕ ОТНОСЯЩАЯСЯ К ЖИЗНИ АРТЫКДЖАНА

Примерно так выглядит история пятилетнего пребывания мальчика в горах, вдали от людей, лицом к лицу с первозданной природой. История, рассказанная им самим, еще не освоившимся до конца и неуверенно чувствующим себя во вновь обретенной семье и человеческом обществе. Многое из того, что он пережил за эти пять лет, мальчик успел забыть, многое просто не мог выразить, так как словарный запас его был еще небогат. Разумеется, меня так и подмывало дать волю своему воображению, но я, «наступая на горло собственной песне», старался писать только о том, что мне рассказал Артыкджан, и ничего не добавлять от себя.

И тут, уже ставя точку в конце своего повествования, я вдруг вспомнил рассказ каттакурганца Зухура-ака Эрматова в ташкентской чайхане, когда мы возвращались после службы в рядах Советской Армии. Возможно, рассказ этот не имеет никакого отношения к истории Артыкджана... Но давайте я вам лучше перескажу этот рассказ, а выводы вы уж делайте сами.

«О медвежьем дрессировщике Наркузы слышали? Нет? Ничего удивительного,— давненько это было. Сам он, говорят, из Алты-Арыка родом. А когда-то в цирке выступал со своим медведем. По всей Средней Азии разъезжал. Профессионал, говорите? Да как сказать. Он всего одного медведя и выучил, с ним и выступал до конца. Сам-то я его один раз всего видел. В Каттакургане, в парке культуры и отдыха. Наркузы на бубне играл, а медведь плясал и еще всякие номера исполнял.

Нелегкой судьбы был человек. Отец его в 1916 году на лесозаготовках погиб. Деревом его придавило. Мать, когда ей о смерти мужа стало известно, и года не протянула. Остался Наркузы один-одинешенек. Продал домишко и пошел слоняться по городам да кишлакам, случайным заработком пробавлялся. Увидел однажды, как мальчишки медвежонка крошечного в речку окунают, прикрикнул на озорников. Те врассыпную. Подобрал Наркузы медвежонка, стал с ним путешествовать. Последнюю корочку хлеба, говорят, по-братски с ним делил.

Медвежонок вначале тощий был — кожа да кости. Смотреть не на что. Потом мяса набрал, подрос, стал на медведя похож. А к хозяину своему привязался, как собака не привязывается. В огонь и в воду за ним идти готов, с полуслова понимал, а то и вовсе без слов, по взгляду. От нечего делать обучил его Наркузы разным забавным штукам. Скажет бывало: «А ну, богатырь, пойдди на двух ногах!.. А теперь перекувыркнись!.. Сбегай, богатырь, бубен принеси!» — и медведь все выполняет. Ну,

зрители, понятное дело, в восторге. В ладоши хлопают, шайку по кругу гонят.

Однажды разыскал Наркузы представителя Андижанского ревкома и говорит: «Сделай одолжение, друг, сослужи службу Советской власти». — «Согласен, — отвечает Наркузы. — Что делать надо?»

И отправился Наркузы с секретным заданием в Бозский район, где хозяйничала банда Мирзы-Тага. В назначенный день начал Наркузы свое представление. Народу собралось видимо-невидимо, и вся басмаческая банда. А пока они на медведя глазели, красноармейцы кишлак окружили и всю банду в плен захватили, без единого, как говорится, выстрела.

А через несколько дней Наркузы с его медведем другие басмачи схватили. Видать, донес кто-то Эргашу-курбаши про бозское представление, ну курбаши и велел изловить того, кто представление затеял.

Ведут басмачи пленников, а сами спорят: «Расстрелять надо и его, и медведя!» — говорили одни. «Пусть сначала представление свое покажет, — предлагали другие. — А потом в расход пустим». Третий, самый, видать, осторожный был. «Дураки, — говорит, — вы оба. Курбаши Эргаш головы с нас поснимает, если мы их живыми не приведем».

Те двое рассердились: «Веди сам, раз такой умный!» Поворотили коней и ускакали.

Идут Наркузы с медведем по дороге, а за ними басмач с винтовкой наперевес. С коня слез — видать, отсидел себе одно место, — и пешочком топают.

Покосился на него Наркузы через плечо и шепотом медведю: «А ну, братец, сшиби этого молодца одним ударом!»

«Я тебе пошепчусь!» — кричит басмач. — А ну — шагай! Хотел еще что-то добавить, да не успел: медведь изловчился и головой в брюхо его боднул. Чуть насквозь не протаранил. Басмач, понятно, с ног долой, только винтов-

ка на камни брякнулась. Наркузы ее подхватил, да еще пару раз по бандитской башке добавил. А потом медведя кликнул и дай бог ноги!

А в тридцатые годы, когда цирк в Самарканде открылся, поступил туда на работу. Не знаю уж, сколько он там пробыл; может год, а может и все пять. А только вызывает его однажды к себе директор и говорит: «Жалуются на вас зрители, товарищ Наркузы. Ни над собой не работаете, ни зверя своего новым номерам не обучаете. Так дальше не пойдет». — «А как пойдет?» — спрашивает Наркузы. — «А пойдет так! — рассердился директор. — Вас, товарищ Наркузы, мы, может, и оставим при цирке грузчиком, а вот зверюге вашей у нас делать нечего. Хотите, на все четыре стороны отпускайте. А хотите, запла- тим за живой вес и другим зверям на обед отправим».

Разозлился Наркузы, наговорил директору всяких и разных неприятных слов. Тот его и уволил. Да еще где? В Ашхабаде, на гастролях!

И Наркузы в долгу не остался: хлопнул дверь, так что стекла в директорском кабинете повывлетали, забрал медведя и был таков!

Как в прежние времена, шел с медведем от кишлака к кишлаку, представления показывал, тем и пробавлялись. Всю Туркмению прошел, всю Бухарскую область.

Здесь их трое бандитов однажды остановили. «Ну, циркач, — говорят, — выкладывай денежки, пока цел!» А сами ножичками поигрывают. «Что будем делать, богатырь? — спрашивает Наркузы у медведя. — Неужто этих дурней испугаемся? А ну, покажи им, где раки зимуют!»

Те и глазом моргнуть не успели: медведь одного с ног сшиб, Наркузы — другого. А третий со страху такого стрекача задал, что потом три дня, говорят, по Кызылкумам плутал, обратную дорогу найти не мог.

Наркузы со своим медведем еще года три-четыре выступал. В Самарканде, Каттакургане, Джизаке, Бекабаде. Тогда-то я их в Каттакургане и видел.

Знаете, наверное, под Джизаком, недалеко от Ворот Тамерлана, кишлак есть такой, Бахмал, на речке Санзар. Здесь-то и настигла Наркузы судьба: захворал, слег, да так и не поднялся. Перед смертью призвал к себе кишлачного старосту Эргаша и попросил: «Похороните меня на Бахмальском кладбище. Вот тут деньги — и на похороны, и на поминки хватит. И еще одна к вам просьба: не обижайте медведя. А как умру — отпустите на волю».

Медведь словно предчувствовал: все эти дни ни на шаг от хозяина не отходил. Вместе со всеми за гробом до самого кладбища шел. После похорон старый Эргаш погладил медведя по шее: «Спасибо тебе, богатырь! Верно твоему хозяину послужил. Теперь отдыхай. До свиданья!» Медведь дослушал старика, оглядел всех в последний раз, вздохнул и медленно-медленно пошел в сторону гор. А люди глядели ему вслед и молча плакали...

Грустная история, правда? Но это еще не все. Через несколько лет после смерти Наркузы приехали в Бахмал из Ташкента какие-то люди. Стали про него расспрашивать, пошли могилу искать. Спихватились, видите ли, признали задним числом. Ну что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Отыскали могилу, установили памятник из камня. Разные хорошие слова при всем народе о нем говорили. Ну, а потом уехали и все опять по-прежнему пошло.

Так вот однажды заметили мальчишки из кишлака, будто по кладбищу зверь какой-то бродит. Пока взрослым сказали, пока те раскочались... Приходят на кладбище, а там на могиле Наркузы рядом с каменным надгробием большущий медведь лежит. Мертвый.

Эргаш-ака сразу его признал: «Тот самый медведь, что вместе с Наркузы был!» Посовещавшись, люди и похоронили медведя рядом с могилой Наркузы. И кто-то даже подсчитал, что медведь тот на могилу хозяина ровно через десять лет после его смерти пришел.

Такие вот дела... Живешь в этом мире иной раз бок о

бок с чудесными, прямо-таки уму непостижимыми явлениями. И не замечаешь, пока время не наступит».

Вспоминая этот рассказ, я вновь и вновь спрашиваю себя: а что если Айик, приютивший Артыкджана, спасший его от неминуемой смерти, действительно тот самый медведь, который прошел вместе с Наркузы длинный жизненный путь, горевал на его похоронах и в конце концов больной, обреченный, пришел на его могилу, чтобы умереть рядом с хозяином?

И тогда многое становится на свои места, и перестает быть загадочным поведение зверя, принявшего близко к сердцу человеческого детеныша. А если вдуматься еще глубже, то доброта, которую проявил медведь по отношению к мальчику, есть не что иное, как отголосок гимна любви к людям, ко всему живущему на земле, который до последней минуты звучал в сердце старого Наркузы.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Трудовой отпуск

Знакомство в автобусе	8
Ночь в Кокрабате	13
Кишлак посреди гор	18
Видел или не видел	23
Следы	30
В Медвежьем логоу	37
Горные тайны	42
Встреча с егерем	49
Знакомые глаза	53
Зиёфат	59
От Багистана до Кокрабата	64
Артыкджан снова дома	69
До новых встреч!	72

Часть вторая

Возвращение

Где Артыкджан?	81
Встреча	85
Злой человек	92
Первый день одиночества	96
Бесплодные поиски	100
Борьба за жизнь	102
Гостеприимное ущелье	107
Двое с ружьем	110
Удивительные приключения	115
Верни моего сына!	125
Еще одно злодеяние	128
Встреча с мохнатым другом	131
Член семьи	136
Дела семейные	141
Глава, не относящаяся к жизни Артыкджана	149

Хусанов, Акилджан.

X 98 Жил мальчик в горах, Повесть/ [Пер. с узб. Н.Гацунаева]. — Т.: «Ёш гвардия», 1984.— 160 с.

В повести рассказывается о мальчике, который волей случая попал в горы, как он вырос там среди медведей, как усилиями многих людей был возвращен в человеческое общество. Книга учит мужеству и благородству, любви к родной природе.

Уз

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

На русском языке

**ХУСАНОВ АКИЛДЖАН
ЖИЛ МАЛЬЧИК В ГОРАХ**

Приключенческая повесть

Перевод с узбекского

ИБ 1475

Рецензент — член СП СССР **В. Новопрудский.**

Редактор **И. Баранова**
Художник **Х. Лутфуллаев**
Художественный редактор **Х. Рахматуллаев**
Технический редактор **Н. Мирзаева**
Корректор **З. Наджатова**

Сдано в набор 22.08.84. Подписано в печать 19.12.84.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 3. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0. Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 7,22.
Усл. кр. отт. 7,35. Тираж 60000. Заказ № 4495. Договор 50—84.
Цена 25 коп.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия»,
Ташкент, ул. Навои, 30.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
ЦК КП Узбекистана, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА «ЁШ ГВАРДИЯ»
В 1984 ГОДУ ВЫПУСТИЛО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
НОВЫЕ КНИГИ:**

А. ГРИН.
Алые паруса.
Повести.

ИСФАНДИЯР.
Судья.
Повести.

О. СИДЕЛЬНИКОВ.
Трое отважных.
Повесть.

В. ДАНЬКО.
Крылатый мальчик.
Стихи.

Ф. КАМАЛОВ.
Зеленая дверь в арбузе.
Рассказы и повесть.

Н. КРАСИЛЬНИКОВ.
Олений родник.
Повесть и рассказы.

И. РОГОВ.
Долина горных духов.
Повесть.

Я. ХОДЖАЕВ.
Вундергай — сыщик.
Повесть.